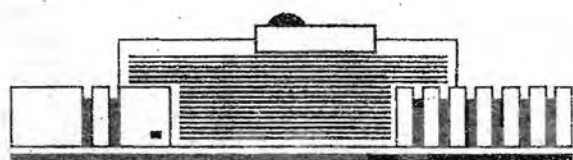

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2002 № 2(24)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
А.М. Дарафееў (нам. галоўнага рэдактара),
Я.А. Клімянцёнак (адказны сакратар),
С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Вараб'ёў,
Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,
А.Д. Зінькоў, А.А. Карніенка, В.П. Клімовіч, В.А. Космач,
І.Л. Лапін, С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева,
П.І. Навіцкі, В.І. Несцяровіч, І.М. Прышчэпа,
Э.І. Рудкоўскі, І.Ю. Семенчукова, У.Л. Фядотаў

Адрас рэдакцыі:

**210036, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 25-31-20**

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года

Выходзіць чатыры разы ў год

2002   № 2(24)

Змест

Філасофія

- Позойский С.В., Рудковский Э.И.* Апории Зенона: философские и естественно-научные аспекты 3
- Табачков А.С.* Некоторые особенности концепта «Картина мира» 8

Гісторыя

- Дулаў А.М.* Становішча жанчыны ў БССР 1920-30-х гг.: беларуская гістарыяграфія 12
- Беляев А.В.* Организация, структура и функции местной вспомогательной администрации в Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.) 17

Эканоміка

- Шахнович С.В., Шахнович Е.С.* Человек, собственность и экономические системы 24
- Трацевская Л.Ф.* Бытовое обслуживание населения – важный фактор жизнеобеспечения и развития городов экономического региона 28

Правазнаўства

- Егоров А.В.* Правовая интеграция (теоретические основы определения) 32
- Середа Г.Н.* Ресоциализация осужденного при отсрочке исполнения наказания ... 39

Педагогіка

- Чубаро С.В.* Эмоционально-ценностное отношение к природе как компонент экологической культуры личности 46
- Галузо И.В.* Дидактические основы профилированных курсов естественно-научных предметов в профессионально-технических учебных заведениях 50
- Шевцова Л.И.* Классы гуманитарного профиля: содержание и задачи литературного образования 55
- Амасович Н.В.* Развитие учебно-творческой деятельности младших школьников 63

Псіхалогія

- Харитонова Е.А., Лобыр А.Н.* Анализ речевого онтогенеза в аспекте проблемы формирования высказывания (младенческий и ранний возраст) ... 68

Мовазнаўства

Ануфрыева С.С. Подтекст: явление, понятие, термин	75
Руткевич С.А. Стилистическое использование амонимов, полисемантов, речевых клише в рекламной речи	79
Казаков И.Н. Сказ как способ передачи письменной речи (на материале «Записей Ковякина» Л. Леонова)	84
Семянкова Г.К. Неафіцыйнае імянаванне жыхароў Віцебшчыны і светапогляд беларусаў	89

Літаратуразнаўства

Шумко В.В. Генезис, развитие жанра фантазии и его современное состояние	95
Карпенко А.В. Эволюция строфических форм поэзии О.Э. Мандельштама	104
Бружас А.К., Петкевич Г.С. В ожидании «встречного течения»: литовско-белорусские литературные связи 1980/90-х годов	111

Матэматыка. Фізіка

Гальмак А.М. О смежных классах конгруэнции полиадической группы	114
Ефремова М.И. О пересечении максимальных т-подклассов Шунка p-арных групп	118
Трубников Ю.В. Об одном новом алгоритме нахождения спектральных радиусов	121
Андрушкевич И.Е., Жизневский В.А. Применение обобщенного метода Фурье в задаче полого волновода треугольного сечения	124

Геаграфія

Пиловец Г.И. Игнатий Домейко – геолог, этнограф, педагог и гражданин мира (к 200-летию со дня рождения)	129
Пилецкий И.В. Сельскохозяйственное производство как фактор формирования культурных ландшафтов Белорусского Поозерья	133

Кароткія паведамленні

Ивановский В.В., Кузьменко В.Я., Козлов В.П. Сизая чайка (<i>Larus canus</i> L.) на верховых болотах Беларуси	143
Шапорова Я.А., Колмаков П.Ю. Первые находки <i>Russula azurea</i> Bres. в Беларуси	145
Малах О.Н. Изменение клеточного состава крови крыс, адаптированных к воздействию гипоксии и подвергшихся токсическому воздействию	147
Шмидт А.М. О конечных разрешимых группах с копростым автоморфизмом	150
Бібліяграфія	152
Хроніка	153
Рэфераты	155
Звесткі пра аўтараў	162

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

Я.А. Клімяніцкі
Г.У. Разбоева
Л.В. Прыстаўка

Падпісана ў друк 26.06.2002. Фармат 70х108 1/16. Папера друкарская. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 10,1. Ум. фарб.-адб. 10. Ул.-выд.арк. 11. Тыраж 150 экз. Заказ 57.

Выдавецтва Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
210036, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33. Ліцэнзія ЛВ № 358 ад 30.12.1998.
Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

© ВДУ імя П.М. Машэрава, 2002

Апории Зенона: философские и естественно-научные аспекты

Понять смысл философского учения Зенона можно лишь в контексте исходных посылок философии Парменида, чьим любимым и наиболее ярким учеником и был Зенон.

Каковы же эти посылки?

1. Парменид делает весьма резкое различие между подлинной истиной, являющейся продуктом разума, и мнением, опирающимся на чувственное познание. Чувственное познание дает нам образ лишь кажущегося состояния вещей, и с его помощью нельзя постичь их подлинную сущность. Чувственно-наглядный мир – это мир «ложных мнений». За изменчивым ложным миром внешних явлений скрывается абсолютно неподвижное и неизменное вечное бытие. Это бытие познается как нечто единое лишь разумом.

2. Бытие есть, а небытия нет (по определению, ибо нет того, чего нет), так как только им (бытием) выражается подлинное единство мира. «Небытие» – то же самое, что пустота, пустое пространство. Стало быть, когда Парменид утверждает, что бытия нет, это означает, что в мире нигде нет пустоты, нет ничем не заполненного пространства. Из невозможности пустоты и из сплошной заполненности пространства веществом получается вывод: мир един, в нем нет и не может быть множества отдельных вещей. Множество есть только обман чувств.

3. Принцип тождества бытия и мышления. Как же его обосновывает Парменид? Аргументация сводится к следующему: мысль – всегда мысль о предмете. Все, о чем говорится и думается, есть. Невозможно думать иначе, как думая о чем-то, что есть. Думать о *ничто* равнозначно не думать, а говорить о *ничто* – значит ни о чем не говорить. Стало быть, «думать» и «быть» соединяются, совпадая: «одно и то же думать и быть».

Из данных посылок Парменид делает вывод о невозможности движения. Он рассматривает всякое возникновение, изменение, многообразие как небытие. Движение и изменение для *элеатов* не истина, а мнение. Все, что существует, есть сущее (бытие), которое есть всюду, во всех местах, и поэтому оно не может двигаться. Хотеть нечто переместить означало бы либо поместить его на место, где ранее было не сущее. Но не сущее не существует, как вытекает из ранее сказанного, т.е. небытия нет. Более того, бытие неизменно и неподвижно, ибо подвижность и изменчивость предполагает небытие, по отношению к которому быстрее движется или во что-то бытие трансформируется. Парменидово во всем равно: немислимо «более бытия» или «менее бытия», ибо это сразу означает вторжение небытия.

Теория Парменида не могла не вызвать ошеломляющего эффекта, породила полемику. Оппоненты, идя от реальности, показывали очевидность множественности и движения. Решение задачи – отстоять учение Парменида – взял на себя

Зенон. В своих суждениях о бытии, полагал философ, мы должны основываться не на чувствах, а на разуме. Зенон выдвинул целый ряд аргументов в защиту учения Парменида. Метод, примененный им в этих аргументах, впоследствии позволил Аристотелю назвать Зенона родоначальником диалектики.

Сразу же следует отметить, что Зенон не отрицает реальности пустоты, множества, движения для наших чувств. Он отрицает (как и Парменид) лишь возможность мыслить пустоту, мыслить множество и мыслить движение, не впадая при этом в противоречия. Истинность учения элейской школы Зенон доказывает своеобразным методом – от противного. Становясь на противоположную элейскому учению точку зрения, Зенон убеждает, что она неминуемо ведет к неразрешимым противоречиям и, стало быть, ложна. Своей критикой чувственного опыта Зенон способствовал обнаружению противоречивости явлений природы. В силу этого в философии элеатов был поставлен ряд диалектических проблем.

К примеру, известны аргументы Зенона против множественности, где на первом плане стоят понятия единое-многое. Эти аргументы показывали, что для существования множественности должно быть много единств (дано, что множественность есть именно множественность целого). Однако рассуждение показывает (вопреки опыту), что это невозможно, ибо ведет к непреодолимым противоречиям, а значит множество единств абсурдно и не может существовать. Вот пример: Если миров множество, необходимо полагать, что их столько, сколько есть, не больше и не меньше, а значит, их должно быть конечное число; но коль скоро миров множество, они также бесконечны. Ведь между одним и другим можно поместить другие (поскольку всегда делимо до бесконечности пространство между одной и другой вещью), а значит, миры бесконечны». В данном случае ошибка Зенона заключается в том, что он единицу и множественность изолирует и абсолютизирует, противопоставляя их друг другу и не видя их соотносительности. Наибольший интерес представляют размышления Зенона о движении. Сюда относятся знаменитые апории, известные под названиями: «Дихотомия», «Ахиллес и черепаха», «Стрела», «Стадий». В них Зенон поднял важную философскую проблему – как можно мыслить движение, прерывность и непрерывность пространства.

Первая апория называется «дихотомия» (дихотомия по-гречески – деление на два). «Наше движение никогда не может начаться, так как, прежде чем пройти какое-то расстояние, мы должны пройти сначала его половину. А чтобы пройти половину, нужно прежде преодолеть четверть и так далее до бесконечности. Следовательно, для того, чтобы пройти какое-то расстояние за конечное время, нам нужно осуществить за это время бесконечное число действий». По логике Зенона, продолжая делить пополам все уменьшающиеся отрезки, мы никогда не кончим деления и, следовательно, никогда не начнем движения.

В этой апории Зенон, по-существу, поставил вопрос о возможности бесконечной делимости пространства, в котором движется тело, и времени, в течение которого совершается движение. Если это возможно, то Зенон прав и движение никогда не начнется. Но ведь движение – это реальный факт. Следовательно, оно не совместимо с представлением о бесконечном пространстве, бесконечной длительности и их бесконечной делимости. Движение в бесконечном пространстве и времени – это абсолютное движение. Из СТО следует, что абсолютного движения, как и абсолютного покоя, нет.

Рассмотрим еще одну апорию Зенона – «Ахиллес и черепаха» (рис. 1). Вот как излагает ее ученый 6 века н.э. Симпликий: «... речь идет об Ахиллесе, который, как гласит этот довод, не может догнать черепаху, которую он преследует. Ибо догоняющий должен, прежде чем он догонит преследуемого, достигнуть точки, из которой преследуемый начал свое движение. Но за время, необходимое преследователю для достижения этой точки, преследуемый,

воспользовавшись этим, пройдет еще какое-то расстояние. Даже если это расстояние меньше расстояния, пройденного преследователем, поскольку преследуемый движется медленнее, все же он продвинется вперед, так как не стоит на месте. Таким образом, в течение каждого периода времени, за который преследователь покрывает расстояние, уже пройденное преследуемым, ... преследуемый пройдет еще дальше вперед на какое-то расстояние, и хотя это расстояние постепенно уменьшается в силу того, что преследующий имеет более высокую скорость, оно представляет собой продвижение на какую-то положительную величину...». Есть еще одна трактовка этой апории: допустим для простоты, что черепаха неподвижна, а Ахиллес бежит со скоростью 5 м/с.

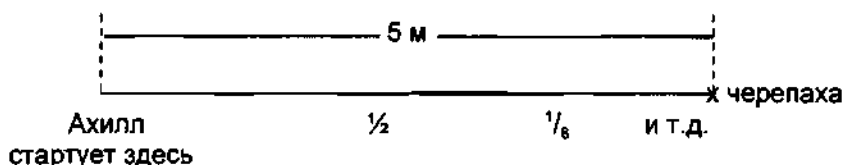

Рис. 1. «Ахиллес и черепаха»

Вот рассуждения Зенона. За первую половину секунды Ахилл пробегает 2,5 м, за следующую четверть секунды – 5/4 м, за следующую восьмую секунды – 5/8 м и т.д. Деля временной интервал пополам на каждом шаге, мы получаем, что Ахилл проходит каждый раз лишь половину оставшегося расстояния до черепахи. Отсюда Зенон заключает: Ахилл никогда не догонит черепаху. Вокруг этой апории на протяжении многих веков ведутся споры. Суть этого парадокса состоит в том, что Зенон, бесконечно уменьшая расстояние между Ахиллесом и черепахой, рассматривал их в каждый момент времени неподвижными в тех точках, где они находились. Заметим, что из апории «Дихотомия» следует, что Ахиллес не догонит черепаху, если она даже не сдвинется с места, так как он не сможет начать движения. Зенон не учитывал, что сумма бесконечного числа убывающих временных интервалов равна конечной величине: $1/2 + 1/4 + 1/8 + 1/16 + \dots = 1$ с. Точно также отрезки пройденного пути становятся настолько малыми, что их бесконечная сумма тоже равна конечной величине: $5/2 + 5/4 + 5/8 + \dots = 5$ м, т.е. мы видим, что рассматривать интервалы пути и временные интервалы сами по себе нельзя – в этом и состоит разгадка парадокса Зенона. Однако, отношение интервала пути к временному интервалу имеет очень простой вид. За первую половину секунды Ахилл пробегает 5/2 м и:

$$\frac{5/2 \text{ м}}{1/2 \text{ с}} = 5 \text{ м/с.}$$

За следующую четверть секунды он пробегает 5/4 м и:

$$\frac{5/4 \text{ м}}{1/4 \text{ с}} = 5 \text{ м/с}$$

и т.д., т.е. отношение $S / t = V$ – скорость Ахилла. Если не вдаваться в глубокий философский смысл этой апории, то ее можно решить простым, известным нам способом: пусть скорость черепахи 1 см/с, скорость Ахиллеса – 10 м/с (это близко к мировому рекорду на 100 метров). Допустим, что расстояние между ними в момент времени $t = 0$ составляло 50 м. Время, через которое Ахиллес догонит черепаху, мы найдем, разделив 50 м на разность скоростей. Получим $t = 5$ с. Если же черепаха неподвижна, а Ахиллес бежит со скоростью 5 м/с и начальное расстояние между ними 5 м, то Ахилл настигнет черепаху через 1 с.

А теперь решение в общем виде. Пусть Ахиллес догонит черепаху через время t . За это время он пройдет путь $V_A \cdot t$ (V_A – его скорость). Путь, пройденный черепахой за это время, равен $V_C \cdot t$ (V_C – скорость черепахи). Если в момент времени $t = 0$ расстояние между Ахиллесом и черепахой было S_0 , то

можно записать: $V_A \cdot t = V_C \cdot t + S_0$. Отсюда $t = S_0 / (V_A - V_C)$. Можно привести несколько иное решение: за единицу времени расстояние между Ахиллесом и черепахой сокращается на $V_A - V_C$. Все расстояние между ними будет пройдено за время $t = S_0 / (V_A - V_C)$. За это время t Ахиллес и догонит черепаху.

Эти две апории Зенона демонстрируют несовместимость представления о движении с представлением о возможности бесконечного деления пространства и времени. Они заставляют нас сделать вывод о существовании некоего последнего, элементарного, неделимого отрезка. Заметим, что современная физика предполагает существование границы делимости протяженности и времени в микромире. Она допускает существование некоторой элементарной, или фундаментальной, длины l_0 , далее неделимой, и соответствующего кванта времени. Но экспериментального подтверждения эта гипотеза пока не получила. В экспериментах показано, что никаких свойств атомарности до длительности $\sim 10^{-27}$ время не обнаруживает, а пространство не обнаруживает таких свойств до отрезков длины $\sim 10^{-18}$ м. В качестве квантов пространства и времени предлагаются $l_0 = 10^{-35}$ м и $\tau = 10^{-43}$ с. Экспериментами это не подтверждено.

Обратимся к апории под названием «Стрела» (рис. 2). В ней Зенон рассматривает полет стрелы. Он рассуждает так: в любое определенное, фиксированное мгновение стрела находится в определенном, единственном положении. Причем, она находится в этом месте траектории так, как было бы, если бы она там покоилась. Эту летящую стрелу нельзя отличить от другой, покоящейся стрелы, которая находится в том же месте. Эти рассуждения можно повторить для любого мгновения. Отсюда следует, что движения нет, так как в каждое мгновение стрела покоится.

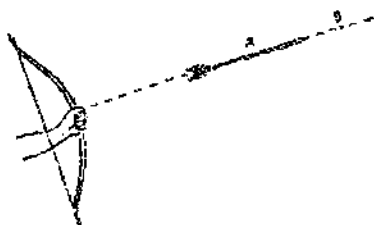

Рис. 2. «Стрела»

Разгадать эту загадку Зенона не могли лучшие умы многих поколений. Описать движение стрелы как движение любого тела, брошенного под углом к горизонту, мы, опираясь на динамику Ньютона, безусловно, сможем. Но как объяснить противоречия, к которым пришел Зенон?

Разгадать загадку Зенона, пользуясь им самим предложенными образами – «мгновение», «положение в каждое мгновение» и др. – оказалось невозможным на протяжении многих веков. Как представить себе движение, составленное из неподвижностей? Состоит ли движение на самом деле из неподвижностей? Конечно, нет. Согласно диалектике, движущееся тело одновременно находится в данной точке пространства и не находится в ней. В каждый момент времени тело приходит в данную точку, находится в ней и уходит из нее. Движение и представляет собой единство этих противоположных свойств. Содержание апории «Стрела» противоречит выводам из предыдущих апорий. Действительно, если признать существование границы делимости пространства и времени, т.е. существование квантов пространства и времени, то отсюда следует, что движение летящей стрелы состоит из суммы моментов покоя ее в каждом из этих элементарных отрезков пространства и времени. Но, сколько бы мы ни суммировали моментов покоя, мы не получим движения.

Т.о., апория «Стрела» отрицает возможность существования квантов пространства и времени как статических элементов, т.е. протяженных и длящихся. Развитие квантовой физики показывает, что минимальные кванты пространства и времени внутренне противоречивы: с одной стороны, это кванты протяженности и длительности, а с другой – они не должны быть чем-то протяженным и длящимся.

Следующая апория Зенона называется «Стадион» (по-гречески – «ристалище бега» (рис. 3). Представим себе три параллельных ряда всадников, стоящих на старте (положение 1). По сигналу первый ряд остается на месте, второй ряд мчится направо, а третий – с такой же скоростью налево. К моменту 2 всадник второго ряда проскакал расстояние, равное половине длины неподвижного ряда $S/2$, но за это же время он удалился от головного всадника третьего ряда на S . Отсюда следует, что так как за одно и то же время он должен проехать один и тот же путь, то $S/2 = S$, или $1/2 = 1$. Но этого не может быть! Мы пришли к противоречию.

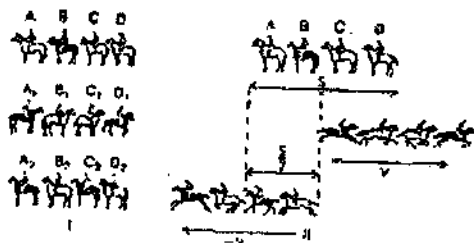

Рис. 3. «Стадион»

Зенон не учитывал относительность движения. Если скорость всадника второго ряда относительно первого неподвижного ряда равна V , то его же скорость относительно третьего ряда равна $2V$. Соответственно и перемещение его относительно головного всадника третьего ряда должно быть в 2 раза большим.

Примечание: Интересны отзывы историков, философов, математиков нашего времени об апории Зенона «Ахиллес и черепаха»: «...знаменитая апория, которая оказала огромное влияние на развитие науки»; «Эта весьма бесхитростная уловка вовсе не представляет трудностей для ума, должным образом подготовленного в логике и математике»; «Это очень старая и, на мой взгляд, глупая проблема»; «Эта неиссякаемая по своей глубине проблема привлекает внимание многих блестящих умов»; «Зенон совершил математическую ошибку, обусловленную незнанием бесконечных числовых рядов».

Л.Н. Толстой в «Войне и мире», вспоминая об этой апории, говорит про «неизбежную ошибку, которой ум человеческий не может не делать, рассматривая вместо непрерывного движения отдельные единицы движения». И далее он продолжает: «Для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения. Но вместе с тем, из-за этого произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений». Великий писатель полагает, что «Новая отрасль математики, достигнув искусства обращаться с бесконечно малыми величинами, и в других, более сложных вопросах движения дает нам теперь ответы на вопросы, казавшиеся неразрешимыми».

Вот какие загадки ставит Зенон: если следовать логике Зенона, то бегун выполняет бесконечное число действий (он пробегает последовательно бесконечное число уменьшающихся отрезков пути). Но можно ли выполнить бес-

конечное число действий за конечное время? Если да, то черепаху можно догнать, а если нет, то прав Зенон, догнать ее нельзя. В рассмотренных апориях возникает бесконечное число все более мелких отрезков пути и промежутков времени. И это деление беспредельно. Дробление не было бы беспредельным только в том случае, если бы существовал «атом» времени – наименьший, далее неделимый временной интервал. В этом случае в апориях речь бы шла о выполнении за конечное время большого, но конечного числа действий. И апории были бы решены. В чем же сущность, смысл апорий Зенона? Он, безусловно, не отрицает реальность, достоверность движения. Зенон открывает и пытается выяснить противоречие, лежащее в самой природе движения. Движение противоречиво. Апории Зенона не результат ошибок в рассуждениях, а отражение сложной, противоречивой природы движения. Затруднения в решении поставленных Зеноном вопросов обусловлены относительным, неполным характером наших знаний о движении, полученных из практического опыта на уровне макромира. Знаменитый немецкий философ Георг Гегель (1770-1831) так прокомментировал апории Зенона: «...Двигаться – означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, – следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение». Таково разрешение загадок Зенона в диалектическом понимании пространства, времени и движения.

S U M M A R Y

In this article the analysis of philosophical, mathematical and physical aspects of well-known «aporij» of the Ancient Greek philosopher Zenon has been provided.

Поступила в редакцию 5.04.2002

УДК 141(048)

А.С. Табачков

Некоторые особенности концепта «Картина мира»

Судьбы некоторых идей и концептов, их роли в процессах социокультурной трансформации часто весьма парадоксальны, особенно в обществах, где долгое время отсутствовало то, что М. Хайдеггер как-то назвал «рынком общественного мнения». В этом отношении особенно интересен концепт «Картина мира», чья широта значения и распространенность в различнейших дискурсах не может, на наш взгляд, не вызывать интереса к некоторым его особенностям.

Картина мира (КМ) является, если позволительно так выразиться, высоко метафоричным концептом, одним из тех, для которых характерно превалирование образно-эстетического содержания над любым другим. Мы здесь оставляем за рамками данной статьи подробное рассмотрение логико-методологических различий буквальной и метафорической аппликации концептов ввиду того, что данная проблематика достаточно давно и полно освещена в литературе [1,2]. Подобные концепты, однажды возникнув, приобретают свойство порождать собственный, специфический философско-методологический контекст, который при условии широкого, как в данном случае, рас-

пространения концепта неизбежно влияет на общую социокультурную трансформацию. Порожденный концептом контекст по прошествии определенного времени начинает играть роль некоего «защитного пояса», некоего легитимирующего фактора, делающего его критику весьма затруднительной. Другими словами, подобный концепт становится смысловым центральным элементом возникших вокруг и посредством него крупных структур систематизации знания, методик, социальных практик и т.п.

Контекст метафоричного концепта, каким бы широким и разработанным он не был, неизбежно и достаточно жестко детерминирован качествами этого концепта-метафоры. Среди них, на наш взгляд, как наиболее существенные, можно выделить следующие:

– во-первых, КМ в идеологическом плане, это так сказать, коллективистский, «массовый» концепт, имплицитно фундирующий унифицированное мировосприятие и мировоззрение.

Можно также сказать, что в культурно-историческом плане мы имеем здесь дело, скорее всего, с одним из продуктов индустриально-технологической (характерной прежде всего интенциями стандартизации восприятия действительности) эволюции Запада второй половины XIX–XX веков.

Наряду с этим несомненным представляется также и социально-классовый аспект концепта КМ и порожденного им контекста. К примеру, во многих текстах советской поры часты пассажи вроде «элементы научной КМ становятся достоянием обывденного сознания» и т.п. То есть имплицитно предполагалось движение знания от некой «касты» обладателей «необыденного» сознания в широкие массы племса [3].

Эти особенности концепта КМ в совокупности с общим характером эволюции социума превратили его, особенно в плоскости экзистентной конкретики индивидуума, в навязываемую властью фикцию, призванную выполнять, прежде всего, социализирующую функцию. Так специально систематизированное знание, вытеснившее из социокультурного пространства прежние религии и верования, становится наряду с угрозой насилия одним из наиболее мощных эффекторов власти.

Один из способов оценить эвристическое качество метафорического концепта – это прояснить некоторые «молчаливые» допущения в рамках которых он существует и также некоторые выводы, которые дедуцируются из него. Если воспользоваться этой стратегией анализа, то можно сказать, к примеру, что любая картина, чтобы быть увиденной, требует освещения, света, т.е. концепт КМ, по-видимому, генетически связан с диалектикой «света разума», занимающей столь значительное место в истории метафизики и глубоко интересовавшей столь далеко, культурно и хронологически, разделенных философов как Августин и Левинас. Однако, не только это наталкивает нас на мысль, что КМ – сущностно метафизический концепт. Дело в том, что эволюция этого концепта, имея в виду, прежде всего, его дифференциацию на различные «подвиды» (к примеру, ОКМ, ЭКМ, НКМ и т.п.), а также разного рода попытки параллельной или даже иерархической таксономизации и систематизации этих быстро плодящихся разновидностей КМ напоминают типичные черты исторической эволюции метафизических концептов и свидетельствуют, по-видимому, о приближающемся кризисе самого концепта, хотя это, безусловно лишь косвенное свидетельство. Современное состояние концепта КМ (а с ним, добавим и значительной части, связанного с ним, систематизированного с его помощью контекста знания сходно с таковым концепта «лестницы» или «цепи» живых существ на рубеже XVIII–XIX вв., что столь блестяще исследовано в книге Артура Лавджоя «The Great Chain of Being» [4].

Представляется, что с точки зрения истории философии, динамики ее развития в XX веке концепт КМ – это продукт достаточно парадоксального, диа-

лектического по своей природе синтеза позитивизма и неоромантической метафизической реакции на него.

И здесь представляется уместным некоторое отступление историко-философского плана, или, если быть более точным, того, что входит в компетенцию дисциплины называемой «History of Ideas». Нам представляется, что авторитетность концепта КМ, его широкое распространение в русскоязычных философских текстах 70-80 гг. XX столетия связано не столько с тем, что слово «Weltbildes» эпизодически встречается в текстах К. Маркса, сколько с тем, кстати, весьма интересным и заслуживающим отдельного анализа обстоятельством, что концепт считался составной частью философского наследия М. Хайдеггера, чья слава «тайного короля мысли», по выражению Х. Арендт [5], распространилась после второй мировой войны и на советском культурном пространстве. Однако, недавние авторитетные исследования убедительно доказывают, что немецкий философ, по крайней мере с 1941 года (время первой публикации его работы «Zeit des Weltbildes»), а скорее, еще раньше – в 1938 году (лекция «К вопросу о КМ»), и также в большом цикле лекций о Ницше относился к концепту КМ весьма отрицательно, считая его радикальным проявлением тотального кризиса цивилизации Запада, средством манипулирования сознанием людей и т.п. Вот, что говорится об этом в недавно вышедшем и весьма солидном исследовании R. Safranski «M. Heidegger» (HARVARD U.P., 1999, p. 305) – «The question about Being is meant to prevent the world from becoming a world picture. When Heidegger discovered that his «Being» (Sein) might itself become a world picture he spelled it Seyn, with a «y», or, else he used the device of spelling out Sein and then crossing it out». («Вопрос о Бытии задумывался для того, что бы предотвратить превращение мира в «Картину мира». Когда Хайдеггер обнаружил, что его «Sein-Бытие» само может стать своеобразной «КМ», он начал писать его «Seyn, с «y», а также прибег к приему перечеркивания этого слова»).

Более того, согласно тому же источнику, философскую ограниченность Ницше он усматривал в том, что он «was still a world-picture philosopher» (ibid, p.305) – («был все еще философом Картины мира») (перев. авт.) [6].

Необходимо также заметить, что КМ сущностно представляет собой трансцендирование реально имеющего место, но психологического феномена в гносеологическую и даже онтологическую области. Между сознанием субъекта и реальностью встраивается «призма» КМ, что коренным образом меняет гносеологическую схему субъект – объектного и субъект – субъектного взаимодействия. Дает ли несомненный факт коммуникации и трансляции знания, обеспечиваемый языком, право на такое, по сути, удвоение реальности? Невольно вспоминается оккамовское «...what can be explained on fewer principles is explained needlessly by more...» [7].

Нам представляется, что сложность и динамизм такого феномена, как индивидуальное сознание, и что еще более важно, гносеологическое затруднение (если не запрет) достаточно полного и системного анализа на субъект – субъектном уровне познания, в виду того, что познающий и предмет познания, – сознание другого находятся в данном случае на одном уровне организации, все это делает невозможным строгое философское обоснование концепта КМ. Хотя, собственно, этот концепт и так уже достаточно давно принадлежит скорее к области социально-идеологических практик.

Мы, разумеется, не отрицаем того очевидного факта, что в процессе своей исторической эволюции концепт КМ, имея в виду как широкий социокультурный, так и собственно-философский контексты, выполнил определенные эвристические и методологические функции. Сейчас же это скорее, если воспользоваться терминологией Ю. Хабермаса, орудие «колонизации Lebenswelt». Оставляя за рамками

чисто внутринаучные, к примеру, междисциплинарно – интегрирующие функции концепта КМ, осмелимся предположить, что социокультурная ситуация начала III тысячелетия потребует от философии других, менее метафоричных и более гносеологических адекватных концептов.

Хотя, разумеется концепт КМ весьма удобен, в т.ч. в методологическом плане. Он позволяет, к примеру, достаточно легко разрабатывать такие темы как, в частности, влияние прошлого на динамику науки – объясняя таковое как трансляцию (вкупе с сопровождающей эту трансляцию трансформацией) глобального интерсубъективного «гештальта» – КМ, сопровождающимися и поддерживающимися разного рода социокультурными и институтивными трансформациями. Только вот представляется, что при всем методологическом удобстве и совместимости с уже существующей традицией, данная стратегия будет, по сути, упрощенной схематизацией, приемлемой, быть может, в рамках какой-либо из т.н. «социальных теорий», но вряд ли отвечающим стандартам и задачам *Philosophia proper*.

Возможно, что в качестве одной из альтернатив речь должна идти о динамических персонально уникальных субъект-объектных смысловых комплексах, отличающихся различной степенью потенциально – возможной интер – и интрасубъективной коммуникативности, а также различной степенью взаимной конгруэнтности и характеризующимися непрерывным, опять-таки, интер – интрасубъективным взаимодействием, диа – и синхроническим.

При этом можно предположить, что степень субъективной вариативности (и соответственно, потенциал коммуникации) регулируется, с одной стороны, характером конкретных объектов внешней реальности, а с другой социокультурно и антропологически обусловленной индивидуальной конституцией субъекта познания. При этом особое внимание должно как нам представляется, быть уделено взаимодействию и взаимовлиянию этих элементов знания.

Собственно говоря, дробление концепта КМ на различные специфические разновидности косвенно указывает на целесообразность такого осторожно-критического, позлементного подхода, хотя ему, разумеется, далеко, особенно в образно-эстетическом плане, до претендующего на всеобщность концепта КМ.

Такая стратегия имеет, разумеется, некоторое логико-методологическое сходство с попперовским «*Piece-meal*» методом, и чтобы избежать характерных для подобных решений ограничений эта стратегия должна, по-видимому, осуществляться на фоне или даже в рамках широкого философского синтеза, который, вполне возможно и быть может даже закономерно, придет в будущем на смену антагонистической, конфронтационной диверсификации знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Searle J.* Minds, Brains and Science. HARVARD U.P., 1997. P. 48.
2. *Chomsky N.* A Review of B.F. Skinner's «Verbal Behavior». В кн. «Reading in Philosophy of Psychology» Edited by NED BLOCK, HARVARD U.P., 1980. P. 51.
3. *Научная картина мира.* Свердловск, 1985. С. 46-48, 105.
4. *Lovejoy A.* The Great Chain of Being. HARVARD U.P., 2000. P. 240.
5. *Аренд Х.* Хайдеггеру – 80 лет. Радиовыступление по Баварскому радио / Вопросы философии, 1998, №9. С. 68.
6. *Safranski R.* «M. Heidegger» HARVARD U.P., 1999. P. 305.
7. *Stampf S.E.* Book of Philosophy. Mc.Graw-Hill, 1988. P. 126.

S U M M A R Y

The main theme of article «Some aspects of Worldpicture concept» is historical evolution and role Worldpicture as a concept in process of cultural transformation.

Поступила в редакцию 5.06.2002

А.М. Дулаў

Становішча жанчыны ў БССР 1920-30-х гг.: беларуская гістарыяграфія

У 20-30-я гг. XX ст. пад уплывам дзяржаўнай палітыкі адбываліся значныя змены ў становішчы жанчыны ў савецкім грамадстве, у тым ліку ў саюзных рэспубліках. Пачынаючы з 1920-х гг. гэтыя змены становіліся аб'ектам увагі беларускіх даследчыкаў. Адзіна магчымай метадалагічнай базай даследаванняў беларускіх гісторыкаў з'яўляўся марксізм. Тэарэтыкі марксізму лічылі, што эмансipaцыя жанчын і сапраўднае раўнапраўе могуць быць дасягнутыя толькі праз вызваленне іх ад гнёту сям'і і хатняй гаспадаркі, і ўцягненне ў вытворчасць і грамадскае жыццё. Гэтая ўстаноўка паўплывала як на палітыку бальшавікоў, так і на выбар праблематыкі савецкімі даследчыкамі, і на высновы, якія імі рабіліся.

1920-я гг. былі азнаменаваны, у першую чаргу, распаўсюджаннем на Беларусі прац марксісцкіх тэарэтыкаў вырашэння жаночага пытання (А. Бебеля, А. Калантай і інш.) і з'яўленнем публікацый прапагандысцкага характару, у якіх тлумачылася бальшавіцкая палітыка, утрымліваюся факталагічны матэрыял аб удзеле жанчын ў вытворчасці і грамадскім жыцці [1-3]. Безумоўна, звяртае на сябе ўвагу праца вядомага філосафа, сацыёлага С. Вальфсона «Социология брака и семьи» (1929). Аўтар стаяў на пазіцыях «матэрыялістычнай генеаноміі», для якой было характэрна імкненне прасачыць сувязі шлюбна-сямейнай арганізацыі з грамадскім ладам і ўстанавіць сацыяльную заканамернасць у развіцці сям'і і шлюбу. У апошнім раздзеле даследавання С. Вальфсон на ўзроўні тагачаснай сусветнай навукі, але і пад уздзеяннем бальшавіцкіх устаноў, аналізуе ўплыў сацыяльна-эканамічных працэсаў на шлюбна-сямейныя адносіны, каханне, сексуальнасць у савецкім грамадстве 1920-х гг., якое вызначае як пераходнае ад капіталізму да сацыялізму. Навуковец лічыць, што ў сямейна-шлюбнай арганізацыі адбіліся шматлікія супярэчнасці пераходнага перыяду: «В ней скрещиваются правовое равенство женщины с ее пониженной трудовой квалификацией; движение государством женщины на политическую арену с массовой общественно-политической отсталостью ее; ростки нового быта переплетаются с традиционным закрепощением женщины власти домоводства... высвобождение сексуальных отношений из-под власти экономического расчета и проституирование этих отношений; острая неудовлетворенность молодежи формами брачно-семейной организации и напряженные, подчас беспорядочные, поиски новых форм взаимоотношения полов» [4]. Гэтыя супярэчнасці пазбаўляюць сям'ю ўстойлівасці і трываласці. Аўтар прытрымліваецца традыцыйнага для марксістаў меркавання, што ў сацыялістычным грамадстве сям'я перастане існаваць, а шлюб стане саюзам індывідуальнага кахання, вызваленага ад усіх «шлакаў разліку» [4, с. 445-447].

У 30-я гг. з усталёўваннем таталітарызму даследаванні праблемы становяцца рэалізацыяй партыйнага заказу на навуковае абгрунтаванне пастулату аб поўным вырашэнні «жаночага пытання» у СССР. Яскравым

прыкладам крайне тэндэнцыйнага, апалагетычнага падыходу з'яўляецца раздзел «Женщина в Стране Советов» з кнігі С. Малініна і Я. Ракава [5]. Змены ў становішчы жанчыны ў савецкім грамадстве трактуюцца аўтарамі як адназначна пазітыўныя.

У канцы 1950-х гадоў з'яўляюцца сур'ёзныя навуковыя працы, напісаныя на беларускім матэрыяле, у якіх даследчыкі зрабілі спробы аналізу удзелу жанчын у савецкім будаўніцтве 1920-30-х гг. Гэта былі кандыдацкія дысертацыі А. Захватаевай і В. Сарокінай. Гісторыкі выкарысталі шырокае кола архіўных крыніц, перыёдыку, а таксама статыстычныя зборнікі. Кастрычніцкая рэвалюцыя трактавалася аўтарамі як ключавая падзея ў гісторыі жанчын, якая стварыла ўмовы для іх вызвалення, у ліку іншых працоўных, ад усіх відаў і формаў эксплуатацыі [6, 7]. Дысертацыя А. Захватаевай была прысвечана ролі беларускіх работніц у вытворчасці і ў грамадска-палітычным жыцці ў часы другой пяцігодкі. Гісторыкам сцісла характарызуецца бальшавіцкае «жаночае» заканадаўства, стварэнне і дзейнасць жанаддзелаў, месца жанчыны ў прамысловасці 1920-х гг. З дапамогай пераважна статыстычнага метаду, даследчыца паказвае павелічэнне, пад уплывам дзяржаўнай палітыкі, удзельнай вагі жанчын у прамысловасці ў перыяд з 1933 па 1937 гг., павышэнне імі кваліфікацыі, удзел у стаханаўскім руху, рост актыўнасці ў грамадскім і дзяржаўным жыцці. Аўтар падкрэслівае, што павышэнню вытворчай і грамадскай актыўнасці жанчын паспрыялі рост іх палітычнай свядомасці, а таксама стварэнне шырокай сеткі ўстаноў грамадскага харчавання, дзіцячых садкоў і ясляў [6, с. 12, 14]. А. Захватаева сцвярджае, што ў разглядаемы перыяд, работніца з'яўлялася ініцыятыўным творцам новага жыцця. Як і іншыя савецкія гісторыкі, аўтар не імкнецца выявіць адмоўныя бакі бальшавіцкай палітыкі і праблемы ў становішчы жанчыны.

Праца В. Сарокінай прысвечана характарыстыцы ролі сялянкі ў грамадска-палітычным і культурным жыцці беларускай вёскі ў т. зв. «аднаўленчы перыяд» (1921-1925). Даследчыца характарызуе дзейнасць жанаддзелаў на вёсцы, падкрэслівае вялікую ролю дэлегацкіх сходаў у барацьбе з прыніжанасцю жанчыны. Яна адзначае, што «общественная работа делегатов расширяла их общий кругозор и воспитывала из них активных борцов за социализм. Она на практике разбивала дикий предрассудок, будто женщина не способна к активной общественной деятельности, и что ее удел – лишь семья и дети» [7, с. 9]. Удзел сялянак у органах кіравання (праца ў сельскіх і цэнтральных саветах, выканкамах), а таксама павышэнне іх актыўнасці ў грамадскіх арганізацыях (кааперацыі, камітэтах сялянскай узаемадапамогі), партыі і камсамоле паказваюцца як на статыстычным матэрыяле, так і праз аналіз дзейнасці асобных актывістак [7, с. 15]. В. Сарокіна адзначае наяўнасць у сялянскім асяроддзі таго, што сёння мы б назвалі партыярхатнымі стэрэатыпамі. Сярод фактараў, якія перашкаджалі вызваленню сялянак ад «старога быта», аўтар указвае, па-першае, процідзеянне кулацтва і пэўнай часткі кансерватыўна настроенага сялянства, якое выражалася нават у збіцці дэлегатак і актывістак па-другое, недавер да жанчын, меркаванне, быццам бы жанчына не здольная ўдзельнічаць у грамадскім жыцці [7, с. 16]. У заключэнне даследчыца робіць абгрунтаваны вывад, што «хотя в массе своей крестьянки еще не были активными общественницами, для того периода привлечение партией сравнительно большого актива женщин деревни к управлению страной было большим достижением» [7, с. 16]. Дысертацыя В. Сарокінай, на наш погляд, з'яўляецца адным з лепшых беларускіх даследаванняў савецкіх часоў. Для яе характэрны даволі высокі ўзровень аналізу разглядаемых з'яваў і пэўная самастойнасць у высновах.

У 1960-1980-я гг. жаночая праблематыка разглядаецца ў кандыдацкіх дысертацыях, абароненых па спецыяльнасці «гісторыя КПСС». Калі ў папярэдніх працах аналізавалася дзейнасць саміх жанчын пад кіраўніцтвам партыі, то тут

увага сканцэнтраваная на вывучэнні формаў і метадаў працы партыйных органаў сярод жанчын. Так, у дысертцыі М. Дзюбаковай разглядаецца дзейнасць КПБ па ўцягненню жанчын у прамысловасць і грамадска-палітычнае жыццё ў 1926-1932 гг. [8], у дысертцыі М. Партновай – прыцягненне іх да калгаснага будаўніцтва [9]; Т. Бабкова прааналізавала дзейнасць КПБ па развіццю грамадска-палітычнай актыўнасці жанчын у аднаўленчы перыяд [10]. Структурна названыя даследаванні нагадваюць працы А. Захватаевай і В. Сарокінай. Характар іх пераважна апісальны. Палітыка большавікоў увогуле і канкрэтныя яе мерапрыемствы, накіраваныя на вырашэнне жаночага пытання, характарызуецца як адзіна верныя і выключна эфектыўныя. Адмоўныя моманты гэтай палітыкі (узмацненне двойной занятасці ў выніку ўцягвання жанчын ў прамысловасць, дыскрымінацыя іх у аплаце працы, трагедыі сем'яў рэпрэсаваных і г.д.) і негатыўная рэакцыя жанчын замоўчваліся.

У 1950-1980-я гг. вышэйназванымі гісторыкамі былі апублікаваны артыкулы ў навуковых зборніках і часопісах, прысвечаныя як гісторыі савецкай жанчыны, так і палітыцы большавікоў першых дзесяцігоддзяў Савецкай улады [11-12]. У 1962 г. выйшла кніга А. Захватаевай, створаная на аснове дысертцыі, якая так і засталася адзіным больш-менш сур'ёзным манаграфічным даследаваннем праблемы становішча жанчыны ў беларускім грамадстве 1920-30-х гг. [13]. Трэба адзначыць зборнік артыкулаў і успамінаў «В борьбе и труде» [14], падрыхтаваны ў Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Навукова-метадалагічны ўзровень зборніка даволі нізкі (матэрыял не сістэматызаваны, падаецца не ў храналагічным парадку), аднак ён утрымлівае цікавыя звесткі пра грамадска-палітычную дзейнасць беларускіх жанчын у 1920-я гг. Акрамя таго быў выданы шэраг прапагандысцкіх брашур, прысвечаных савецкай жанчыне [15-16]. Асобныя аспекты праблемы закраналіся ў абагульняючых працах і манаграфіях беларускіх гісторыкаў, вывучаўшых перыяд 1920-30-х гг. [17-18].

Паўсядзённасць, быт, прыватная сфера жыцця людзей савецкіх гісторыкаў не цікавіла. Гэтыя праблемы разглядаліся этнографамі. Трансфармацыі ў сферы быту і шлюбна-сямейных адносін у 1920-х гг. былі ахарактарызаваны ў кандыдацкай дысертцыі А. Камарова [19]. Змены ў сялянскай сям'і ў першыя дзесяцігоддзі Савецкай улады закранаюцца ў калектыўнай працы «Сям'я і сямейны быт беларусаў» (1990) [20]. Аўтар адпаведнага раздзелу Г. Курыловіч сцвярджае, што пасля рэвалюцыі «зацвердзілася раўнапраўе жанчын як у сям'і, так і грамадстве» [20, с. 102], шлюбы заключаліся сялянамі на аснове кахання, матэрыяльны бок тут ролі не адыгрываў. Развод быў больш характэрны для гарадскіх сем'яў, сельскія адрозніваліся стабільнасцю [20, с. 103]. У раздзеле «Гарадская сям'я», напісаным Л. Ракавай, перыяд 1920-30-х гг., на жаль, адлюстравання не знайшоў.

1990-я гг. з'явіліся якасна новым этапам у развіцці гістарычнай навукі Беларусі, адзначаным пошукамі выхаду з метадалагічнага крызісу і пераглядам пэўных догмаў і стэрэатыпаў савецкай навукі. У рэспубліцы, як і на ўсёй постсавецкай прасторы, пачынаюць развівацца даследаванні ў галіне тэорыі і практыкі фемінізму, жаночай гісторыі, гендэрнай гісторыі, што стварае новыя магчымасці для вывучэння становішча жанчыны ў грамадстве Савецкай Беларусі. Першы крок у гэтым накірунку быў здзейснены Ірынай Чыкалавай. У дакладзе на міжнароднай канферэнцыі «Нацыянальна-гістарычныя вытокі жаночага руху на Беларусі: мінулае і перспектывы» (Мінск, 17 снежня 1996 г.), аналізуючы ролю жанчыны ў палітыцы, даследчыца закранула праблему ўзаемаадносін улады і жанчыны ў БССР. І. Чыкалава ўпершыню ў беларускім навуковым дыскурсе выкарыстала тэрмін «гендэр», які растлумачыла як «сацыяльную арганізацыю палавых адрозненняў», «...культуралагічную характарыстыку паводзін, якая адпавядае полу ў дадзеным грамадстве ў

дадзены час». [21, с. 232]. Праблема атрымала далейшую распрацоўку ў артыкулах І. Чыкалавай і У. Навіцкага [22-24]. Аўтары звярнулі ўвагу не толькі на станоўчыя, але і на негатыўныя змены ў становішчы беларускай жанчыны ў 1920-1930-я гг.: узмацненне двойной занятасці і маскулінізацыя ў сувязі з уцягненнем у вытворчасць, больш нізкая кваліфікацыя і, адпаведна, ўзровень заробтнай платы, фармальнае прадстаўніцтва жанчын у органах улады і г. д. Даследчыкі прыйшлі да высновы, што палітыка бальшавікоў была скіравана не столькі на жаночую эмансipaцыю, колькі на прыцягненне жанчын да вырашэння задач пэўнага моманту сацыялістычнага будаўніцтва. Практыка вырашэння жаночага пытання ў СССР, на думку І. Чыкалавай, «з'явілася адной з самых вытанчаных гістарычных містыфікацый» [21, с. 222]. Некалькі артыкулаў, пераважна архівазнаўчага характару, прысвечаныя беларускай сялянцы 20-х гг. і пераходу калектывізацыі, былі апублікаваны І. Курковым [25-27]. Аўтар звярнуў увагу на шэраг важных момантаў, напрыклад, на антыкалгасныя выступленні сялянак. Цікавым прыкладам выкарыстання фемінісцкай метадалогіі з'яўляецца тэкст А. Гапавай [28], у якім даследчыца зрабіла спробу прасачыць сувязь паміж «жаночым пытаннем» і фарміраваннем нацыянальнай суб'ектнасці ў БССР і Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд.

Такім чынам, пачынаючы з 1920-х гг. беларускімі навукоўцамі быў створаны шэраг прац, закранаўшых гісторыю жанчыны ў беларускім савецкім грамадстве 1920-30-х гг. У савецкі час пэўныя поспехі былі дасягнутыя ў распрацоўцы праблем дзейнасці жанаддзелаў, уцягнення жанчын ў прамысловую вытворчасць і грамадска-палітычнае жыццё, павышэння іх культурнага ўзроўню. Аднак безальтэрнатыўнае панаванне марксісцкай метадалогіі і, асабліва, партыйны ідэалагічны кантроль не дазвалялі даследчыкам наблізіцца да рознабаковай і аб'ектыўнай характарыстыкі становішча жанчын. Багаты факталагічны матэрыял выкарыстоўваўся, звычайна, для доказу ідэалагічна зададзеных вывадаў. Савецкая палітыка ў адносінах да жанчыны ідэалізавалася, замоўчваліся звязаныя з ёю адмоўныя моманты, праблемы ў становішчы жанчыны ў грамадскай і прыватнай сферах. Многія тэмы, якія актыўна распрацоўваліся на Захадзе, у савецкай навуцы лічыліся маргінальнымі. Так па-за ўвагай даследчыкаў знаходзіліся праблемы, звязаныя з жаночым вопытам, жаночым успрыняццём рэчаіснасці, жаночай цялеснасцю, сексуальнасцю. У другой палове 1990-х гг. беларускія гісторыкі зрабілі спробы разгледзіць становішча жанчыны ў Савецкай Беларусі з новых тэарэтыка-метадалагічных пазіцый, аднак абагульняючае ўсебаковае даследаванне, прысвечанае перыяду 1920-1930-х гг., на сённяшні дзень адсутнічае. Стварэнне яго ўяўляецца неабходным і актуальным.

ЛІТАРАТУРА

1. *Калыгіна А.С.* Правы работніц і сялянак у СССР. Мн., 1926. – 62 с.
2. *Танаевцева Н.* Что надо знать работнице о профсоюзах. Изд. 2-ое, испр. Мн., 1927. – 62 с.
3. *Маліноўскі Л.* Жанчына і абарона. Мн., 1929. – 32 с.
4. *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи. Мн., 1929. – 474 с.
5. *Малинин С.Н., Раков Я.Н.* Рост материального и культурного уровня трудящихся БССР. Мн., 1939. С. 83-99.
6. *Захватаева Е.Н.* Производственная и общественно-политическая деятельность женщин Советской Белоруссии в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн., 1958. – 23 с.
7. *Сорокина В.В.* Роль женщины-крестьянки в общественно-политической и культурной жизни белорусской деревни в восстановительный период (1921-1925 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн., 1958. – 17 с.
8. *Дюбакова М.Г.* Борьба Коммунистической партии Белоруссии за вовлечение женщин республики в промышленность и общественно-политическую деятельность (1926-1932 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн., 1961. – 18 с.

9. *Портнова М.С.* Деятельность Компартии Белоруссии по вовлечению женщин деревни в колхозное строительство (1929-1934 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн., 1972. – 24 с.
10. *Бобкова Т.Г.* Деятельность КПБ по развитию трудовой и общественно-политической активности женщин в восстановительный период (1921-1925 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн., 1983. – 20 с.
11. *Сорокина В.* Вовлечение женщин-крестьянок в общественно-политическую жизнь белорусской деревни в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Ученые записки Минского педагогического института им. А.М. Горького, 1957. в. VIII. С. 23-47.
12. *Бабкова Т.Г.* 3 гісторыі дзейнасці Камуністычнай партыі Беларусі па паляпшэнню дабрабыту і ўмоў працы жанчын рэспублікі (1921-1925) // Веснік Беларускага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. Сер. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права, 1979, № 1. С. 6-9.
13. *Захватаева А.* Жанчыны Беларусі – будаўнікі камунізма. Мн., 1962. – 207 с.
14. *В борьбе и труде.* Сборник / Под ред. *Т. Дмитриевой.* Изд. 2-ое, доп. и перераб. Мн., 1977. – 287 с.
15. *Ус А.П.* Што дала Кастрычніцкая рэвалюцыя жанчынам Беларусі. Мн., 1958. – 40 с.
16. *Юк З.М.* Женщины Белоруссии – активные строители коммунизма. Мн., 1982. – 18 с.
17. *Герасименко Г.Г.* Деятельность Компартии Белоруссии по вовлечению трудящихся масс в управление государством (1925-1937). Мн., 1975. С. 43-48.
18. *Каменская Н.В.* Становление народного образования Белоруссии (1917-1920). Мн., 1980. С. 216-248 і інш.
19. *Комаров А.М.* Новые явления в общественном и семейном быту трудящихся Советской Белоруссии (1917-1929 гг.). (Историко-этнографический очерк). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн., 1969.
20. *Сям'я і сямейны быт беларусаў / В.К. Бандарчык, Г.М. Курыловіч, Л.В. Ракава і інш.* Мн., 1990. – 253 с.
21. *Чыкалава І.* Жанчына: суб'ект ці аб'ект палітыкі? // Палымя, 1997, № 6. С. 221-232.
22. *Чыкалова И.Р., Ковтун В.М., Новицкий В.И.* Женщины Беларуси в исторической ретроспективе // Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Национальный отчет. Мн.: Представительство ООН / ПРООН в Республике Беларусь, 1997. С. 14-25.
23. *Чыкалова И.* Белорусские женщины между «общественным» и «частным» в годы советской власти // Иной взгляд: Международный альманах гендерных исследований. Мн., 2000. Май. С. 14-17.
24. *Навіцкі У.* Жанчына ў савецкім грамадстве: Новы погляд на праблему // Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Мн., 1999. С. 93-109.
25. *Куркоў І.* Жанчыны Беларусі «эпохі калектывізацыі» у дакументах ЦК КП(б)Б // АРСНЕ, 1999, № 3. С. 213-217.
26. *Курков И.* Гендерный строй белорусской деревни в 20-е гг. // Иной взгляд: Международный альманах гендерных исследований. Мн., 2000. Март. С. 25-26.
27. *Курков И.* Беларусь 1920-х: диалог власти с «пробудившейся» крестьянкой // Иной взгляд. Мн., 2000. Май. С. 17-19.
28. *Галова Е.* Между войнами: женский вопрос и национальные проекты в Советской Белоруссии и Западной Беларуси // Гендерные истории Восточной Европы. Сб. науч. статей / Под ред. *Е. Галовой, А. Усмановой и А. Пето.* Мн., 2002. С. 100-123.

S U M M A R Y

The Soviet and post – Soviet Belarussian historiography of the status of woman in BSSR in the 1920-30s is analysed in the article. The author draws a conclusion that the predominance of marxist methodology and the ideology dictate significantly limited the researches of Soviet historians. For the last years the attempts to look at the problem from new methodological positions have been made in the articles of Belarussian historians but a generalizing all-round research is missing at present.

Поступила в редакцию 4.03.2001

А.В. Беляев

Организация, структура и функции местной вспомогательной администрации в Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.)

Несмотря на то, что вопросы установления и функционирования немецко-фашистского оккупационного режима в СССР и в Беларуси на протяжении всех послевоенных лет подвергались тщательному изучению, все же сегодня некоторые аспекты требуют дальнейшего и более глубокого исследования, о чем свидетельствуют новейшие историографические работы. В частности, более детального анализа требует проблема создания и функционирования в Беларуси местной коллаборационной администрации (областных, районных, городских и волостных управ), ее место и роль в системе немецко-фашистских оккупационных органов власти.

Проблемным представляется уже сам термин, используемый для обозначения данного явления. В большинстве немецких и коллаборационных документов и периодических изданий управы фигурируют как «местное самоуправление», «русское гражданское управление» и т.п. В советской же историографии наличие какой-либо самостоятельности у этих административных органов полностью отрицалось, и их деятельность не выделялась в самостоятельный объект исследования. Тем не менее, архивные документы свидетельствуют о большой активности местных управ.

Использование термина «самоуправление» немецко-фашистскими оккупантами имело в первую очередь пропагандистскую направленность. С их точки зрения, подобные названия должны были вызвать у местного населения иллюзию определенной «свободы», подтолкнуть жителей «Восточных областей» к добровольному участию в осуществлении оккупационных мероприятий. Правда, теоретические представления верховного руководства Рейха об участии покоренного населения в каких-либо органах власти расходились с реальными действиями военной и гражданской оккупационных администраций на местах. Например, Гитлер на первом этапе войны (до конца 1941 г.) не желал и слышать ни о каком самостоятельном государственном или административном устройстве покоренных народов; единственное, что он допускал, это «...общинное управление, да и то лишь в той мере, в какой оно необходимо для содержания рабочей силы...» [1]. Только позже его взгляды незначительно изменились в сторону допущения более тесного сотрудничества с местным населением.

В реальности же создание органов местной администрации из населения захваченных территорий происходило с первых дней оккупации. Военные коменданты назначали старост деревень, волостных бургомистров, руководителей районных управлений из числа местных жителей. В дальнейшем, при передаче власти в оккупированных районах в руки гражданской немецкой администрации, местное «самоуправление» просто переводилось в ее подчинение, не претерпевая существенного кадрового и организационного изменения. Специфика этого звена оккупационного аппарата состояла в том, что именно

оно осуществляло непосредственную связь с населением. Однако данные учреждения не носили характера собственно белорусской политической администрации, являясь составной частью немецко-фашистского оккупационного аппарата. Они действовали независимо от создававшихся в различные периоды оккупации марионеточных политических организаций, таких, как Белорусская Народная Самопомощь, Белорусская Рада Доверия, Белорусская Центральная Рада и т.п. Представляется наиболее правильным использовать для обозначения этого звена оккупационного аппарата термин *«вспомогательная местная администрация»*, чтобы отделить его как от немецких оккупационных органов, так и от политических коллаборантов. Безусловно, часть работников местной вспомогательной администрации (в основном руководители) принимала участие и в политической коллаборации, однако основная сфера их деятельности – социальная и хозяйственно-экономическая, относящиеся к коллаборации гражданской [2].

При создании управ и местной вспомогательной полиции в первые месяцы войны фашистское руководство столкнулось с определенными трудностями: излишней активностью польского населения на западе Беларуси и повсеместной лассивностью белорусов, особенно явно проявлявшейся на востоке [3]. Нужно отметить, что опасения по поводу возможности именно такого развития событий немецким руководством высказывались еще до начала военной кампании против СССР. Так, Геринг в своей директиве по разграблению оккупированных территорий СССР («Зеленая папка») указывал, что: «В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великоруссов, евреев и поляков» [4]. Активность польской стороны объяснялась тем, что поляки пытались использовать немецко-фашистский оккупационный режим для решения своих национальных проблем и вновь превратить Беларусь в польскую провинцию. В первые месяцы войны им удалось, пользуясь желанием немецкого военного руководства как можно скорее сформировать аппарат вспомогательной администрации, заполнить в Западной Беларуси руководящие посты своими людьми. Для исправления ситуации из Германии на восток было направлено около 50 белорусов-эмигрантов, завербованных еще до начала войны (в их числе В. Тумаш, В. Ивановский, А. Демидецкий-Демидович, В.Родько, Р.Островский и др.). Все они заняли руководящие посты в органах местной вспомогательной администрации (30 человек в Минске, остальные большей частью попали в Центральную и Восточную Беларусь) [5]. Поскольку руководство Третьего рейха на тот момент полностью отрицало возможность политического сотрудничества с населением оккупированных территорий, то функции «местного самоуправления» ограничились рамками решения хозяйственных и социально-культурных вопросов, хотя белорусские эмигранты стремились к политической самостоятельности.

Структура местной администрации в Беларуси имела отличия в зависимости от региона. Как известно, территория БССР была искусственно разделена фашистами между несколькими административными единицами: тыловой зоной группы армий «Центр», Генеральными округами «Беларусь», «Литва» (оба входили в состав Рейхскомиссариата «Остланд»), «Житомир», «Воынь и Подолия» (относились к Рейхскомиссариату «Украина»), Генерал-губернаторством «Восточная Пруссия». При этом большая часть Беларуси (современные Минская, Витебская, Могилевская, часть Гомельской областей) оказалась в составе тыловой зоны группы армий «Центр» и Генерального округа «Беларусь». В обеих этих административных единицах можно условно выделить по два уровня руководящих органов: собственно немецкие (верхнее управленче-

ское звено) и коллаборационные (нижнее звено). Начальствующий состав первых состоял из подданных Рейха, однако среди сотрудников и технического персонала могли оказаться и представители белорусского населения. Коллаборационные же органы комплектовались исключительно из числа населения, но во главе их чаще всего стояли белорусские эмигранты, уже давно сотрудничавшие с фашистами.

В тыловой зоне группы армий «Центр», непосредственно примыкавшей к театру военных действий, вся полнота власти была сосредоточена в руках военного командования. Возглавлял администрацию командующий тыла группы армий «Центр» генерал Макс фон Шенкендорф. Для поддержания порядка в его распоряжении находились 59 армейский корпус (штаб в Витебске) и четыре охранные дивизии (201 – штаб в Лепеле, 203 – в Бобруйске, 221 – в Гомеле, 286 – в Орше). В качестве оккупационных исполнительных органов власти выступали полевые комендатуры (фельдкомендатуры) и подчиненные им местные комендатуры (ортскомендатуры). На 1942 г. в тыловой зоне группы армий «Центр» насчитывалось 11 полевых и 23 местные комендатуры [6]. Им, в свою очередь, подчинялись органы вспомогательной местной администрации: областные (окружные), городские, районные, волостные управления и общины (деревни). Наименования руководителей этих административных органов были различными: бургомистры, городские головы, городские и районные начальники, старосты и т.п. В некоторых городах для удобства управления и усиления контроля за населением по инициативе городских бургомистров в 1943 году были введены должности старост улиц, которые отвечали за порядок в своем микрорайоне (например, в Могилеве [7], Борисове, Новоборисове и др. [8]).

В Генеральном округе «Беларусь», с сентября 1941 года находившемся под управлением немецкой гражданской администрации, главным руководящим органом являлся Генеральный комиссариат Беларуси (Минск), первоначально возглавлявшийся В. Кубе, а после его смерти от рук подпольщиков – К. фон Готтбергом. Генеральному комиссариату подчинялись 2 гаупткомиссариата (главных комиссариата) в Минске и Барановичах. Кроме того, после полной передачи территории Беларуси в ведение гражданского управления планировалось создать главные комиссариаты в Могилеве, Витебске и Смоленске [9]. Генеральному комиссариату и гаупткомиссариатам подчинялись 11 гебитскомиссариатов (окружных комиссариатов), им, в свою очередь – штатскомиссариаты (городские комиссариаты) и ортскомиссариаты (районные комиссариаты). В сельской местности большими полномочиями обладали специально назначенные чиновники, контролировавшие проведение аграрных оккупационных мероприятий: на уровне районов крайсляндвирты, а на уровне волостей – зондерфюреры. Белорусская местная вспомогательная администрация была представлена городскими и районными управами. Непосредственно районным подчинялись волостные (поветовые) управы, а им, в свою очередь – деревни (общины) или колхозы, формально сохранявшиеся до проведения весной 1942 г. фашистской аграрной реформы. Во главе районных, городских и волостных управ стояли бургомистры (с 1942 г. – начальники (старшины) соответствующего ранга), во главе колхозов – председатели, во главе деревень – старосты.

Летом и в начале сентября 1941 г. на всю территорию Минского гебитскомиссариата распространялась власть созданного еще военными властями так называемого Наместничества Минского округа, которое возглавлял Радослав Островский. На тот момент это был самый крупный орган вспомогательной администрации, укомплектованный белорусами, который обладал достаточно большими полномочиями в хозяйственной сфере. По мнению польского исто-

рика Ю. Туренка, на базе Наместничества коллаборанты планировали создать центральный орган белорусской администрации, но этому помешала нерешенность вопроса о политическом будущем Беларуси в кругах высшего руководства Рейха [3, с.57-58]. В результате Наместничество было преобразовано в параллельное бюро (Небенбюро) при Генеральном комиссариате Беларуси и получило лишь совещательные и исследовательские полномочия [3, с.84; 9, с.269]. В дальнейшем аналогом Наместничества стали создававшиеся только в тыловой зоне группы армий «Центр» коллаборационные окружные (областные) управления (соответствовавшие по рангу немецким окружным комиссариатам в Генеральном округе «Беларусь»). Однако фашистское руководство стремилось к максимальному ограничению полномочий этих органов, чтобы не допустить получения реальной исполнительной власти в масштабах области представителями местного населения. Функции окружных управлений поэтому сводились к наблюдению за районными властями, координации их работы и проверке исполнения указаний собственно германских оккупационных учреждений (комендатур).

Местные органы власти, как можно судить по документам, создавались спонтанно и без четкого предварительного плана. Свою деятельность они проводили, руководствуясь издаваемыми для них немецким военным командованием указаниями и инструкциями, где определялся лишь примерный объем полномочий и функций «самоуправлений». Причем первые официальные приказы на этот счет были изданы только в начале июля 1941 г., хотя назначения бургомистров городов и волостей происходили сразу после занятия территории немецко-фашистскими войсками [10; 8, ф.623, оп.1, д.1, лл.183-185, д.29, лл.1-2]. Позже, к началу августа, стали формироваться районные и областные управы.

Фактически организация вспомогательной администрации летом 1941 года была предоставлена местным комендантам. Тем не менее, назначенные военными властями бургомистры имели право самостоятельно формировать собственный аппарат при сохранении контроля со стороны немцев. Оккупанты определяли, что для самоуправлений «главной задачей является обеспечение снабжения продовольствием» [8, ф.623, оп.1, д.1, л.183 об.]. Для этого предписывалось сохранять в нетронутом виде систему организации колхозов и совхозов, а в случаях уже проведенного дележа колхозного имущества бургомистры вместе с председателями колхозов должны были «восстановить все по старому в течение 24 часов» [8, ф.623, оп.1, д.1, л.184]. Также к первоочередным задачам местной вспомогательной администрации относились следующие мероприятия: регистрация всего населения и выдача ему удостоверений личности; учет собственности и имущества района (города, волости, колхоза); составление списков имущества, реквизированного немецкими военными частями; сбор с населения оружия и боеприпасов и сдача их в комендатуры; организация ремонта дорог и мостов и привлечение к этому всех находящихся в районе специалистов; возобновление сбора налогов и коммунальных платежей; осуществление связи между немецким командованием и населением. В дальнейшем полномочия местной вспомогательной администрации расширились, в ее ведение были переданы руководство восстанавливаемыми промышленными предприятиями, организация ремесленного производства на оккупированной территории, вопросы социальной опеки, здравоохранения, культурной жизни населения. Разумеется, деятельность местной администрации проходила под бдительным и неусыпным контролем со стороны германских военных и гражданских учреждений, на основании немецких распоряжений и инструкций, однако «самоуправления» обладали определенной самостоятельностью в социально-хозяйственной сфере. В этом были за-

интересованы и местные оккупационные власти: «Главной задачей Германского управления в занятых областях является наблюдение. Выполнение работы управления должно проводиться...местными служебными учреждениями. Задача русского коммунального управления – по возможности быстро и самостоятельно работать», – было сказано в одной из немецких инструкций [7, ф.259, оп.1, д.22, л.83].

Немецкими военными властями была предложена примерная структура городских и районных управлений, включавшая следующие отделы: регистрации; трудоустройства; промышленности, торговли и ремесла; городских предприятий; хозяйственный; квартирный; санитарный; городская касса. Однако фактический объем полномочий местной администрации оказался гораздо большим, в связи с чем в составе управ были созданы также отделы, ведавшие вопросами образования и культуры, социального обеспечения населения, охраны порядка и др. В районных управах имелись земельные отделы, ведавшие вопросами распределения сельскохозяйственных участков и осуществлением аграрных мероприятий. Причем состав отделов местной вспомогательной администрации был различным в зависимости от региона и определялся насущными потребностями.

Наиболее крупным органом в системе «самоуправлений» в начальный период оккупации было уже упоминавшееся Наместничество Минского округа. Оно состояло из 16 отделов (административно-хозяйственный, дорожно-транспортный, строительный, финансовый, торгово-промышленный, правовой, лесной, народного просвещения, охраны здоровья, ветеринарный, заготовок, окружная милиция, статистическое бюро, земельно-хозяйственное руководство, минский лесхоз, гараж), в которых в общей сложности (вместе с подчиненными организациями) работал 321 человек [8, ф.1050, оп.1, д.13, лл.20-35]. В составе Минской городской управы были созданы отделы общих, промышленности, хозяйственный, жилищный, опеки, охраны здоровья, образования, культуры и другие [11]. Витебская городская управа на 1 января 1942 г. состояла из президиума и 12 отделов: продовольственно-торгового, городского хозяйства, жилищного, охраны здоровья, городской охраны, культуры и просвещения, ветеринарного, транспортного, труда, финансового, общественного обеспечения, общего [12]. Могилевское городское управление осенью 1941 года состояло из руководства (Городской голова-бургомистр, его заместитель и 2 секретаря) и 9 отделов (общего, финансового, общетехнического, медико-санитарного, промышленного, земельного, торгового, жилищного, отдела труда) [7, ф.260, оп.1, д.8, л.5]. В 1943 году численность работников Могилевского горуправления составляла около 230 человек [7, ф.260, оп.1, д.79, л.8].

Аппарат районных управ первоначально был значительно меньшим как по количеству отделов (и, соответственно, решаемых ими задач), так и по численности служащих. Например, в составе Минской районной управы в августе 1941 г. было всего три структурных подразделения: административная группа во главе с начальником, земельный отдел и финансово-налоговый отдел, где работали 39 человек [8, ф.623, оп.1, д.1, л.202]. К середине сентября 1941 г. устройство Минской районной управы усложнилось, и она уже включала в свой состав общих, земельный, дорожный и финансовый отделы, а также службу порядка и инспекриат, ведавший вопросами промышленности и торговли, обеспечения, просвещения и охраны здоровья [8, ф.623, оп.1, д.19, лл.3-4], хотя количество работников было утверждено почти на прежнем уровне – 43 человека [8, ф.623, оп.1, д.4, л.267]. Дальнейший ход событий и расширение полномочий органов местной вспомогательной администрации привели к увеличению районных «самоуправлений» как по числу отделов, так и по количеству работников. Это было необходимо, поскольку районные управы

обслуживали количество населения не меньшее, а зачастую и большее, чем в городах. Уже в декабре 1941 года Минская райуправа состояла из 14 отделов (руководство района в лице бургомистра, общий отдел, земельный, финансово – налоговый, отдел охраны порядка, секции судебная, народного просвещения, охраны здоровья, промышленности и торговли, социального обеспечения, дорожная, лесная, строительства, заготовок), где по штату должен был работать 131 человек, однако в реальности было 13 вакантных мест (в основном бухгалтеры и другие специалисты высокой квалификации) [8, ф.623, оп.1, д.1, лл.23-26]. По похожей схеме строились и совмещенные районно-городские управы, например, Борисовская, включавшая в свой состав в сентябре 1941 года 14 отделов со 116 работниками [8, ф.622, оп.1, д.1, лл.1-4].

Аппарат волостных управ был представлен бургомистром, его заместителем и писарем, кое-где предусматривался и обслуживающий персонал (уборщик, конюх, сторож); также в состав волостной администрации включались местные полицейские. Эти люди считались чиновниками и получали зарплату. Жалованье городских и районных бургомистров составляло 1500-2000 рублей в месяц, волостные начальники получали по 600-750 рублей. Должность старосты деревни первоначально была объявлена оккупантами «почетной», и за нее не предусматривалось какой-либо денежной компенсации. Однако, к 1943 году, когда большая часть населения Беларуси отказалась от добровольного сотрудничества с немцами, и многие старосты не соглашались работать даже под угрозой наказания, в Генеральном округе «Беларусь» для них была введена оплата – 250 рублей; при этом волостям разрешалось увеличивать или уменьшать зарплату в пределах бюджетного фонда в зависимости от числа обслуживаемого старостой сельского населения [8, ф.1566, оп.1, д.6, л.21]. На территории тыловой зоны группы армий «Центр» содержание аппарата общины в лице старосты и писаря-счетовода первоначально осуществлялось за счет самой общины, причем часть оплаты производилась деньгами, а часть – натурой (продуктами). Нормы обеспечения, как и в Генеральном округе, были дифференцированными. В марте 1943 года, по указанию военных комендантов, содержание сельских старост было возложено на районные управы, которые не имели необходимых средств [7, ф.261, оп.1, д.3, л.22]. Поэтому для изыскания дополнительных денежных ресурсов аппарат волостных управ был сокращен до 3 человек, а в деревнях остались только старосты (без писарей) [7, ф.261, оп.1, д.8, л.10].

Интерес представляет вопрос о численности сотрудников местных «самоуправлений». Вспомогательная администрация была создана в 78 городах и 192 районных центрах, а также в нескольких тысячах деревень и сел Беларуси [13]. Если считать, что число служащих районных и городских управ колебалось в пределах от 100 до 130 человек (а в крупных городах превышало 200), то получается, что только в этих учреждениях на службе у немецко-фашистского режима находилось 27-35 тысяч человек. Сюда же надо прибавить работников волостных управ (около 2000-2500 волостей по всей оккупированной Беларуси, по 3-6 человек) и сельских старост (по 100-200 на район, что дает не менее 20 тысяч человек). Таким образом, получается, что на службе у фашистов в органах местной вспомогательной администрации на территории Беларуси состояло не менее 50-55 тысяч сотрудников. На протяжении всего периода оккупации немецкие военные и гражданские власти стремились к ограничению и сокращению аппарата «самоуправлений». Мотивировалось это необходимостью экономии и уменьшения расходов. Однако, на наш взгляд, не последнюю роль при этом играли и опасения, что местная администрация может превратиться в опору белорусского национального движения и выйти из-под контроля.

Таким образом, областные, районные, городские и волостные управы, а также деревенские старосты были составной частью немецко-фашистского оккупа-

ционного аппарата, но при этом формировались из числа местных жителей. Они являлись связующим звеном между собственно немецкой администрацией и населением. В то же время политика фашистских властей по отношению к местной вспомогательной администрации была двойственной. С одной стороны, от нее требовалась эффективная, быстрая и «самостоятельная» работа по проведению в жизнь немецких распоряжений в экономической, социальной и культурной сферах, для чего в управах всех уровней была создана разветвленная структура, охватывавшая все вышеперечисленные направления. С другой стороны, опасаясь превращения местной вспомогательной администрации в органы реальной власти и не желая, чтобы она стала опорой белорусского национального движения, немецкое руководство постоянно ограничивало и сокращало местный аппарат, мелочно регламентировало его работу, что в итоге приводило к неэффективности его деятельности и срыву выполнения немецких распоряжений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах фашистской Германии* // Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, докум. и материалы. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР А.М. Самсонов. В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 66.
2. *Беляев А.В.* Гражданская коллаборация и проблема «наши» - «чужие» (на примере Белоруссии в годы Великой Отечественной войны) // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2001. С. 261-264.
3. *Туронак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн., 1993. С. 51-58.
4. *Директива Геринга по экономическому разграблению оккупированных территорий СССР* // Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 т. М., 1987-1994. Т. 4, 1990. С. 383.
5. *Раманоўскі В.П.* Саўдзельнікі ў злачынствах. Мн., 1964. С. 77.
6. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны*: В 3 т.; Гл. ред. А.Т. Кузьмин. Мн., 1983-1985. Т. 1, 1983. С. 172-173.
7. *Государственный архив Могилевской области (ГАМО)*, ф.260, оп.1, д.58, л.149.
8. *Государственный архив Минской области (ГАМО)*, ф.622, оп.1, д.5, лл.17-18.
9. *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сёння: Папулярныя нарысы з гісторыі Беларусі. Мн., 1993. С. 267.
10. *Козак К.И.* Установление германского оккупационного режима на Беларуси в 1941 г. // Беларусь, 22 июня 1941 года: Говорят архивы... Материалы к заседанию «круглого стола», посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны (июнь 2001 г.) / Отв. ред.-сост. Р.П.Платонов, В.В.Федосов. Мн.: БелНИИДАД, 2001. С. 106.
11. *Атрошчанка У., Талкачоў В.* Фарміраванне і дзейнасць нямецкай акупацыйнай улады ў Мінску // Беларусь у гады другой сусветнай вайны: урок гісторыі і сучаснасці. Матэрыялы Рэспубліканскай навук. канф., прысвеч. 50-годдзю Перамогі (Мінск, 26-27 красавіка 1995 г.). Мн.: БДПУ, 1995. С. 107.
12. *Государственный архив Витебской области (ГВАО)*, ф.2073, оп.1, д.185, л.35.
13. *Залесский А.И., Кобринец П.Н.* О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки. Гродно, 1992. С. 138.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of organization of local auxiliary administration in Belarus in the period of German-fascist occupation (1941-1944). The structure and functions of district, city, rural authorities (boards of okrug, raion, volost and rural leaders (starostas)) are examined. The place of these government bodies in the system of German-fascist occupation regime is defined.

Поступила в редакцию 22.01.2002

С.В. Шахнович, Е.С. Шахнович

Человек, собственность и экономические системы

В современную экономическую литературу прочно входят понятия «человеческий фактор», «человек-хозяин», «инвестиции в человеческий капитал». Вместе с тем зарождающаяся система взглядов не дает ответа на многие вопросы, связанные с эволюцией роли человека в системе сложной взаимосвязи его как элемента производительных сил и субъекта производственных отношений, не выясняет степени ее воздействия на уровень формирующихся экономических систем.

Традиционно утверждается, «что совершенствование человека как работника, изменение его роли в производстве определяются, с одной стороны, развитием производительных сил, а с другой – зависят от специфики общественного строя» [1] и складывающихся адекватных ему производственных отношений.

Безусловно, человек воплощает в себе единство сторон способа производства. Однако, вступая в экономическое взаимодействие с другими людьми, он, в зависимости от выполняемой им роли в системе производственных отношений, совершенно по-разному проявляет себя как работник в качестве главного элемента производительных сил. Одной из самых острых граней этой взаимосвязи, на наш взгляд, является соотношение понятий «субъект производственных отношений», а также «субъект» и «объект» собственности. Теоретическая нерешенность этих вопросов накладывает определенный отпечаток на уровень принимаемых сегодня стратегических управленческих решений, определение приоритетных направлений развития общественного производства, оказывает влияние на характер и особенность формирующейся экономической системы.

Быть субъектом производственных отношений – одна из общеисторических ролей человека. Однако, это ни в коей мере не может быть свидетельством неизменности функций, выполняемых человеком в этой роли. Человек как субъект производственных отношений всегда функционирует в определенной социально-экономической форме (как определенный социально-экономический тип человека), которая характеризует его социальную принадлежность, отражающую соответствующую форму собственности. Социально-экономический тип человека оказывает определяющее воздействие на его функции в системе производственных отношений, его интересы и побудительные мотивы деятельности, которые не являются всеобщими и неизменными.

В последнее время, наряду с уже известными в научной литературе понятиями «рабочая сила», «человеческий фактор», в целях конкретизации места и роли человека в складывающихся экономических системах вводятся и такие понятия, как «личный фактор производства», «субъективный фактор», «предприниматель», «человек и экономика» и др. Однако, содержание данных понятий, не только не выясняет сущности сложной взаимосвязи «чело-

век, собственность, экономические системы», а, наоборот, усложняет ее противоречивости возникающих точек зрения.

Так, одни авторы считают, что в политико-экономическом смысле понятия «человек», «работник», «трудящийся», «рабочая сила», «личный (субъективный) фактор производства» – однопорядковые. Другие – разграничивают понятия «рабочая сила» и «личный фактор производства», хотя и понимают их различия неодинаково. Пытаются также рассматривать «человеческий», «субъективный» и «личный» факторы как взаимосвязанные, но не идентичные понятия.

По нашему мнению, путаница во взглядах происходит оттого, что вне поля зрения, зачастую, остается процесс изменения функциональной роли человека в историческом контексте, а его нельзя рассматривать в отрыве от эволюции форм собственности, экономических систем, четкого соотношения определений «субъект» и «объект» собственности.

Все дело в том, что объективные экономические законы всегда проявляются через деятельность людей. И в этом смысле объективный фактор всегда играет важную роль в экономике. Тем не менее, развитие человеческого фактора, его роль, подчинена не только общеисторическим закономерностям. Она также определяется общественной формой производства, господствующей системой общественных отношений и, в то же время, не лишена субъективизма.

Отдельные авторы считают, что отправным моментом для трактовки сущности и соотношения названных понятий является определение рабочей силы как совокупности «физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости». Однако с этим вряд ли можно согласиться, поскольку рабочая сила, т.е. способность к труду, носителем которой является человек, – это общеэкономическая категория, но, как элемент производительных сил, человеческая личность, обладая определенной способностью к труду, включается в процесс производства далеко неодинаково. «Общеизвестно, что в любую историческую эпоху вопрос о собственности затрагивал коренные жизненные интересы людей» [2]. На различных ступенях исторического развития в зависимости от господствующей формы собственности, места человека в процессе производства как субъекта и объекта собственности она определенным способом соединяется с вещественным фактором, выступая личным фактором производства. Личный фактор и рабочая сила в зависимости от этого реализуются по-разному, проявляя добросовестность, дисциплинированность, сознательность, или полное отсутствие их в процессе производства. Важнейшим условием здесь выступает наличие заинтересованности, мотивации к труду, которая находится в полной зависимости от характера труда (свободный труд на себя или жесткая внеэкономическая форма принуждения).

Немаловажную роль при этом играет и соотношение материально-вещественного и личного факторов производства. На наш взгляд, следует подвергнуть сомнению и сложившийся в экономической литературе стереотип мышления, согласно которому «средства труда и, прежде всего, орудия труда, являются наиболее революционной частью производительных сил» [3], оказывающей решающее воздействие на рост квалификации и профессионального мастерства рабочей силы. Понятие «рабочая сила» в этом случае низводится до физического характера труда раба, крепостного крестьянина, наемного работника, лишенного определенного социального статуса, что приводит к утрате его творческих начал, основой которых выступает умственный труд.

Для того, чтобы более глубоко разобраться в складывающихся экономических взаимосвязях рабочей силы как элемента производительных сил и субъекта производственных отношений, необходимо отойти от укоренившегося понимания собственности как исторически сложившихся отношений между людьми по поводу присвоения – отчуждения жизненных благ, приводящих к объективно разному экономическому положению субъектов в данном обществе.

Такой подход к пониманию собственности означает, что именно собственность на вещественные факторы – определяющий, базисный элемент экономической системы и всего общества, поскольку от собственности зависит разное экономическое, да и социальное положение субъектов, групп и слоев общества.

На самом же деле понятие собственности значительно шире, многограннее, поскольку человек выступает не только в роли субъекта, т.е. владельца вещественных факторов и производимых благ, но и объекта, на который в различных экономических системах распространяется различная степень зависимости в виде юридически закрепленного права собственности, владения, распоряжения рабочей силой.

Отсюда собственность может быть определена как исторически изменяющееся отношение между людьми по поводу права собственности, владения, использования, распоряжения факторами, условиями и результатами производства с целью все более полного удовлетворения потребностей людей в общественных благах. Она осуществляет свою экономическую функцию только тогда, когда приносит ее субъекту определенную экономическую выгоду в форме прибыли, дохода, ренты или дивиденда. Степень получения такой выгоды зависит от положения субъекта в экономической системе, сложившихся производственных отношений. Это в свою очередь определяется сочетанием понятий «субъект» и «объект собственности», которые являются ее неотъемлемой составной частью в системе производственных отношений, и приоритет здесь принадлежит не вещественной форме собственности, а собственности на объект владения, распоряжения рабочей силой, создающей материальные ценности.

Под субъектами собственности понимают конкретных людей (группы), которые вступают между собой в отношения собственности.

Субъектами собственности могут быть отдельный индивид, коллектив людей, общество в целом. Это определяется принятым способом персонификации собственности: он бывает или моносубъективный, или полисубъективный. Последний, в свою очередь, может быть либо долевой, когда определяются доли каждого субъекта, либо бездолевой, когда доля не выделяется. Существует и институциональная персонификация собственности, когда ее субъект – не лицо или группа определенных лиц, а социальный институт (например, государство).

Объектом собственности называют те элементы результатов деятельности людей, которые присвоены данным субъектом.

Все объекты собственности можно разделить на вещественные и невещественные. При таком подходе вещественные объекты собственности представлены двумя видами – это средства производства и предметы потребления. К невещественным объектам собственности относятся научные знания, информация, способности людей (их рабочая сила).

При законодательном закреплении тех или иных отношений собственности объекты собственности имеют обычно следующую классификацию: недвижимое имущество, движимое имущество, объекты интеллектуальной собственности.

При этом к недвижимому имуществу относятся производственные и непроизводственные здания, дороги, транспортные сооружения, объекты производственной и непроизводственной инфраструктуры, а также земля.

К движимому имуществу относится то имущество, по отношению к которому возможно его перемещение. Это – оборудование, инструмент, автомобили, мебель и т.д.

Объекты интеллектуальной собственности представляют собой научные труды, рукописи, изобретения, открытия, программное обеспечение электронной техники и прочие результаты и продукты интеллектуальной деятельности людей. Правовая защита интеллектуальной собственности очень важна как условие ее умножения и развития, как стимул творческого труда. Она также важна для любой страны, поскольку, чем дальше, тем больше ее прогресс, ее богатство и благополучие зависят от творчества, от достижений науки.

Рассматривая объекты собственности, следует подчеркнуть, что среди всего их многообразия в любой экономической системе определяющими уровень ее развития и экономическую власть субъектов выступают, прежде всего, формы владения и распоряжение рабочей силой в процессе производства, а не только вещественными факторами производства и производимыми благами. В связи с этим считаем неправомерным исключение из экономической теории исследования категории «рабочая сила» как объекта собственности, поскольку рабочая сила, как показывает исследование, на протяжении истории в различных экономических системах выступала как в роли субъекта, так и в роли объекта собственности. Так, в условиях рабовладения на рабочую силу раба распространялось право как на объект собственности. При феодализме оно сменилось на право владения крепостным крестьянином в сочетании с его правом субъекта собственности на небольшой земельный участок и домашний очаг, что содействовало изменению мотивации труда. Дальнейший переход от отработочной ренты к натуральной и далее денежной создал объективные предпосылки для эволюционного преобразования феодальных отношений и становления капиталистического способа производства. Развитие товарного производства, становление рыночных отношений, обусловленное жесткой конкурентной борьбой, приводят к массовому росту числа рабочих наемного труда, утрате ими права на собственность с одновременным превращением в условиях уже обретенной политической свободы в объект собственности на рабочую силу как права распоряжения ею капиталистами в процессе производства. Это приводит к усилению конфронтации, нарастанию конфликта между армией наемного труда и господствующим классом капиталистов. Дальнейшая трансформация капиталистической системы хозяйствования под воздействием целого ряда как субъективных, так и объективных факторов содействует формированию новых производственных отношений на основе гармонизации интересов и партнерского сотрудничества. Они явились результатом объединения в одном лице человека труженика и хозяина и стали предпосылкой становления наиболее эффективной экономической системы. Экономические системы, основанные на раскрепощении человеческой личности, соединении в одном лице человека труженика и хозяина (субъект и объект собственности), содействуют развитию природных дарований человека, раскрытию его творческого таланта и вместе с этим приобретают высокую устойчивость, динамизм развития и высокие темпы экономического роста.

Отсюда вывод: для создания в Республике Беларусь высокоэффективной социально-ориентированной рыночной экономики необходимо ускорять процесс приватизации, осуществлять политику на расширение предпринимательских структур, создание необходимых предпосылок, институтов для сво-

бодного творческого, инициативного и высокоразвитого труда, расширения и совершенствования производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малькова И. Человек в системе современного общественного производства // Экономические науки, 1989, № 3. С. 98.
2. Сычев И. Еще раз о собственности в становлении рыночной экономики // Российский экономический журнал, 1992, № 11. С. 69.
3. Базылеев Н.И., Гурко С.П. Экономическая теория. Мн., 1999. С. 34.

S U M M A R Y

The article deals with the research on the complicated dialectic interrelation ship of man, property and economic system. It reveals the complexity of the phenomenon «property», specifics its contents and functions, looks into the changes of the position and role of man being an object and a subject of property on different stages of his historical developments; it sets their crucial influence upon the levels of developing economic systems.

Поступила в редакцию 22.04.2002

УДК 640(476.5)

Л.Ф. Трацевская

Бытовое обслуживание населения — важный фактор жизнеобеспечения и развития городов экономического региона

Оценка перспектив общественного социально-экономического развития дает возможность предположить дальнейшее усиление урбанизации. Нельзя не учитывать того факта, что города обеспечивают удовлетворение народно-хозяйственных потребностей по развитию отраслей производства, а также потребностей экономического региона, в котором они расположены. В развитии городов важную роль играют социальные факторы. Более высокий уровень социально-бытовых удобств, относительно широкий выбор сферы труда, возможность повышения образования и культуры, увеличение мобильности усиливают приток населения в города и, несомненно, будут способствовать их дальнейшему росту.

В связи с этим социальные проблемы в городах обостряются. Характерной является, прежде всего, проблемой диспропорция между производственной (а также домашней) загруженностью и дефицитом свободного времени горожан и все возрастающими бытовыми проблемами.

Одной из наиболее крупных статей в недельном бюджете времени взрослого городского населения является труд в общественном производстве и обучение (она составляет более 16%). На домашнее или личное подсобное хозяйство каждый городской житель тратит в среднем более 18 часов в неделю [1]. По подсчетам социологов, на ведение домашнего хозяйства затрачивается больше времени, чем на общественный труд. К тому же это, как правило, труд монотонный, малопроизводительный, тяжелый. Женщина-

горожанка тратит на труд в домашнем хозяйстве 30-35 часов в неделю, мужчина-горожанин – 15-20 часов [2]. Помимо всего прочего, в нынешних условиях многие городские жители вынуждены менять профиль работы, обучаться новым специальностям, работать в нескольких местах. А для всего этого нужно дополнительное время. Эту проблему призвано решить бытовое обслуживание.

Не менее важна его роль в поддержании и восстановлении потребительских свойств изделий, находящихся в пользовании горожан. Это позволяет полнее использовать приобретенные вещи и одновременно экономить средства семейного бюджета. У населения имеется значительное количество технически сложных предметов длительного пользования. Стоимость новых таких предметов постоянно абсолютно и относительно увеличивается. На сегодняшний день эти товары (в связи с ухудшением материального благосостояния) не доступны для 2/3 населения [3]. Поэтому потребность в ремонте сложной бытовой техники возрастает. По этой же причине увеличивается необходимость в починке одежды, обуви, мебели. Высока роль бытового обслуживания и для обеспечения сбалансированности денежного обращения. В настоящее время появилось население, имеющее высокие и сверхвысокие доходы, поэтому организация и развитие высококласных предприятий бытового обслуживания будет способствовать привлечению средств этой категории населения и формированию доходной части городского бюджета.

Таким образом, бытовое обслуживание населения относится к отраслям градообслуживающей сферы и представляет собой совокупность предприятий, организаций и производственных структур, оказывающих следующие услуги: работы по сохранению и восстановлению изделий (ремонт бытовой техники, транспортных средств, одежды, обуви, мебели, химчистка одежды, стирка белья и т.д.); изготовление новых предметов потребления (одежда, обувь, мебель и др.); услуги, связанные с личной гигиеной человека и оказанием удобств в быту (парикмахерские услуги, услуги бань и душей, услуги проката и пр.).

Современное бытовое обслуживание городского населения Витебской области занимает среди других отраслей градообслуживающей сферы одно из ведущих мест: в 2000 г. его доля в общем объеме оказываемых населению платных услуг составляла более 17%. В то же время, как свидетельствуют данные, которые приведены в таблице, объем бытовых услуг, оказанных городскому населению в 2000 г., снизился по сравнению с 1999 г. на 7,7%.

Снижение объема реализации произошло за счет уменьшения сети предприятий городской службы быта на две единицы и удорожания услуг в 3,3 раза. Рост численности занятых на 178 человек вследствие притока на предприятия бытового обслуживания, в основном, мало квалифицированных работников, требующих дополнительного обучения и подготовки, не повлек за собой увеличения объемов бытовых услуг. Производительность труда 1 работающего, занятого в городском бытовом обслуживании, снизилась в 2000 г. по сравнению с 1999 г. на 11,1%. Сужение сети и падение объема реализации привело в 2000 г. к снижению подушевого объема бытовых услуг по сравнению с 1999 г. на 737 тыс. руб., или на 8,2%. К тому же, снижение объемов услуг в стоимостном выражении сопровождалось сокращением их физических объемов. Это объясняется как повышением цен и тарифов и низкой эффективностью хозяйственной деятельности, так и недостаточной обеспеченностью городских предприятий бытового обслуживания необходимыми материалами, запасными частями и комплектующими.

В условиях формирования рыночной экономики бытовые предприятия вынуждены самостоятельно решать вопросы снабжения материальными ресур-

сами. По данным управления бытового обслуживания Витебского облисполкома для 70% предприятий основными источниками поступления сырья, материалов, запчастей и оборудования являются прямые связи с их производителями. Более 40% материальных ресурсов приобретается посредством бартерных сделок. Обеспеченность же фондовым сырьем через облбытуправление в условиях перехода к рыночным отношениям составляет в среднем менее 25% от необходимого городским предприятиям службы быта.

Таблица

**Показатели бытового обслуживания городского населения
Витебской области в 1999-2000 гг.**

Показатель	1999 г.	2000 г.
Число предприятий (включая цеха, ателье, мастерские), ед.	795	793
Объем реализации бытовых услуг в стоимостном выражении (сопост. цены), в % к прошлому году	98,7	92,3
Объем реализации бытовых услуг в натуральном выражении, в % к прошлому году	85,3	92,3
Среднегодовая численность работающих, чел.	4757	4935
Объем реализации бытовых услуг на душу городского населения (в сопост. ценах), тыс. руб.	8988,7	8251,7
Количество бытовых услуг на душу городского населения, ед.	6,3	5,8

Преодолеть сложившиеся неблагоприятные тенденции в сфере бытового обслуживания Витебской области, придать ей максимально высокий динамизм, получить более высокие конечные результаты невозможно без качественного скачка в организации службы быта, в совершенствовании ее функционирования. В этой связи одной из основных задач является максимальное приближение услуг к потребителю: предприятия службы быта целесообразно размещать по месту работы и жительства горожан, в непосредственной близости от транспортных путей. Такая организация сети бытовых предприятий города позволит приблизить услуги к населению, реально обеспечить комплексное его обслуживание с минимальными затратами личного времени горожан на получение услуг, увеличить их объем на одного городского жителя.

Развитие бытового обслуживания населения должно быть полноправной составляющей комплексного социально-экономического развития городов в условиях современной урбанизации и осуществления перехода к рыночной экономике. В генеральных планах развития городов Витебской области, рассчитанных как на дальнюю, так и на ближайшую перспективу, обязательно должны присутствовать мероприятия по своевременному обеспечению городского населения всеми необходимыми видами бытового обслуживания; выделению городскими властями площадок для оказания бытовых услуг в местах, удобных для их пользователей; своевременному формированию сети бытового обслуживания в городских новостройках.

Своевременная и качественная реализация данных мероприятий позволит городской службе быта решать задачи всемерного улучшения обеспеченности населения бытовыми услугами путем:

- сокращения затрат времени населения на получение услуг;
- повышения культуры и комфортности обслуживания;

- расширения ассортимента оказываемых услуг и удовлетворения разнообразных потребностей населения;
- сокращения сроков выполнения заказов населения на бытовые услуги;
- улучшения качества оказываемых бытовых услуг;
- увеличения объемов оказываемых предприятиями бытового обслуживания услуг до наиболее полного удовлетворения потребительского спроса на те или иные их виды.

Становление современных рыночных отношений характеризуется объективной, постоянно усиливающейся необходимостью планомерного постоянного взаимодействия городов и окружающих их экономических регионов. Это обусловлено тем, что многие города, как правило, представляют собой центры соответствующих экономических регионов, и между этими городами и окружающими их регионами установились прочные социально-экономические связи и взаимозависимости, которые носят разносторонний, в том числе и экономический, характер.

Такие города должны оказывать постоянную помощь окружающему региону: и средним, и малым городам, и селам по целому ряду направлений, в том числе и в осуществлении бытового обслуживания населения. Так, через разнообразные кооперационные связи крупных специализированных предприятий службы быта областного центра г. Витебска (фабрики пошива и ремонта обуви, ППО «Лотос», УП «Заря», ПО «Рембыттехника») с предприятиями бытового обслуживания других населенных пунктов Витебской области осуществляется формирование рынка бытовых услуг по пошиву обуви, ремонту сложной бытовой техники, химической чистке одежды, изготовлению мебели, для оказания которых на соответствующих местных предприятиях нет достаточных производственных мощностей и ресурсов. Такое сотрудничество, в свою очередь, будет способствовать формированию эффективно действующей системы регионального разделения труда в бытовом обслуживании населения Витебской области.

Достижение высоких темпов и устойчивых тенденций развития этой важнейшей отрасли в городах Витебской области, охватывая интересы всех социальных групп ее населения, внесет существенный вклад в достижение социально-экономической сбалансированности развития всего этого экономического региона.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Ядгаров Я.С. Бытовое обслуживание: Экономика и культура сервиса. М., 1990. – 205 с.
2. Пациорковский В.В. Платные услуги населению: Состояние и перспективы. М., 1991. – 109 с.
3. Легорнев С.Ф. Служба быта и рынок. М., 1991. – 63 с.

S U M M A R Y

The paper analyses modern problems of the provision of the urban population of Vitebsk region of domestic services.

Поступила в редакцию 10.09.2001

Правовая интеграция (теоретические основы определения)

Социальная интеграция в любых ее видах и формах является важнейшей стороной процесса общественного развития. В ходе интеграции общественная практика приобретает новое качественное состояние, определяемое появлением новых звеньев в общественном механизме (союзов государств, межнациональных парламентов, блоков политических партий и т.д.), а также повышением организованности и целостности существующей общественной системы или общественного образования – укреплением взаимосвязей национально-государственных механизмов, аккультурацией парламентских структур, консолидацией политических партий и т.д. Как отмечают французские исследователи П.Ф. Гонидек и Р. Шарвэн, «интеграция – это одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями» [1].

Социальная интеграция предполагает создание новых и (или) обновление существующих структур и уровней управления, юридико-нормативное регулирование которых, прежде всего, осуществляет право. Поэтому правовая интеграция занимает одно из важнейших мест в инфраструктуре объединительных процессов.

Но, будучи нормативным инструментом регулирования общественных отношений, право лишь обеспечивает экономические, политические, социально-культурные и иного вида интеграционные процессы. В частности, оно может способствовать развитию, усовершенствованию определенных интеграционных объединений, или упреждать негативные проявления сближения общественных образований – нелегальную миграцию, транснациональную преступность и т.д. Но право само по себе не порождает ни экономической, ни политической, ни какой-либо другой интеграции. Интеграция – это самостоятельный объективный процесс взаимопроникновения элементов сферы человеческого бытия, где право является одним из формально-структурных образований, обеспечивающих интегрирование.

Теория и практика международной интеграции предлагает три основные модели социального интегрирования: «функционализм»; «федерализм»; «транснационализм» («плюралистическая модель»). Представители каждой из данных концепций по-своему определяют механизмы, пути, темпы, этапы, а также возможные результаты и способы международного сближения при одинаковом подходе к оценке целей интеграции.

Функционалисты (Д. Митрани, Э. Хасс, Л. Линдберг, С.С. Джорж, Я. Тинберген и др.) объединение политических институтов государственной власти рассматривают как следствие сближения отдельных лиц, социальных групп и государств по экономическим интересам. Причем, по их мнению, в ходе эконо-

номической интеграции произойдет естественный эволюционный переход от государственной власти к межрегиональной, и затем к всемирной. В результате должна появиться некая «всемирная социально-психологическая общность» при постепенном отмирании суверенитетов государств [2].

Представители «федералистской» теории (Ж. Моне, Р. Шуман, А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих и др.), напротив, выступают не за экономическую интеграцию, а за интеграцию посредством сближения политических институтов государств при договорном отказе от централизма и при распределении полномочий между центром и субъектами федерации [3].

Суть «транснационализма» (К. Дойч, Д. Пучала и др.) заключается в предложении воспринять «объединительную идею» в принципе и не предъявлять при этом к субъектам интеграции жестких требований по поводу того, как себя вести при той или иной форме сближения. Главное, как отмечает К. Дойч, чтобы основные интересы государств как политические, так и социокультурные, не противоречили друг другу, а наиболее общие интересы были бы предсказуемы и прогнозируемы [4].

Таким образом, теории интегрирования предлагают разные способы интеграции. Но, при этом ни одна из данных теорий не отрицает того, что целью международной интеграции является развитие основных общественных ценностей, достижение экономического процветания и обеспечение безопасности, поскольку отдельно взятое государство в современных условиях объективно не способно качественно обеспечить названные приоритеты.

Представляется, что при правовом обеспечении каждой из предлагаемых моделей право как интегративный инструмент будет выполнять заметную роль в инфраструктуре объединительных процессов. Но, как справедливо замечает Е.А. Достанко, процессы международной интеграции найдут свое результативное обоснование «только на основе комплексного познания и применения каждой из названных моделей» [5]. Следовательно, и роль правовой интеграции необходимо определять, исходя не из абсолютного восприятия или отрицания той или иной теории интеграции в целом, а из оценки достоинств и недостатков каждой из них.

При обеспечении «функционалистских» способов международного сближения так называемые общие нормативные регуляторы могут стать носящими лишь экономический характер, а роль других отраслевых норм будет больше заметна на внутригосударственном уровне. Развитие так называемого «общего экономического права» в конечном итоге станет лишено реальных перспектив по причине расхождения в первую очередь национальных конституционных законодательств. С другой стороны, общие нормы экономического характера представляют собой результат объективной практики взаимодействия определенных субъектов правоотношений в имущественной сфере, которая наиболее адекватно отражает природу человеческих потребностей, реализуемых как через межличностные связи, так и посредством создаваемых субъектами организаций соответствующего плана – обществ, товариществ, корпораций и т.д. Поэтому правовая интеграция может более полно реализовать свой социально-нормативный потенциал при обеспечении экономической интеграции, где воля субъектов сближения формируется исходя из объективной природы удовлетворения определенных экономических потребностей, а не из субъективизма политических желаний к интеграции или дезинтеграции.

При правовой реализации «федералистской» модели интеграции достигается интеграция большего масштаба, нежели при обеспечении функционалистских способов интеграции, а, следовательно, и в большей степени реализуются общие цели интегрирования. При сближении политических институтов различных государств происходит выравнивание, прежде всего, конституци-

онных законодательств, которые являются основными, базовыми отраслями для формирования всех других отраслей национального законодательства. Таким образом, сближение конституционных норм позволяет создать общую конституционную модель, на которую смогут ориентироваться частноотраслевые и иные внутригосударственные нормы. Основным препятствием для реализации федералистского способа интегрирования является нередкое отсутствие политической воли субъектов интегрирования к созданию общей системы политико-правовых институтов, что определяется субъективистскими началами федералистской интеграции.

Несмотря на это, идеи федерализма получили реальное нормативное выражение в практике международного сотрудничества. Так, в 1984 году Европарламентом был принят разработанный одним из основных идеологов федерализма А. Спинелли проект договора о Европейском союзе. В феврале 1985 года принимается Единый Европейский акт, который закрепляет в качестве цели Евросоюза создание в конце 1992 года единого рынка. 1 ноября 1993 года вступают в силу Маастрихтские соглашения, определившие создание в 2000 году валютно-экономического и военно-политического союзов двенадцати европейских государств. И, наконец, 1 февраля 1994 года принято решение о вступлении в силу Шенгенских соглашений, определивших свободное перемещение внутри союза не только товаров, но и людей. Таким образом, востребованность нормативных результатов оказалась большей при реализации федералистской, а не функционалистской концепции международного сближения.

Положительной стороной реализации «плюралистических» (транснациональных) способов международного сближения является практика выбора субъектами интеграции тех объектов сближения, которые, по мнению субъектов, должны подлежать интегрированию в данный момент. При восприятии всеми субъектами «объединительной идеи» сближение соответствующих областей человеческого общежития будет проходить безболезненно и для национальных суверенитетов, и для национальных законодательств. Отдавая приоритет «выбору народов» транснациональные способы сближения обеспечивают, таким образом, логичное интегрирование с точки зрения всемирно-исторического процесса развития. Но, плюрализм в интеграции интересов порождает плюрализм и, таким образом, неопределенность в интеграции сфер правовых отношений. Неопределенность социального объекта интегрирования вызывает и отсутствие четко обозначенного правового объекта как по предмету регулирования (вид общественных отношений), так и по сфере интегрируемого объекта (что подлежит интеграции – правовой институт или нечто большее?). Поэтому можно сказать, что плюралистическая модель социальной интеграции также не является идеальной, хотя и не лишена некоторых положительных качеств.

Во всех трех рассмотренных вариантах интегрирования обслуживающая роль правовой интеграции в международном сближении стран и народов является ведущей. Правда, в одном случае, с нашей точки зрения, эта роль более эффективна, как при реализации федералистских способов, в другом – менее значимой (при реализации функционалистских концепции), а в третьем (при обслуживании плюралистической модели) и вовсе является сомнительной с точки зрения своего конкретного результата. Но в любом варианте обслуживающая функция правовой интеграции свидетельствует о том, что она не возникает сама по себе, и тем более непосредственно не порождает другие виды интеграции. Она может лишь ускорять интеграционные процессы, облагораживать их, создавая «единый правовой порядок», установление или достижение которого является основой для дальнейшей правовой интеграции политико-правовых компонентов различных государств. Таким образом, правовая интеграция может рассматриваться не только как процесс, но и как ре-

зультат указанного сближения. Поэтому понятие рассматриваемого нами предмета должно отражать динамические и статические элементы сближения субъектов интеграции.

В юридической науке не существует единого определения правовой интеграции. Русскоязычные юридические энциклопедии и словари не содержат понятия правовой интеграции. В частности, юридическая энциклопедия 1997 года дает понятие интеграции, определяя ее как «процесс взаимного приспособления, расширения экономического и производственного сотрудничества, объединения национальных хозяйств двух и более государств», то есть в качестве формы интернационализации хозяйственной жизни [6]. В более ранних юридических изданиях энциклопедического плана не определяется даже и это экономически детерминированное понятие. Кроме того, отсутствуют и монографические работы, посвященные проблемам теории правовой интеграции.

Причинами такой ситуации, на наш взгляд, являются следующие обстоятельства: во-первых, советская юридическая наука, долгое время обслуживавшая идеологические потребности государства, сам термин «правовая интеграция» относила к разряду буржуазных и лженаучных, спекулируя на крайних выводах ряда зарубежных ученых относительно идеи «всемирного права». В частности, заострялось внимание на том, что сторонники интеграции посредством права посягают на суверенитет государств, стремящихся путем интеграции уменьшить влияние демократических элементов, предлагая передоверить создание норм сообщества негласным представителям монополистических кругов и буржуазных политических организаций. Советские исследования в области интеграционной теории охватывали главным образом политические и экономические аспекты интеграции, что привело к политическому и экономическому детерминизму даже в определении понятия интеграции.

Во-вторых, реализация интеграционных идей экономического, политического, культурного и иного плана в настоящее время заставляет наших ученых концентрировать свое внимание больше не на теоретических, а на чисто практических вопросах и условиях интеграции, таких, как унификация конкретных отраслей законодательств, создание единообразных законов, заключение договоров о правовой помощи и т.д. В результате вне поля зрения отечественных правоведов остаются как сама концепция правового интегрирования, так и понятие этого явления.

Вместе с тем в мировой юридической науке и практике сложился целый ряд подходов к определению социальной интеграции, что и дает основание сделать некоторые выводы относительно понятия правовой интеграции.

Представляется, что данное понятие должно базироваться на следующих исходных положениях:

- правовая интеграция – это объективное проявление социально-психологической потребности сообществ к сближению;
- правовая интеграция выражается в гармонизации национальных правовых интересов различными способами и методами, но не представляет собой процесс или результат полной идентификации данных «правопорядков»;
- правовая интеграция включает в себя: а) правовую сферу и нормативный объем интеграции; б) субъектов интеграции; в) юридический инструментарий интегрирования.

Кроме указанных посылок, не стоит забывать и о вспомогательной, для всех иных проявлений интегрирования, роли правовой интеграции, чтобы не абсолютизировать данный элемент инфраструктуры общественного интеграционного процесса и не превращать его, таким образом, в неработающее «культовое» звено сближения стран и народов.

В основе первого положения, относительно социально-психологической потребности сообществ к сближению, лежат, во-первых, взгляды функционалистов, в особенности Э. Хасса, относительно того, что в основе интеграции находятся совпадающие, не знающие государственных границ интересы социальных групп и даже отдельных лиц, что ведет к образованию «всемирной социально-психологической общности», и, во-вторых, сложившиеся среди сторонников теории интеграции посредством права и концептуально определенные Х. Мули взгляды относительно *jus commune*, суть которого состоит в утверждении в общественном сознании интеграционной идеи.

Указанная теоретическая предпосылка позволяет сделать несколько выводов относительно социально-психологической потребности сообществ к сближению национальных правовых порядков. Как отдельные индивиды, так и социальные группы, и даже целые сообщества обращают внимание на условия жизни своих соседей, находящихся в рамках иного правового поля. По мнению данных «наблюдателей» это поле, устанавливая иные, по сравнению с их правилами, стандарты, делает и саму социально-экономическую сферу жизни здесь лучше, а, следовательно, и правильнее. Появляется соблазн к правовому подражанию, исходя из принципа: «их социально-экономические условия существования лучше, поскольку регулируются лучшими по сравнению с нашими нормативными правилами».

Такую форму осознания социально-психологической потребности сообществ к правовому сближению можно условно назвать *примитивной*, поскольку она не учитывает действительных причин развития экономических и социальных условий существования общества, игнорируя первичность материальных условий его существования. К тому же, данная форма осознания не учитывает того, что в ряде зарубежных правовых систем могут складываться особые группы социальных отношений и явлений, требующих традиционных только для данных правовых систем методов правового регулирования. Примером этому могут служить отношения монарха и представительных органов власти во многих монархических странах, статус религиозного судьи в ряде мусульманских и индусских правовых систем и т.д.

Вместе с тем, носители примитивной формы осознания интегрирования очень хорошо реагируют на однотипные социальные явления, присущие если не всем, то многим организованным сообществам. В таком случае вопрос о множестве различий в регулировании тех или иных социальных отношений является вполне оправданным, и нередко его разрешение в пользу монотипизации регулирования приносит положительный результат для достижения цели правовой интеграции. В частности, как отмечает А.А. Рубанов: «Природные сферы объективны для всех национальных правовых систем. Соответственно в их правовых нормах отражается существование земной тверди, атмосферы и водных пространств» [7].

Болгарский автор Нено Неновски указывает на целый арсенал правовых элементов, сходных или идентичных для всех типов правовых систем, начиная от сходных отраслей и институтов и заканчивая сходным логическим аппаратом языка права (имеется в виду язык права в его юридической, а не лингвистической интерпретации) [8].

Помимо примитивной оценки потребности в правовом сближении существуют и более высокие формы осознания правового интегрирования – *примитивно организованная и высоко организованная*. В первом случае речь идет об осознании сообществом идеи подчинения общим правилам. Вопрос здесь стоит уже не о правовом подражании, а о выработке общих стандартов поведения и правовых моделей, образующих, по мнению Ж. Булуи правовую систему, не входящую в рамки международного права и выходящую за пределы

национальных правовых систем [9]. Такого же, в принципе, определения данной правовой системы придерживается и Ф. Джессап [10]. Как правило, результатом практической реализации рассматриваемой формы осознания потребности в правовом сближении является наднациональное право, то ли в виде права конкретного сообщества, то ли в виде общерегионального права. Примитивный оттенок рассматриваемой формы состоит в том, что субъекты интегрирования, определяя потребность функционирования по единым правилам, осуществляя конкретный выбор этих правил или сфер одностипного регулирования, как правило, недостаточно глубоко анализируют как необходимость самого функционирования по определенным правилам, так и выбор самих конкретных правовых сфер монотипизации.

Напротив, высоко организованная форма осознания правового интегрирования дает возможность на объективной основе осуществить как заимствование иностранных правовых объектов, так и создание наднациональных правовых образований. Данная форма реализуется на уровне «экспертных структур», существующих то ли в виде международных организаций, конференций и т.п., то ли в виде исследовательских учреждений или групп экспертов, которые и занимаются научным обоснованием правового интегрирования, исходя из условий места и времени его осуществления. Суть же самой рассматриваемой формы заключается в достижении определенным сообществом такого уровня правовой культуры, который определяет осознанное порождение самостоятельных организационных структур, деятельность которых направлена на научное исследование объективности интеграции. При этом изначально исключаются элементы интегрирования, ставящие целью правовое превосходство в любых его «иррациональных формах» – религиозной экзальтации, политической колонизации и т.д. Так, примером высокоорганизованной формы осознания правового интегрирования является вхождение в правовое пространство Европейского Союза правовых систем Австрии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Эти страны стали членами Союза лишь в январе 1995 года после продолжительной экспертной работы национальных субъектов законотворческой деятельности.

При определении интеграции в качестве сложившейся системы философские словари и справочники нередко указывают как на положительный момент интеграционной системы на повышение уровня ее целостности и организованности [11], признавая, таким образом, потенциальную возможность системы полностью идентифицироваться и внутренне стагнироваться, что в свое время, в частности, произошло с советской правовой системой. Поэтому указанный подход к определению характера интеграции существующей системы представляется не совсем прагматичным с точки зрения правовой интеграции, поскольку ее основной динамизм заключается в постоянном процессе гармонизации правовых элементов при рациональном использовании унификационных механизмов. Это позволяет избежать интегративные процессы от стагнации в форме образования унитарной правовой системы, последующее правовое реформирование которой будет проходить очень болезненно.

В основе гармонизации правовых систем находится создание однородных правовых институтов, присущих разным национальным системам при сохранении индивидуального характера каждой национальной правовой системой. Именно через возрастание числа таких однородных институтов и достигается рациональное сближение правовых систем без излишней унификабельности правовых элементов. Основанием такого сближения является то, что интеграция происходит не на уровне конкретных частных норм или целых отраслей права, а на оптимальном уровне сближения – на уровне правовых институтов, которые затем, привившись в новой правовой среде, постепенно ме-

няют характер как национальных законодательств в частности, так и правовой системы в целом. Правовой институт представляется самым удобным средством сближения правовых систем.

Метод гармонизации права является официальным методом европейских сообществ и получает свое распространение в других регионах, в частности в Латинской Америке, где проблемы интегрирования, так же как и в Европе, становятся актуальными. Активное применение метода гармонизации происходит при сближении законодательств Андской группировки АСЕАН, Северо-американской зоны свободной торговли и т.д.

Процесс правовой гармонизации основывается на трех основных унифицирующих режимах, которые французский исследователь М. Ансель называет способами унификации [12].

Первый вид режима определяется как конвенционный. Его так же можно назвать международно-правовым, поскольку основной смысл реализации данного режима состоит в том, что вырабатывается совместная международная конвенция, которая содержит, по сути, единообразный закон, подлежащий инкорпорированию в законодательства подписавших ее государств. Процесс инкорпорирования может осложняться лишь тем, что не все государства (участники конвенции) ратифицируют или утверждают подписанную конвенцию.

Второй вид режима унификации – совместная разработка участниками правовой интеграции норм, которые государства на добровольной основе обязуются внести в свои законодательные системы. Этот вид режима можно назвать наиболее действенным, т.к. субъекты интегрирования заранее оговаривают принципиальные позиции и затем реализуют свой интерес уже в плане выработки форм и в отношении осуществления технологии инкорпорирования самих правил. В частности, подобная практика сложилась на уровне законодательного сближения правовых систем России и Беларуси. Государства-члены Союза осуществляют унификацию законодательства о налогообложении доходов граждан и пенсионного законодательства, проводят разработку единых правовых подходов к определению мер социальной защиты граждан в области образования, здравоохранения, жилищно-коммунального обслуживания, принимают нормы, определяющие равные социальные права граждан обоих государств и т.д.

Третья разновидность унификационного режима состоит в подготовке и предложении национальным законодателям закона-модели или типового закона, который, как правило, базируется на познанной объективной необходимости принятия таких норм во внутренней системе. Поэтому в отличие от первых двух режимов, данная разновидность направлена на введение в действие принципиальных, наиболее общих положений, имеющих судьбоносное значение для стран и народов. Практика модельных законов имеет давнюю историю и является наиболее развитой в федерациях, в межгосударственных и иных региональных объединениях. Примерами служат модельный общегерманский Торговый кодекс (1858-1859 г.), Примерный уголовный кодекс США (1962 год), Базовый мировой налоговый кодекс (1992 год) и другие документы, большая часть положений которых реально реализована в практике национальных законодательств. Стоит отметить, что и СНГ в лице своей Межпарламентской Ассамблеи также активно ведет работу по подготовке и внедрению модельных законодательных актов в виде общих принципов, основных начал, примерных законов, модельных кодексов и основных положений.

Приведение того или иного унификационного механизма в действие зависит от целого ряда обстоятельств, возникающих при гармонизации или осуществлении процесса интегрирования вообще. Главное, чтобы при любом варианте выдерживалось общее правило оптимальности сближения правовых порядков субъектов интеграции, и ход формирования наднациональных пра-

новых структур или сближение национальных правовых элементов отвечал разумному сочетанию уважения национальных суверенитетов и признания необходимым всеобщего правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gonidec P. - F., Charvin R.* Relations internationales. Paris, 1984. P. 435.
2. *Mitrany D.* A working Peace System. London: Royal Institute of International Affairs, 1943. P. 10-15; Marks Gari, oth. Governance in the European Union. Sage Publications, 1996. P. 5-7.
3. *Euro-Politics: Institutions and Poltsymaking in the European Community* / Ed. A.M. Sbraglia - the Brookings Institutions, 1992. P. 110-112; Barnes I., Barnes P.M. The Enlargerd European Union. Longman, 1995. P. 4-5.
4. *Deutsch K.W.* The Impact of Communications upon International Relations Theory / Said A. Theory of International Relations: The Crisis of Relevance. Prentice-Hall, 1968. P. 143-145.
5. *Достанко Е.А.* Современные концепции интеграции // Европейский Союз: история, политика, экономика, право: Тез. докл. науч. конф. Минск, 17-18 декабря 1997 г. / Европейский Союз: история, политика, экономика, право: Сб. Мн., 1998. С. 109.
6. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 185.
7. *Рубанов А.А.* Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 13.
8. *Неновски Н.* Преемственность в праве. М., 1975. С. 20.
9. *Boulouis J.* Droit institutionnel des Communautés européennes. P., 1984. P. 24.
10. *Carreau D.* Droit international. 4e éd. P., 1994. P. 33.
11. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 210.
12. *Ансель М.* Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права: Сб. ст. / Составление, перевод и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1981. С. 193-199.

S U M M A R Y

In the proposed article the approaches to the determination of the legal integration are elaborated. The forms of the integration law model perceptions by the society are analyzed. The method to harmonize the law systems whereby the converging of the national law institutions is defined.

Поступила в редакцию 3.01.2002

УДК 343.24 (476)

Г.Н. Серeda

Ресоциализация осужденного при отсрочке исполнения наказания

При осуждении с отсрочкой исполнения назначенного наказания цели уголовной ответственности достигаются посредством комплексной системы мер воздействия. Причем особое значение придается правоограничениям и обязанностям профилактического и испытательного характера, которые возлагаются судом на осужденного в целях его ресоциализации.

Обязанности режимно-ограничительного характера, возлагаемые на осужденного, направлены на обеспечение контроля за его поведением, на предупреждение с его стороны новых преступлений и в конечном итоге на обеспечение контролируемого (корректируемого) под принуждением поведения осужденного в процессе испытания. В соответствии с ч. 3 ст. 77 УК за осужденным в течение срока отсрочки осуществляется профилактическое наблюдение, и на него возлагаются режимные обязанности (ограничения), предусмотренные ч. 2 ст. 81 УК. Ограничения, обеспечивающие режим профилактического наблюдения, являются минимально возможными. Они не должны существенно ограничивать свободу осужденного и главное не препятствовать осуществлению дозволенной деятельности, в основном сводиться к информационному и корригирующему воздействию. Вместе с тем, учитывая то, что осужденный находится в режиме испытания, он не должен препятствовать работникам уголовно-исполнительной инспекции знакомиться в полном объеме с обстоятельствами, относящимися к его поведению.

Дело в том, что пробация (испытание) предполагает контроль более высокого уровня, чем при осуществлении профилактического наблюдения. Контроль за ходом испытания в период отсрочки исполнения наказания должен быть постоянным, создающим надлежащие условия для ресоциализации осужденного. В связи с чем, ч. 2 ст. 178 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь закрепляет обязанность осужденного отчитываться о своем поведении перед уголовно-исполнительной инспекцией, являться по ее вызову без ограничений периодичности явки, давать объяснения относительно невыполнения установленных для него обязанностей.

Вместе с тем, контроль, осуществляемый в период отсрочки исполнения наказания, не должен быть навязчивым, тягостным для осужденного. Уголовно-исполнительная инспекция не должна злоупотреблять своими полномочиями и излишне обременять подответственного.

Режимные ограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 81 УК, применяются в период отсрочки, если суд, исходя из обстоятельств дела и личности осужденного, не сочтет необходимым установить более обременительные ограничения, предусмотренные ч. 4 ст. 77 УК. В соответствии с указанной частью статьи суд может существенно усилить систему ограничений на период отсрочки и обязать осужденного: *не менять места жительства без согласия органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, не выезжать по личным делам на срок более одного месяца за пределы района (города) места жительства без согласия этого органа, периодически являться в этот орган для регистрации, находиться после наступления определенного времени по месту жительства, не посещать определенные места.* Суд может установить эти обязанности для осужденного в полном объеме, либо только некоторые из указанных обязанностей ограничительного характера.

Обязанности исправительного характера не имеют режимного назначения, хотя и осуществляются в состоянии осуждения лица за совершенное преступление, что придает этим обязанностям характер мер уголовной ответственности. К числу таких относятся обязанности: *принести извинение потерпевшему, в определенный срок устранить причиненный вред, поступить на работу или учебу, пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания.* Если такие обязанности (обязанность) возложены на осужденного, то их выполнение приобретает статус одного из условий испытания относительно возможного освобождения осужденного от наказания после истечения срока отсрочки. Несмотря на то, что закон (ст. 77 УК) не выделяет таковую группу обязанностей и не определяет их специфики по отношению к обязанностям режимно-

ограничительного характера, содержание и направленность системы испытания при отсрочке исполнения наказания, равно как и при условном неприменении наказания, требуют такого подразделения.

Обязанности исправительного характера направлены на «включение» осужденного в период отсрочки в систему позитивной ориентации, содействующей нормальному образу жизни, трудоустройству, привитию качеств законопослушного поведения. Основными задачами ресоциализации, как известно, являются: восстановление социального статуса осужденного, оздоровление межличностных отношений, устранение психотравмирующих ситуаций, выработка навыков общения с другими людьми, содействие в получении специальности и работы, оказание комплексной медико-педагогической и правовой помощи.

Обязанностям исправительного характера как элементу probation при отсрочке исполнения наказания придается большое значение в других странах, поскольку система таких обязанностей позволяет корректировать поведение осужденного в период испытания, обеспечивая надлежащие условия для его исправления. Так называемая «простая» отсрочка (без возложения каких-либо обязанностей) применяется в ограниченных случаях. Так, по УК Франции требуются следующие условия для применения простой отсрочки: 1) лицо не должно быть осуждено к лишению свободы в течение пяти лет, предшествующих совершению рассматриваемого деяния; 2) она применяется при назначении наказания в виде лишения свободы на срок не более пяти лет, штрафа, а также наказаний, лишающих или ограничивающих осужденного в определенных правах. Во всех остальных случаях отсрочка применяется в режиме ограничительного испытания с возложением на осужденного обязанностей исправительного характера [1].

Вопрос о необходимости возложения обязанностей исправительного характера решается по усмотрению суда, который зачастую указанные обязанности на осужденного не возлагал (из практики применения ст. 44¹ УК 1960 г.), поскольку предусмотренные законом обязанности исправительного характера носили исчерпывающий и к тому же узко ограниченный характер, а в соответствии с обстоятельствами дела их возложение было лишено необходимости, поскольку осужденный, например, работал и соответствующими заболеваниями не страдал. Перечень обязанностей исправительного характера, предусмотренный УК 1999 г., также является исчерпывающим.

Возлагая обязанность устранить причиненный вред, суд должен определить вид и размер вреда, способ его устранения, сроки выполнения обязанности. Так, суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает лицо, ответственное за причинение вреда, предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь или возместить причиненные убытки.

На практике, как указывается в юридической литературе, в тех сравнительно редких случаях, когда на осужденного с отсрочкой исполнения наказания возлагается обязанность устранить причиненный вред, она, как правило, сводится к удовлетворению гражданского иска потерпевшего [2]. Вместе с тем, возмещение ущерба в период отсрочки мера более эффективная, поскольку обеспечивается угрозой обращения наказания к исполнению [3].

В свою очередь, необходимо учитывать и то обстоятельство, что неисполнение указанной обязанности может быть связано с объективными причинами (тяжелое материальное положение осужденного, слишком малый срок для ее выполнения). Поэтому, решая вопрос о возложении обязанности возместить причиненный вред, суд должен учитывать эти моменты. В некоторых зарубежных странах эти требования выражены непосредственно в законе. Так, УК Германии предусматривает, что «суд может возложить на осужденного

посильное возмещение вреда». При этом осужденному нельзя предъявлять невыполнимых требований [1, с. 270]. В УК Франции эта обязанность сформулирована следующим образом: «суд может возложить на осужденного обязанность возместить полностью или частично ущерб, причиненный преступным деянием, в соответствии со своими финансовыми возможностями» [1, с. 223].

Закрепление в законе такой обязанности как поступить на работу или учебу имеет своей целью привлечь лицо к общественно полезной деятельности и, таким образом, обеспечить его социально полезный статус, возможность зарабатывать личным трудом. Выбор рода занятий, учебного заведения является правом осужденного. Следует согласиться с Т. Зайцевой, которая отмечает, что «с точки зрения достижения целей отсрочки исполнения наказания не важно, в какой сфере деятельности будет занят осужденный, важно, чтобы он добросовестно работал или учился и тем самым доказал свое исправление» [3, с. 18]. В компетенцию суда входит лишь возложение обязанностей заняться общественно-полезной деятельностью. В свою очередь, уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного в порядке контроля и исполнения указанной обязанности должна при необходимости оказывать осужденному содействие в трудоустройстве.

Необходимость пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания возлагается на осужденного для предупреждения правонарушений с его стороны, охраны его здоровья, а также здоровья других лиц. Вопрос о необходимости лечения и его сроках суд решает на основании медицинского заключения.

Вместе с тем, установление при отсрочке исполнения наказания обязанности пройти курс лечения от хронического алкоголизма, наркомании или токсикомании не увязано со ст. 107 УК (Применение принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией).

Во-первых, следует ли вообще применять отсрочку исполнения наказания, если осужденный страдает таковым заболеванием, поскольку весьма сомнительно, что при назначении ему наказания за совершенное преступление в виде лишения свободы его ресоциализация допустима на условиях probation при наличии такого криминализирующего фактора как хронический алкоголизм.

Во-вторых, целесообразно в таких случаях суду (если допустить, что применение отсрочки оправдано) устанавливать не обязанность пройти курс лечения, а определять особо эту обязанность в качестве принудительной меры безопасности и лечения и осуществлять ее в режиме отсрочки исполнения наказания. Выполнение осужденным требований принудительного лечения в этом случае должно рассматриваться в качестве одного из условий испытания.

Эффективность отсрочки исполнения наказания во многом зависит от того, насколько правильно решен судом вопрос о возложении на осужденного предусмотренных законом обязанностей и от того, насколько индивидуализированы и дифференцированы эти обязанности в каждом конкретном случае.

В этом смысле УК 1999 г. недостаточно спрогнозирован на такую установку. Дело в том, что конкретные обязанности исправительного характера, возлагаемые на осужденного, должны служить своеобразной программой осуществления с осужденным воспитательной и профилактической работы. Поэтому их перечень должен быть разнообразным. Дать перечень таковых обязанностей в законе невозможно. Но не следует их и ограничивать, указав в ч. 4 ст. 77 УК, что суд может возложить на осужденного и другие обязанности, если они будут способствовать его исправлению.

В юридической литературе неоднократно высказывались предложения по поводу расширения перечня обязанностей, возлагаемых на осужденного в

период отсрочки исполнения наказания, в результате чего определились два основных подхода к решению этой проблемы. Суть первого заключается в том, чтобы сделать данный перечень примерным, с указанием на то, что суд может возложить на осужденного и иные обязанности, выполнение которых может способствовать его исправлению. «При вынесении приговора по каждому конкретному делу, — отмечает Г.С. Гаверов, — суд всегда в состоянии установить те конкретные обязанности, выполнение которых было бы наиболее желательным для осужденного» [4].

Сторонники другого подхода придерживаются того, чтобы сделать перечень обязанностей исчерпывающим. «Возложение таких обязанностей, — указывает В.А. Уткин, — особенно сопряженных с установлением ответственности за их неисполнение, представляет собой все же известное вторжение в права и охраняемые интересы личности. Пределы его допустимости должны быть определены законом и быть подконтрольными не только с педагогической, но и с правовой точки зрения...» [2, с. 170-172].

Следует согласиться с В.А. Уткиным, что любые обязанности есть определенного рода ущемление прав лица, подвергнутого испытательно-профилактическому воздействию уголовной ответственности, и в том, что эти обязанности должны быть четко определены в законе. Однако, это касается режимно-ограничительных обязанностей, которые в комплексе с мерами исправительного характера составляют содержание уголовной ответственности при осуждении с отсрочкой исполнения наказания. Действительно, режимно-ограничительные обязанности должны быть закреплены в законе исчерпывающим перечнем. Другое дело, обязанности исправительного характера, суть которых не в ограничении прав осужденного, а в стимулировании добропорядочного поведения. Для преступника (осужденного) эта обязанность, возможно, и тягостна, он не привык работать, внимательно и ответственно относиться к окружающим и т.д. Однако нельзя норму добропорядочного поведения рассматривать как систему функционального внешнего принуждения.

В уголовном законодательстве зарубежных стран обязанности исправительного характера очень разнообразны. Наряду с указанными, это и выполнение общественно-полезных работ, выплата денежной суммы в пользу общественного учреждения или казну, обязанность содержания детей или престарелых родителей, обязанность подчиняться мерам медицинского наблюдения и др.

У нас эта группа обязанностей незначительна и сводится к четырем вышеизложенным. Поэтому в Уголовном кодексе можно было бы указать на такие типичные обязанности исправительного характера, как обязанность пройти курсы социального общения в быту, курсы психологической адаптации и иные программы социальной реабилитации.

Расширение перечня обязанностей исправительного характера позволит, с одной стороны, организовать надлежащий воспитательный процесс в отношении осужденного лица, а с другой — эффективно контролировать его поведение. Вместе с тем, дать перечень таких обязанностей невозможно и поэтому целесообразнее сделать общую запись о том, что суд не ограничен в возложении таких обязанностей.

Определяя круг обязанностей, которые необходимо возложить на лицо, суд в большей степени должен исходить из обстоятельств, характеризующих личность виновного. Это, прежде всего, данные психологической характеристики виновного, данные об условиях и образе его жизни, влиянии негативных обстоятельств и ситуации на характер преступных наклонностей и их проявление, способность виновного адекватно реагировать и выполнять требования испытательного контроля в условиях свободного бытия.

В связи с этим, следует остановиться на проблеме, касающейся учета личности при назначении отсрочки исполнения наказания и, соответственно, возложения тех или иных обязанностей. Обязанность собрать сведения, касающиеся личности виновного, возложена на органы предварительного следствия. Однако на практике органы следствия заняты главным образом восстановлением картины происшедшего, выявлением и закреплением доказательств инкриминируемого обвиняемому деяния. Изучение личности преступника рассматривается в качестве факультативного вопроса следствия и сводится к сбору формальных сведений. В результате суд в ходе рассмотрения дела сам собирает информацию об обвиняемом, оценивает обстоятельства, касающиеся личности виновного интуитивно. Часто профессиональный и жизненный опыт судей играет в этом решающую роль. Поэтому, придя к выводу о том, что лицо может быть исправлено без применения назначенного наказания посредством возложения на осужденного определенных обязанностей и контроля за его поведением, суду в целях установления обязанностей в каждом конкретном случае, необходимо прибегать к помощи экспертов: педагогов, психологов, психиатров и т.д., хотя эта возможность весьма ограничена из-за недостатка времени и средств.

Возлагая на лицо конкретные обязанности при вынесении приговора, суд не может с достаточной точностью определить, какие из них будут способствовать его ресоциализации. Правильно ли выбран круг обязанностей, станет известно уже в процессе их исполнения. Может оказаться, что в ряде возложенных на осужденного обязанностей нет необходимости или они являются неэффективными, в связи с чем их нужно отменить и возложить другие. Поэтому в УК необходимо прямо закрепить возможность суда, вынесшего приговор, отменять установленные обязанности и при необходимости возлагать другие. «Благодаря этому, – отмечает А.А. Нерсисян, – приговор для осужденного перестает быть догмой, и он может существенно улучшить свое положение. Равно как и при появлении новых негативных для осужденного внешних факторов, провоцирующих его к отступлению от «хорошего поведения», суд в его интересах прибегает к дополнительным ограничениям» [5]. В частности, «обновить» систему обязанностей как режимно-ограничительного, так и исправительного характера суд может по истечении отсрочки, когда в соответствии с п. 2 ч. 7 ст. 77 принимает решение о ее продлении.

Может случиться так, что осужденный не выполняет возложенных на него обязанностей. Эта проблема решается следующим образом. В большинстве стран невыполнение влечет отмену probation и направление осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором. Однако, это крайняя мера. В некоторых странах суд имеет возможность применить иные меры воздействия в отношении осужденного. Так, уголовный закон Швеции предусматривает возможность по представлению службы probation назначить осужденному штраф за несоблюдение возложенных на него обязанностей [6].

УК Республики Беларусь предусматривает, что отмена отсрочки допускается, если осужденный продолжает действовать противоправно после официального предупреждения, сделанного ему органом, осуществляющим контроль за его поведением. Между тем, оценка поведения осужденного в период отсрочки в контексте определения его ресоциализации – проблема весьма тонкая, она может свидетельствовать о различной степени достигнутого уровня ресоциализации в русле достижения целей уголовной ответственности. Поэтому, при решении вопроса о том, как следует поступить: отменить отсрочку и направить лицо отбывать наказание, назначенное по приговору суду, или пересмотреть круг возложенных обязанностей, суду необходимо прибегать к помощи специалистов.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему, которая не раз поднималась в юридической литературе и на сегодняшний день остается неразрешенной. Эта проблема касается осуществления контроля за лицами, в отношении которых применена отсрочка исполнения наказания. Контроль, который имеет место сегодня за осужденными в период отсрочки, не является по своему содержанию профилактически-испытательным и, тем более, исправительным. Пока он ставит своей задачей лишь фиксацию актов поведения осужденного. Об этом свидетельствует и Инструкция по организации работы уголовно-исполнительных инспекций, утвержденная Министерством внутренних дел 30 ноября 2000 года [7]. Между тем, контроль по системе probation (испытание осужденного на возможность в будущем законопослушного поведения) должен быть профилактическим и корригирующим, дающим возможность осужденному сотрудничать с органами уголовно-исполнительной системы в плане собственной ресоциализации [8].

Уголовно-исполнительные инспекции, на которые в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь возложено осуществление контроля за осужденными с отсрочкой исполнения наказания по своему численному составу, да и по профессиональной подготовке вряд ли смогут обеспечить выполнение обозначенных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии)*. М., 2001. С. 219-222.
2. *Уткин В.А.* Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. С.168.
3. *Зайцева Т.* Обязанности, возлагаемые судом на осужденного при отсрочке исполнения приговора // Советская юстиция, 1985, № 19. С. 18.
4. *Гаевров Г.С.* Проблемы наказания несовершеннолетних преступников. Иркутск, 1986. С. 153.
5. *Нерсисян А.А.* Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. М., 1992. С.185.
6. *Стручков Н.А., Шупилов В.П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах: Италия, Швеция. М., 1980. С.69.
7. *Инструкция по организации работы уголовно-исполнительных инспекций* // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001, № 10. 8/4528.
8. *Хомич В.М.* Реформа уголовно-исполнительной системы в Республике Беларусь // Юстиция Беларусі, 1998, № 2. С.18.

S U M M A R Y

The article deals with the peculiarities of probation under suspended sentences. The author focuses on the differentiation between restricting and correctional obligations imposed upon the convicted person, they being an effective instrument of a suspended sentence.

Поступила в редакцию 18.04.2001

Эмоционально-ценностное отношение к природе как компонент экологической культуры личности

В современных условиях взаимодействие человека и природы превратилось в одну из наиболее актуальных и сложных проблем. Стремительный рост антропогенного воздействия привел к кризисному экологическому состоянию, вызванному не столько усилением воздействия человека на природу, сколько возросшим влиянием измененной людьми природы на общество. Поэтому и выход из неблагоприятных экологических условий многие ученые видят в контроле за применяемыми в промышленности технологиями, создании экологически чистых производств, принятии природоохранных законов.

Однако, опыт западных стран, показывает, что эти меры не позволяют выйти из кризисного состояния. И все большее число исследователей начинают считать, что экологический кризис – это в первую очередь «кризис в головах», и борьба с ним в глобальном масштабе должна начинаться не с проведения природоохранных мероприятий, а с решения мировоззренческих и нравственных проблем.

Последние 20 лет XX века решением ЮНЕСКО были объявлены годами повышенного внимания к вопросам экологического воспитания. В связи с этим, интенсивное развитие экологического образования и воспитания является актуальной задачей всех цивилизованных стран. Оно справедливо рассматривается как одно из средств преодоления глобального экологического кризиса, оптимизации взаимодействия общества и природы, способствующее повышению экологической культуры населения.

В современной педагогической литературе признано положение о том, что экологическая культура проявляется в отношении человека к природе, и, именно категория «отношение» выполняет системообразующую функцию в процессе экологического воспитания [1].

Понятие «отношение» определяет связь личности с миром, особенности восприятия действительности, характер переживаний и все поведение личности в целом потому, что, как отмечает В.Н. Мясичев, отношения характеризуют всего человека, а не какую-либо сторону его психики [2]. В связи с этим А.Н. Леонтьев считал, что «подлинно содержательная, а не формальная характеристика психического развития ребенка не может отвлекаться от развития его реальных отношений к миру, от содержания его отношений» [3].

Категория «отношение» отражена в работах психологов Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясичева, С.Л. Рубинштейна и др.

Одним из первых к этой проблеме обратился А.Ф. Лазурский, который выделил в отдельную группу отношения личности к среде, в том числе и к при-

роде [4]. Идеи А.Ф. Лазурского получили развитие в психологической концепции отношений В.Н. Мясищева [2]:

- отношения всегда связаны с объектом, который отражается в сознании;
- отношения имеют тесную связь с потребностями, интересами, переживаниями, ценностями личности;
- отношения формируются в процессе деятельности;
- отношения человека представляют систему, образующуюся в результате его развития, воспитания, самовоспитания.

В работах А.П. Сидельковского [5] отношения к природе рассматриваются как закономерный результат взаимосвязи учащих с ее явлениями и свойствами. Их содержание определяется характером и сущностью объекта, органическим сочетанием объективных и субъективных отношений, непосредственными и опосредованными контактами с природой, психофизиологической предрасположенностью к определенным потребностям, склонностям, природному окружению. Он считает, что отношения школьников к природе представляют собой определенную систему: ее внешняя сторона проявляется в практически-деятельностной сфере жизни личности, а внутренняя – в психической сфере.

По мнению А.П. Сидельковского, педагог должен целенаправленно, организовано, планомерно строить повседневное взаимодействие школьников с природой, используя явления природы как особые средства воспитания. Также он выделяет два основных типа отношения личности к окружающей природной среде: рациональный и художественный. Художественное отношение личности к природе определяется ее духовными потребностями в эстетическом наслаждении природой, а рациональное отношение – материальными потребностями личности.

Теоретические основы и практический опыт становления и развития отношения школьников к природе раскрываются в исследованиях И.Д. Зверева, А.Н. Захлебного, Г.Н. Каропы, И.Т. Суравегиной. Отношение к природе они определяют как «сознательные, избирательные связи школьника с различными природными объектами и явлениями», которые проявляются в виде потребности, эмоций, симпатии, любви, равнодушия, вражды [6]. Рядом с категорией «отношение» авторы ставят ответственность – как внутреннее качество личности, которое характеризуется в высшей степени положительным отношением к общественным требованиям и основано на разумном, глубоком понимании своих действий, осознании своей ценности и социальной роли в экологической ситуации. В целом, ответственное отношение к природе рассматривается учеными как важнейший признак экологической культуры.

В.П. Тугаринов [7] выделяет в отношении людей к природе следующие формы: практическую, когда отношение к природе рассматривается как к источнику разнообразных благ, удовлетворяющих многочисленные ресурсные потребности общества и человека; адаптивную, т.е. привычку жить в окружении природы, устраивать весь свой образ жизни в зависимости от особенностей окружающей среды; эстетическую, характеризующуюся восприятием красоты природы и переживаниями, возбуждаемыми ее образами; интимную, т.е. любовь к природе. Такой подход позволяет рассматривать природу с позиции многосторонней (универсальной) ценности. Категория универсальности, а не полезности, выражает сущность гуманистического отношения к природе. Именно на уровне универсальности человек реализует свое «тождество» с природой, свою способность осваивать ее целостно, творчески и жить в гармонии с ней.

Обращение к ценностям – главная отличительная черта нашего времени, важнейший принцип государственной политики в области воспитания. По

данным Г.А. Костецкой [8], приоритетными у учащихся школ являются такие ценности, как здоровье, свобода, любовь, наличие хороших друзей, материально обеспеченная жизнь.

При этом ориентации на экологические ценности имеют, преимущественно, самый низкий рейтинг среди других ценностных ориентаций учащихся. В связи с этим, следует обратить внимание на то, что в качестве структурного компонента экологической культуры выделяется ценностный компонент, обозначаемый в исследованиях по-разному: как мотивационно-ценностный компонент, ценностное отношение, ценностные ориентации, аксиологический компонент. Мы определяем его как эмоционально-ценностный компонент.

Ценностное отношение учащихся к природе рассматриваются в исследованиях И.Т. Суравегиной [1]. Она выделяет ценностный аспект в знаниях и указывает, что усиление ценностных и нормативных компонентов достигается путем введения правил, норм, предписаний, запретов экологического характера, раскрытия реальных экологических проблем. Ею подчеркивается, что этому способствует также воспитание мотивов деятельности, соответствующих универсальной ценности и значимости природы, формирование умений оценивать экологическую ситуацию, высказывать суждения нравственного выбора [1].

Следует отметить, что результатом позитивного отношения являются ценностные экологические ориентации. Г.А. Костецкая дает такое определение: «ценностные ориентации – интегративное образование, характеризующее целостную личность, ее направленность; они выражают ценностное отношение к явлениям жизни, которое означает, что объективные ценности осознаются и переживаются личностью как потребности, мотивирующие настоящее поведение и программирующие будущее» [8, с. 9].

А.А. Гримоть уточняет, что ценностные ориентации непосредственно связаны с поведением человека. Ценностная ориентация предусматривает познавательную-оценочную и ориентировочно-исследовательскую деятельности, которые осуществляются на основе определенных знаний, взглядов, убеждений, оценок, входящих в ее систему. Таким образом, ценностные ориентации являются стержневой, базовой характеристикой личности [9].

Совокупность ценностных ориентаций личности является существенным фактором взаимоотношений в системе «человек-общество-природа», поскольку определяет характер поведения человека на природе.

Аксиологический (ценностный) компонент экологической культуры связан с эмоциональной сферой личности, его усвоение имеет деятельностьную (ценностно-ориентационную) форму в виде переживания, смысловотворчества, саморазвития. В связи с этим, формирование экологической культуры, предполагает воспитание **эмоционально-ценностного отношения** учащихся к природе, основанного на гуманистическом подходе к природе и человеку как равноправным партнерам взаимодействия [10].

Эмоционально-ценностное отношение к природе является духовно-нравственной категорией, которая обусловлена эмоциональными переживаниями, субъективным восприятием мира природы и определяет экологически оправданное поведение личности.

Формирование эмоционально-ценностного отношения к природе основывается на положениях **экологической психологии**, в частности, на основе процесса субъектификации природы – понимании ее личностью как значимого другого, при этом за ней закрепляются качества субъекта. Контакты с природой, в данном случае, воспринимаются как взаимодействие, и природа как любой субъект имеет право на существование вне ее полезности для человека, так как она самоценна и потому из ресурса она превращается в сознании

личности в партнера. Такой взгляд заставляет сменить позицию внешнего наблюдения по отношению к природе, понимаемой как объект, на позицию сотрудничества, сопереживания [11]. В этой связи, осмысление отношения к природе в духе гуманизма полагает одновременное утверждение индивидуальности личности и природы, их гармонии.

При рассмотрении психологических особенностей ценностного отношения к природе, следует обратить внимание на параметры, выявляющие его качественные и количественные характеристики. Подчеркнем, что на данном этапе эта проблема является недостаточно разработанной. Наиболее полно параметры ценностного отношения исследованы С.Д. Дерябо и В.А. Ясвиным. В основе отношений к природе лежит, по их мнению, запечатленность в тех или иных ее объектах и явлениях потребностей личности [11].

Итак, в результате отношений человека с природой формируются особые ценностные отношения, в которых она становится особо значимой. Природа является не просто сферой жизнедеятельности человека, но и средой обитания, которую человек видоизменяет, создавая «вторую природу», поэтому отношение к природе включает в себе культурологическое содержание. В частности, эмоциональная реакция по отношению к природе, подвергшейся негативному антропогенному воздействию, должна выражаться такими нравственными категориями, как сопереживание, беспокойство, чувство сопричастности.

Таким образом, на современном этапе формирование экологической культуры включает воспитание эмоционально-ценностного отношения учащихся к природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суравегина И.Т. О методах формирования ответственного отношения школьников к природе // Биология в школе, 1988, № 3. С. 32-39.
2. Мясищев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. Воронеж, 1995. – 356 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. – 304 с.
4. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. М., 1923. – 348 с.
5. Сидельковский А.П. Человек и природа: формирование отношений. Ставрополь, 1975. – 224 с.
6. Отношение школьников к природе / Под ред. И.Д. Заерова, И.Т. Суравегиной. М., 1988. – 128 с.
7. Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978. – 128 с.
8. Костецкая Г.А. Педагогические условия развития ценностных ориентаций учащихся в системе школьного экологического образования: Автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01. Санкт-Петербург, 1999. – 19 с.
9. Грымаць А.А. Фарміраванне маральных ідэалаў школьнікаў: Манаграфія. Мн., 2000. – 448 с.
10. Николина В.В. Теоретические основы формирования эмоционально-ценностного отношения учащихся к природе в процессе обучения географии: Дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.02. Н. Новгород, 1999. – 345 с.
11. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону, 1996. – 480 с.

S U M M A R Y

On the basis of analysis of the references in clause the problem of the attitude of the person to a nature is surveyed, becomings is emotional and evaluativ attitudes to nature, which is stipulated by emotional experiences, by subjective perception of the world of a nature and defines the ecologically justified behaviour of the person.

Поступила в редакцию 10.02.2002

И.В. Галузо

Дидактические основы профилированных курсов естественнонаучных предметов в профессионально-технических учебных заведениях

Вначале следует определиться с двумя категориями, вынесенными в заглавие данной статьи, это – «дидактические основы» и «профилированные курсы».

В педагогической науке под *дидактическими основами* формирования содержания образования понимают совокупность норм и положений, регулирующих с дидактических позиций отбор и распределение конкретного наполнения содержания образования на уровне программ и учебников, т.е. дидактические основы служат ориентирами для конструирования содержания образования в соответствии с поставленными целями и задачами [1–4]. Параллельно следует отметить, что наряду с понятием «дидактические основы» в одном и том же контексте часто используется понятие «дидактические основания» (в качестве примера можно сравнить работы Л.Я.Зориной – см. [2, 3]).

Под *профилированием естественнонаучной подготовки* учащихся средних профессионально-технических учебных заведений понимается сопряжение знаний по основам наук и профессиональной подготовке учащихся, выражающееся в формировании отличающихся для разных групп профессий областей единых научных, профессиональных и политехнических знаний и умений. Профилирование обеспечивает целостность содержания обучения, его систематичность и последовательность, единство и взаимосвязанность теории и практики, связь обучения с жизнью, политехническую и профессиональную направленность в обучении, подчиненные требованиям квалификационных характеристик подготавливаемых профессий и учитывающих их отраслевую принадлежность [5, 6].

Разработка дидактических основ формирования содержания учебных предметов является главной задачей исследований в области конструирования содержания образования. В связи с этим требуется не только дать описание самого содержания образования и процесса его формирования, но и разработать определенные *нормы деятельности* по формированию этого содержания, которые в конечном счете доводятся до уровня конкретных требований, критериев и условий.

Содержание образования не может реально существовать вне процесса обучения. Одной из исходных позиций для конструирования и анализа содержания образования выступают педагогическая действительность и личность учащегося как педагогическая модель социального заказа, поэтому дидактические основы формирования содержания обучения должны учитывать *единство содержания и процесса обучения* этому содержанию.

Следуя изложенному выше, исследователи в работах по теории содержания образования рассматривают *уровни формирования образования и уровни реализации образования*. Исходя из ярусной структуры формирования содержания образования В.В. Краевский выделяет три уровня дидактических

основ для формирования содержания образования и два уровня для реализации содержания образования [4, с.10].

Опираясь на исследования В.В. Краевского выделим следующие уровни дидактических основ профилирования естественнонаучных предметов в профессионально-технических учебных заведениях (рис.):

- 1) основы формирования общего теоретического представления о профилируемом предмете;
- 2) основы формирования содержания профилируемого предмета;
- 3) основы формирования учебного материала профилируемого предмета;
- 4) педагогическая действительность;
- 5) личность учащегося.

Первые три уровня дидактических основ являются регулятивом содержания образования на стадии его проектирования, а два последних — это основы для корректировки содержания образования в реально существующих условиях деятельности обучающихся и обучаемых.

Обе группы дидактических основ находятся между собой в динамической взаимосвязи и постоянно оказывают взаимовлияние друг на друга. Особенно остро это проявляется в процессе опытно-экспериментальной проверки содержания образования, когда содержание образования начинает существовать в реальном учебно-воспитательном процессе, а не в абстракции.

Анализируя практику конструирования учебных программ по предметам естественнонаучного цикла Л.Я. Зорина отмечает, что «...авторы программ основывались главным образом на ориентирах самой высокой степени общности: цели школы и принципы дидактики» [2, с.70]. Это означает, что дидактические основы меньшей степени общности на уровнях формирования содержания предмета и его учебного материала не всегда разрабатывались и, соответственно, не учитывались для каждого конкретного случая в отдельности.

Итак, в соответствии со схемой, представленной нами на рисунке, при формировании содержания образования на самом верхнем уровне – *уровне общего теоретического представления о профилируемом предмете* – в качестве дидактических основ служат цели и задачи профтехшколы в целом, требования к современному рабочему, ряд основополагающих дидактических принципов и понятие о профилировании естественнонаучных предметов в средних профтехучилищах.

Цели и задачи профтехшколы, а также требования к современному рабочему изложены в соответствующих нормативных и концептуальных документах по реформированию национальной системы образования [7-10]. Основным из требований к профессиональной подготовке современного рабочего является то, что он должен владеть системой научных и профессиональных знаний, определенной не только сегодняшним, но и завтрашним уровнем развития техники. В получаемых учащимися знаниях должен существовать некоторый «запас надежности» для учета неизбежных изменений в соотношении наука-практика. Специалисты рекомендуют основываться при этом на прогнозе сроком не менее 10–15 лет [11]. В структуру модели рабочего, кроме освоения ими общего и профессионального образования соответствующей ступени непрерывного образования, входят накопление производственного опыта, умение творчески решать производственные задачи, физическое и гражданское воспитание.

Рассматривая профилирование естественнонаучной подготовки как обобщенный принцип построения содержания образования в профтехшколе, из всей совокупности дидактических принципов на первый план в качестве *дидактических основ формирования содержания учебных предметов* следует выдвинуть следующие:

1. *Принцип соответствия содержания (во всех его элементах и на всех уровнях конструирования) требованиям общества, его социокультурным и экономическим условиям.*

Это означает, что место и функции учебного предмета, его состав определяются социальным заказом общества, конкретными экономическими и историческими условиями, требованиями формирования всесторонне развитой личности. Кроме традиционно предусматриваемых в предметах научных знаний и соответствующих им умений здесь должны найти место отражение опыта творческой деятельности и опыта осуществления воспитательных отношений.

Рассматриваемый принцип, вытекающий из требований общества к образованию, дидактика интерпретирует применительно к условиям обучения путем разработки содержания образования.

2. *Принцип структурного единства содержания образования на разных уровнях его формирования.*

В соответствии с этим принципом содержание образования не должно рассматриваться и конструироваться как некая статичная сумма независимых друг от друга учебных предметов и программ. Главнейший смысл данного принципа состоит в обеспечении единства подходов к конструированию содержания определенных групп учебных предметов (в нашем случае естественнонаучных) [12].

3. *Принцип учета единства содержательной и процессуальной сторон обучения.*

Этот принцип увязывает одностороннюю предметно-научную ориентацию содержания обучения с процессом обучения, с педагогической действительностью, способностями и возможностями учащихся, существующими возможностями обучения, способами передачи учащимся содержания образования, с учетом уровней проектируемого усвоения учащимися знаний.

На уровне *содержания учебного предмета* дидактические основы предыдущего уровня конкретизируются применительно к определенному предмету.

Дидактические основы данного уровня — это основы для перевода общего теоретического представления о профилируемом предмете в содержание образования на уровень учебного предмета. Эти основы должны дать ответы на вопросы: каковы цели, задачи и функции предмета, из каких источников формировать содержание предмета, какова методика отбора основных знаний и умений по предмету, каково содержание творческой деятельности учащихся по предмету, какую систему умений и навыков необходимо выработать у учащихся в результате изучения предмета, как выявить недостающие (или излишние) элементы содержания, какими дидактическими принципами следует руководствоваться при определении содержания предмета, как должна выглядеть структура предмета.

На этом уровне главнейшим является вопрос о комплексах знаний в учебном предмете: из конкретной науки, из других наук, а также о знаниях, служащих для взаимосвязи общего и профессионального образования.

На *уровне учебного материала* происходит дальнейшая конкретизация содержания образования по профилируемому предмету. Здесь перечень конкретных знаний и умений, которыми должны овладеть учащиеся, будет являться дидактическими основами для формирования типовой учебной программы по предмету. Данный уровень — это звено, предшествующее педагогической действительности, отправная точка воплощения проекта содержания образования в практические действия преподавателя и учащихся.

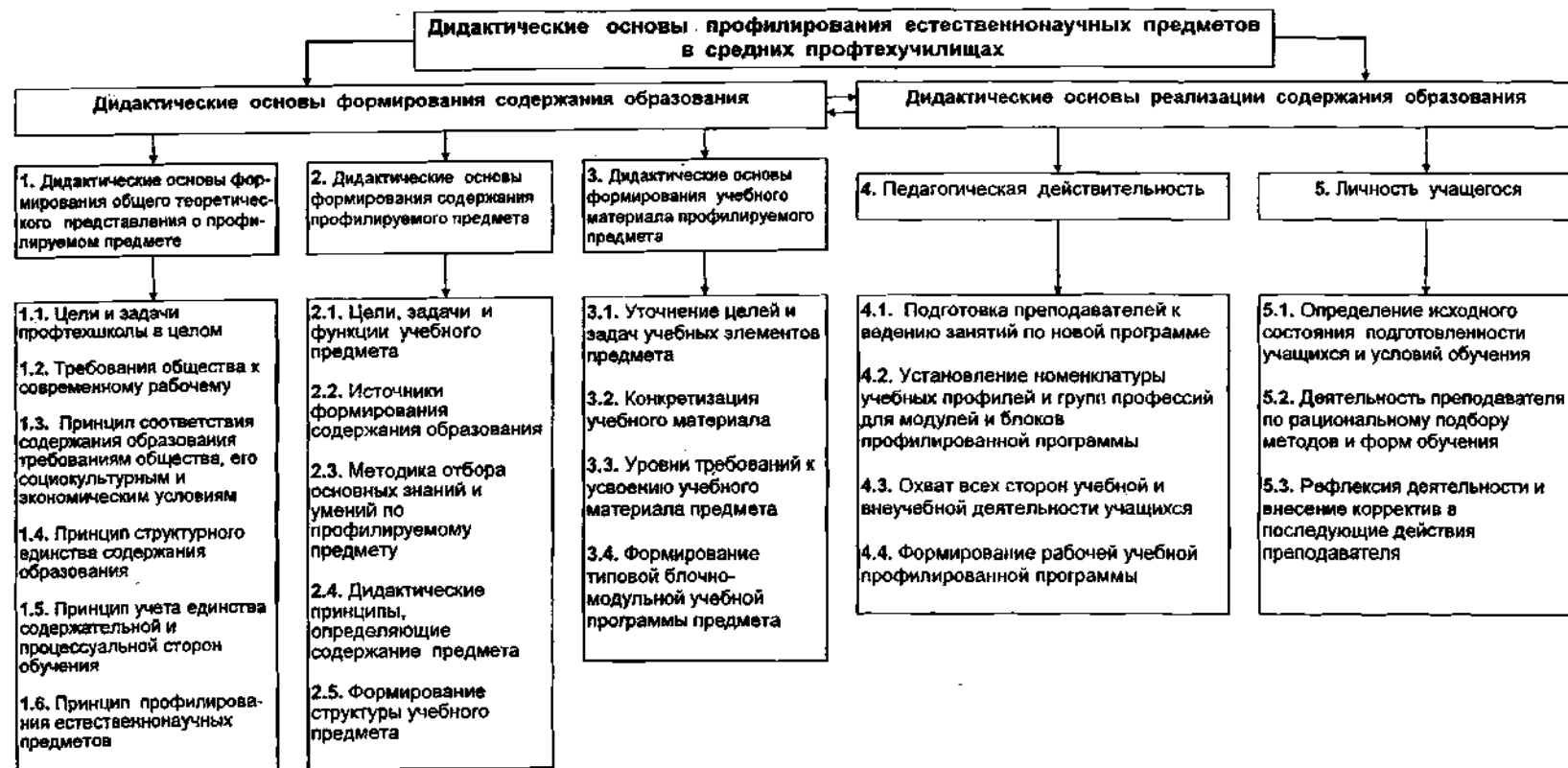

Рис. Схема дидактических основ формирования профилированных курсов естественнонаучных предметов в средних профтехучилищах

Дидактические основы на уровне педагогической действительности приобретают форму конкретных требований к учебному материалу посредством формирования самим преподавателем рабочей учебной профилированной программы предмета на основе типовой учебной программы. Это последнее звено, непосредственно предшествующее учебному процессу, и являющееся компонентом творческой деятельности преподавателя по проектированию и конструированию им самим содержания его будущей деятельности.

Основанием к формированию рабочей учебной программы является перечень учебных профилей и групп профессий. Рабочая профилированная программа строится по блочно-модульному принципу, каждый из компонентов которой решает определенные задачи по связи общего и профессионального образования [5, 6]. Рабочая программа должна учитывать все стороны учебной и внеучебной деятельности учащихся, т.е. в реальных условиях конкретного учебного заведения необходимо предусмотреть наиболее эффективное распределение профилированного учебного материала для изучения на кружковых или факультативных занятиях, при самостоятельном изучении, подготовке реферативных докладов и т.д. Все эти вопросы решаются непосредственно в учебном заведении самим преподавателем, что, естественно, накладывает определенные требования к профессиональной подготовке преподавателей, их готовности к ведению занятий по профилированным программам.

Группа дидактических основ по реализации содержания образования включает в себя такой уровень, как *личность учащегося*. Это самый элементарный уровень, первым этапом которого предусматривается определение исходного состояния подготовленности учащихся и условий их обучения. На основе этого с учетом рабочей профилированной программы планируется деятельность преподавателя по рациональному подбору методов и форм обучения. Учебно-воспитательный процесс сопровождается рефлексией деятельности и внесением корректив в последующие действия преподавателя.

В заключение следует отметить, что теория конструирования содержания конкретных учебных предметов в педагогической науке еще не разработана с достаточной степенью определенности, необходимой для практического использования, поэтому при разработке профилированного содержания компонентов предметов естественнонаучного цикла потребуются выявить специфику и сделать тщательный дидактический анализ содержания образования всех профессий и специализаций,готавливаемых в профтехучилищах Республики Беларусь. Пересмотр содержания курсов естественнонаучных предметов в профессионально-технических учебных заведениях потребует последовательных и целенаправленных действий по разработке и внедрению принципиально новой учебно-программной документации и соответствующего учебно-методического обеспечения учащихся и преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Высоцкая С.И.* Дидактические требования к отражению знаний в учебных программах // *Общедидактический анализ новых программ*. М., 1980. С.28–35.
2. *Зорина Л.Я.* Дидактические основания формирования содержания образования по предметам естественнонаучного цикла // *Вопросы конструирования содержания общего среднего образования: Сб. науч. трудов / Под ред. В.В. Краевского*. М., 1980. С.68–86.
3. *Зорина Л.Я.* Дидактические основы формирования системности знаний старшеклассников. М., 1978. — 96 с.
4. *Краевский В.В.* Формирование содержания образования как часть педагогического проектирования // *Вопросы конструирования содержания общего среднего образования: Сб. науч. трудов / Под ред. В.В. Краевского*. М., 1980. С. 3–13.

5. *Галуза І.В.* Экспериментальная прафіляваная праграма па фізіцы для сельскіх ПТВ // Народная асвета, 1998, № 12. С. 114–124; 1999, № 1. С. 131–139; 1999, № 2. С. 127–139.
6. *Галуза І.* Якім быць прыродазнаўчанавуковым прадметам у прафтэхвучылішчы? // Настаўніцкая газета, 1998. 15 студзеня.
7. *Гусакоўскі М.А., Бабкоў І.М., Качаргін В.Я. і Інш.* Канцэпцыя нацыянальнай школы Беларусі (праект) // Адукацыя і выхаванне, 1995. № 10. С.89–126.
8. *Закон Рэспублікі Беларусь «Аб прафесійнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь»* (праект) // Настаўніцкая газета, 1995, 22 красавіка.
9. *Канцэпцыя рэформы агульнаадукацыйнай сярэдняй школы.* Мн., 1997. –13 с.
10. *Молчан Л.Л., Кижнецов Н.Н., Аронов М.Ф.* Цели образования или Что такое парадигма // Майстэрства, 1996, №2. С.12–15.
11. *Черняк Л.С.* Аттестация педагогов. Сущность и проблемы. Механизмы и технологии проведения // Кіраванне ў адукацыі, 1998, № 1 (10). С.22–58.
12. *Галузо И.В.* Проблема конкретизации политехнического и прикладного компонентов в содержании курса физики // Проблемы методической подготовки будущих учителей физики и астрономии к работе в условиях реформы школы: Сб. материалов Республиканской научно-методической конференции (24–25 октября 2001 г.). Брест, 2001. С. 13–15.

S U M M A R Y

On the basis of the standard structure of the education three levels of the natural scientific formation and two levels to realize them in professional training, which is combined with the general educational preparation of pupils in vocational schools, are grounded, defined and characterized in the article.

Поступила в редакцию 21.02.2002

УДК 371.3:881

Л.И. Шевцова

Классы гуманитарного профиля: содержание и задачи литературного образования

Понимание любого образования как образования гуманитарного принято считать широкой трактовкой данного понятия. В узком же смысле слова *гуманитарное образование* – это педагогический процесс усвоения учащимся тех форм общественного сознания, объектом изображения и изучения которых является человек. Следовательно, содержанием гуманитарного образования являются знания о человеке. Гуманитарные науки в области методологии до определенного времени находились во власти образца наук о природе. Так, шотландский философ Джон Стюарт Милль в работе «Логика» стремился показать, что в основе гуманитарных наук и естествознания должен лежать один и тот же индуктивный метод. Однако благодаря работам таких мыслителей, как Гельмгольц, Дройзен, Дильтей, Шлейермахер, Гардер, Хайдеггер и других, гуманитарные науки пришли к своему подлинному самопознанию и смогли увидеть свои главные специфические отличия от естество-

знания. Для нашего исследования особенно важным являются два отличия: методологическое и онтологическое.

Мартин Хайдеггер выделяет два типа мышления, которые соответствуют двум методологиям познания. Первый тип – вычисляющее или калькулирующее мышление. «Его специфичность», – отмечает Хайдеггер, – состоит в том, что когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы берем их в расчет, исходя из определенной цели. Мы заранее рассчитываем на определенные результаты. Это расчетывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькуляторами или компьютером. [1]. Вторым же типом мышления является осмысляющее мышление, отвечающее не только на вопрос «как?», но и «зачем?». Очевидно, что оба типа мышления присутствуют как в естественно-научной, так и в гуманитарной сферах познания, однако важнейшей особенностью гуманитарного знания является то, что главная роль в нем принадлежит осмысляющему мышлению.

Второй важнейшей чертой гуманитарного знания является специфика координационно-бытийного расположения субъекта познания (и обучения также) относительно самого знания. В гуманитарных науках субъект познания находится как бы в центре самого познания. Для него сущность познания заключается в эмпатии, во вживании в объект. Сказанное еще в большей степени важно для процесса гуманитарного образования. Как отмечает Х.Г. Гадамер, «в процессе образования то, на чем и благодаря чему некто получает образование, должно быть усвоено целиком и полностью. В этом отношении в образование входит все, к чему оно прикасается, но все это входит не как средство, утрачивающее свои функции. Напротив, в получаемом образовании ничто не исчезает, но все сохраняется» [2]. Следовательно, в гуманитарном образовании должен существовать механизм, позволяющий субъекту образования усваивать «целиком и полностью» образовательный материал. И такой механизм существует – это социокультурная традиция.

Конечно, социокультурные механизмы оказывают влияние на любой вид познания (а, следовательно, и образования). «Научное понимание, – отмечает С.П. Воронцов, – человеку не дано от природы, он должен быть ему обучен. Поэтому он должен пройти через систему воспитания, через культурные механизмы, могущие подчинить его усилию научного понимания чего-либо. Тогда и появляется мысль как результат этих усилий, коим он научен (как *deux ex machine*). Говорят, научные идеи носятся в воздухе; это означает, что сформированные культурно-воспитательные механизмы таковы, что в принципе любое «образованное ими орудие» способно произвести данную мысль» [3]. Но если в естественно-научном образовании культурные механизмы являются лишь внешним фактором, то в гуманитарном они служат внутренней питательной средой, ибо усвоить гуманитарные знания можно лишь изнутри, находясь в рамках самой гуманитарной традиции. Поэтому только гуманитарное образование является образованием, направленным на преобразование человека природного в человека социокультурного, на формирование личности. Вот почему мы можем считать гуманитарное образование процессом саморазвития личности, изначально укрепленной в социокультурной традиции.

Приобщение учащихся к достижениям мировой культуры, социокультурный синтез всех воспринимаемых знаний составляют важнейшую часть содержания процесса любого образования и воспитания, но только при выше обозначенном подходе может быть решена сверхзадача данного процесса – «целостное гармоническое развитие личности учащегося, т.е. формирование

человека высоконравственного, образованного, духовно богатого, физически развитого, способного к самообразованию и творчеству» [4]. Однако именно в рамках гуманитарного образования данная проблема может быть решена наиболее эффективно.

Преподавание литературы в классах гуманитарного профиля является важнейшим составляющим звеном всей системы гуманитарного образования. Вот почему, прежде чем выявить функции литературного образования в этих классах, необходимо предварительно остановиться на задачах гуманитарного образования в целом. По мнению А.В. Перевозного, главная цель этого образования состоит в «приобщении учащихся к ценностям духовной культуры, формировании гуманистического мировоззрения, развитии способности к художественному познанию и творческой деятельности» [5]. Мы в целом согласны с данной концепцией, но, на наш взгляд, необходимо указать на еще одну важнейшую задачу гуманитарного образования: задачу формирования осмысляющего типа мышления и телеологического понимания действительности. На последнем необходимо остановиться более подробно.

Телеологическое понимание исходит из идеи наличия некой внешней цели, оправдывающей наши действия, в том числе и действия, связанные с самим образованием. Как уже отмечалось, последнее не является целью самого себя, целью его является гуманизация человека, возрастание к общему. Вот почему задачей гуманитарного образования является обучение учащихся телеологическому пониманию в противовес каузальному объяснению. Понимание отличается от объяснения эмпативным воссозданием в мышлении обучаемого субъекта духовной атмосферы, мыслей, чувств и мотивов деятельности изучаемого субъекта и т.д.

Об особой важности понимания для гуманитарного познания говорит и М.С. Каган. Основываясь на идеях М.М. Бахтина, он утверждает, что главное отличие гуманитарного знания от естественнонаучного кроется в цепи: «познание субъекта – общение – понимание» [6]. Но любое понимание не есть результат одностороннего приема информации. Оно возможно лишь в процессе диалогического общения. Сущность и своеобразие гуманитарного познания как диалогического феномена достаточно подробно раскрыты в работах М.М. Бахтина. «Точные науки, – считал он, – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [7].

Хорошо известно, что любое произведение искусства обладает своим собственным бытийным статусом, то есть, «родившись», оно начинает жить по своим законам, отличным от законов его автора. Вот почему диалог в гуманитарном образовании для учащегося всегда бинарен: это и диалог с автором и с его произведением. Именно обучение бинарному диалогу также является важнейшей целью гуманитарного образования.

Суммируя все сказанное, мы можем прийти к выводу, что *целью гуманитарного образования* является формирование у учащихся высокого уровня гуманитарной культуры. Являясь видовым понятием по отношению к понятию «культура», данное понятие (в отличие от его родового понятия) достаточно слабо изучено. П.С. Гуревич отмечает, что «феномен гуманитарной культуры» исследован мало. Даже само это понятие встречается крайне редко [8]. По его мнению, «гуманитарная культура – это всеобъемлющее, сквозное явление, оно присутствует в разных сферах общественной жизни. Гуманитар-

ное знание непосредственно включает в себя философию, обществознание, мифологию, религию, педагогику, филологию, «человеческие» общественные отношения, гуманитарное образование, воспитание и просвещение».

Как мы видим, в данном определении феномен культуры рассматривается в первую очередь в онтологическом и гносеологическом аспектах, взятых в их социальном измерении. Такой подход, на наш взгляд, потенциально включает в себя и деятельностно-аксиологический взгляд на гуманитарную культуру как на процесс творческой деятельности, как органическую целостность материальных и духовных компонентов бытия и как явление, включающее в себя отношение человека к внешнему миру, социуму и самому себе. Идея понимания культуры как процесса творческой деятельности, на наш взгляд, является продуктивной в педагогической науке. Дело в том, что если гуманитарная культура личности слагается не только из совокупности ее знаний в области гуманитарных наук и искусства, но и выступает в качестве социально значимой творческой деятельности, то тогда гуманитарное образование не будет являться простым приобщением учащегося к знаниям как к чему-то внешнему, оно станет феноменом внутренне присущей самому субъекту деятельности по присвоению знаний, той деятельности, в результате которой «окультуриванию» будет подвержен сам ученик, то есть личность его получит развитие как бы изнутри самого себя, но в среде усваиваемой им гуманитарной культуры.

Практика показывает, что обычная общеобразовательная школа оказывается зачастую не в состоянии решать выделенные нами задачи, стоящие перед гуманитарным образованием. Новые цели современного образования, его открытость и поливариативность, ориентация на формирование углубленных гуманитарных знаний, раскрытие творческих способностей учащихся привели к отказу от концепции единообразной школы, господствующей на протяжении последних десятилетий. Возникли школы дифференцированной, в том числе и гуманитарной, направленности. Однако социопедагогические и психологические исследования последних лет, посвященные инновационным процессам, проходящим в школах и в первую очередь процессам дифференциации школьного образования, введению новых его форм (гимназии, лицеи, профильные классы, классы с углубленным изучением предметов, классы выравнивания, классы компенсирующего обучения и т.д.), свидетельствуют о том, что эти процессы протекают крайне болезненно. «Большинство нововведений, – отмечает А. Овсянникова, – носит организационный, а не сущностный, принципиальный характер. Изменение структуры и содержания учебных программ по отдельным предметам, введение новых дисциплин и курсов ведет к перегрузке учащихся информацией, физическим перегрузкам и психологической напряженности без принципиальной переориентации на методологический теоретико-познавательный подход к деятельности и учителя, и ученика» [9].

Наряду с отмеченной проблемой необходимо отметить также и проблему ранней дифференциации школьников. Механическая дифференциация в среднем звене (школьников V-VII кл.) сталкивается с психологическими особенностями изменения системы интересов при переходе от подросткового к старшему школьному возрасту, то есть с динамичностью развития познавательных интересов школьников, их неустойчивостью. Как показывает педагогическая практика, уровневая дифференциация приводит к наиболее качественным результатам в формировании гуманитарной культуры учащихся тогда, когда происходит не просто создание отдельных учебных программ по углубленному изучению того или иного предмета гуманитарного профиля, а создаются целостные программы и образовательные стратегии гуманитарной

направленности. Мы считаем, что в настоящее время наиболее перспективным и уже дающим положительные результаты является развитие сети профильных классов в общеобразовательных школах, лицеях и гимназиях. Дифференциация образования в старших классах (VIII-IX; X-XI) заключается в том, что в этих классах большое внимание уделяется изучению профилирующих предметов. Так, например, в классах гуманитарного профиля углубленно изучаются языки, художественная литература, история, искусство, этика, психология и т.д.

Важными факторами, способствующими эффективности работы профильных классов являются: а) понимание учащимися цели обучения и восприятие их в качестве своих личных; б) осознание ценности общеобразовательных знаний и самого процесса их усвоения для формирования личности и реализации жизненных правил. Положительное влияние на результат работы профильных гуманитарных классов оказывает фактор предметно-профессиональной мотивации учащихся. Проведенные нами исследования мотивов учения учащихся лицея №1 г. Витебска показывают, что у большинства из них присутствует осознанная, внутренняя, устойчивая, положительная мотивация учения, а в процессе обучения происходят качественные сдвиги в содержании и динамике учения, направленные в итоге на формирование вышеназванных мотивов учения. Мотивы и самооценка результатов учебы учащимися гуманитарного класса представлены в таблицах 1 и 2 (общее количество опрошенных составило 115 человек).

Таблица 1

Мотивы поступления в гуманитарный класс

Почему вы захотели учиться в гуманитарном классе?	Количество ответов, %
Получение гуманитарного образования (более глубокие знания по специальным предметам)	21
Получение знаний для поступления в вузы на гуманитарные специальности	20
Любовь к литературе, языкам, истории	51
Интерес к новым формам обучения	4
Личностное самоутверждение	4

Таблица 2

Самооценка результатов обучения в гуманитарных классах

Результаты обучения (сформированные знания, умения, жизненные ориентиры, опыт творческой деятельности)	Количество ответов, %
Углубление знаний по предмету	54
Приобретение жизненных ориентаций	15
Умение логично выстраивать и свободно излагать мысли	12
Умение самостоятельно работать, мыслить, анализировать литературные произведения	9
Способность по-новому воспринимать художественную литературу	6
Возможность развивать свои творческие способности	4

Достижение поставленной для литературы как учебного предмета цели требует решения конкретных задач в области литературного образования. Важнейшей пропедевтической проблемой преподавания литературы в классах гуманитарного профиля является определение задач образования с учетом специфики самого процесса преподавания литературы в классах гуманитарного профиля и содержания литературного образования во всей совокупности его компонентов: знаний, умений, навыков, опыта литературно-творческой деятельности, системы норм отношения к миру, людям и самому себе.

Рассматривая содержание литературного образования в классах гуманитарного профиля, необходимо выделить его отдельные компоненты.

1. Компонент «знания».

В классах гуманитарного профиля за счет увеличения количества часов на изучение литературных произведений расширены списки изучаемых авторов и их произведений. Большее количество часов обеспечивает углубленное их прочтение, позволяет осуществить на уроках полноценный анализ произведений словесного творчества. Следовательно, изучение литературы в классах гуманитарного профиля происходит не только за счет количественного расширения круга чтения, но и на основе совершенствования самого качества чтения. Особенно важным нам представляется углубление в рамках ряда тем историко-литературного аспекта, что дает возможность учащимся осуществить диалог между различными историческими эпохами, а следовательно, и между различными культурами. Учащиеся не просто пытаются понять, осмыслить текст, увидеть картину мира «глазами» автора художественного произведения, но и вступить в диалог с культурно-исторической эпохой автора, интерпретировать текст в контексте определенного хронотопа. О таком диалогическом восприятии литературы как части исторического, культурного наследия писал М.Бахтин: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, которых она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [9]. Кроме того, увеличение часов дает возможность изучать литературу в ее интегративной взаимосвязи с живописью, музыкой, философской и религиозной мыслью эпохи. В конечном итоге возникают все условия для введения новых культурологических понятий, не предусмотренных программами по литературе для общеобразовательных классов. Все остальные понятия рассматриваются на совершенно ином качественном уровне, в синтезированном, сложном виде. Таким образом, мы имеем дело не просто с количественным увеличением знаний по литературе, а с принципиально иной качественной целостностью и с иным понятийным аппаратом.

2. Компонент «умения».

Данный компонент включает в себя умения, связанные с прочтением художественной литературы и с репродуктивным и продуктивным воспроизведением прочитанного в устной и письменной форме. Первые – это читательские умения, вторые – речевые. Первые состоят из умений, связанных с первоначальным восприятием литературного произведения (эмоциональный отклик, первые впечатления, умение уловить настроение, интонацию и т.д.); аналитических умений (анализ композиции, характеристика героев, анализ стиля, языка, пейзажа, художественных деталей и др.); интегративных умений обобщать и сопоставлять различные тексты, аксиологически-оценочных умений. Речевые умения – это выразительность, логичность, богатство языковых средств, правильность и точность устной и письменной речи учащихся применительно к репродуктивному и продуктивному воспроизводству литературных произведений.

Увеличение часов на темы, широкий историко-культурный контекст в гуманитарном классе служат базой и основным условием формирования устойчивых умений, способности функционального использования полученных знаний. Благодаря углубленному анализу, с опорой на текст, на соотнесение субъективного и объективного в восприятии, возможности рассматривать произведение как художественную целостность, на уровне его историко-культурного осмысления, у учащихся развиваются устойчивые аналитические и синтетические умения чтения. Особенно важным является способность воспринимать поэтическое произведение в его качественной целостности, в его идейно-эстетическом единстве.

Формирование речевых умений, безусловно, происходит не только в классах гуманитарного профиля. Однако лишь в последних существует реальная возможность доведения речевых умений до уровня риторических. Осуществляется это не только на уроках литературы, но и в процессе участия школьников в литературно-художественных композициях, дискуссиях, читательских конференциях.

3. Компонент «опыт литературно-творческой деятельности».

Одно из важнейших отличий классов гуманитарного профиля от общеобразовательных, как уже отмечалось, заключается в отношении ученика к самой гуманитарной культуре. В идеале в гуманитарных классах это отношение носит интерактивный характер, что стимулирует литературно-творческую деятельность. Этому также содействует творческая атмосфера уроков, их эмоциональная и интеллектуальная составляющие. Она создается при помощи различных методов и приемов, прежде всего, чисто литературных, а также привлечением других видов искусства. Развитию литературного творчества содействует целенаправленное и систематичное выполнение работ в различных жанрах (страничка из дневника, литературный портрет, эссе, поэтические посвящения, исповедь, подражания и т.д.).

4. Компонент «система норм отношения к миру, людям, к самому себе».

Условия, при которых формируются знания, умения, приобретает опыт творческой деятельности в классах гуманитарного профиля, позволяют учащимся в большей степени, чем в обычных классах, выражать эмоционально-личностное восприятие мира, людей. Следовательно, процесс формирования целостного мировоззрения, системы ценностных жизненных ориентаций может происходить интенсивнее и целенаправленнее. Учащиеся гуманитарных классов отмечают особую атмосферу в классных коллективах, в межличностных отношениях и на занятиях с преподавателями, атмосферу творчески-эмоционального подъема.

В данных условиях происходит духовно-эмоциональный рост школьников: систематизация знаний о различных видах искусства, синтез этих знаний на основе литературного слова, их осмысление на логико-аналитическом, философском и мировоззренческом уровнях способствуют этому.

Изучение внешнего мира средствами математики, физики и других естественнонаучных дисциплин не всегда ведет к формированию системы отношения к внешнему миру как к тайне вечного бытия. Через многообразие и многозначность образов, через «бездну пространства» поэтического слова формируется нравственное чувство учащихся, происходит их духовное становление, развитие самосознания.

Таким образом, исходя из целей гуманитарного познания и особенностей содержания литературного образования, задачи изучения литературы в классах гуманитарного профиля можно сформулировать следующим образом:

– развитие аналитических, обобщающих умений восприятия литературы и культурно-исторических явлений (на основе аналогий и ассоциаций); освоение литературных знаний в широком культурно-историческом, художественном контексте;

– расширение и углубление историко-литературных знаний и теоретико-литературных понятий;

– развитие умения функционально использовать знания, обогащая и перенося их в сферу знаний других гуманитарных предметов и областей человеческой деятельности;

– обогащение читательского опыта: расширение круга чтения на основе читательских предпочтений, совершенствование качества чтения;

– развитие устойчивых читательских и речевых умений, способности применять их в новой ситуации и в собственном литературном творчестве;

– развитие творческих начал личности, в том числе литературных способностей (литературно-критических, литературно-творческих, исполнительских).

На основе приобретенных знаний и умений необходимо сформировать у школьников устойчивую систему ценностных жизненных ориентаций, целостное видение мира и понимание своего места в этом мире. Особенности содержания литературного образования в классах гуманитарного профиля и обусловленные этими особенностями задачи литературного образования будут служить основой формирования высокого уровня литературного развития, становления основ гуманитарной культуры, целостной системы жизненных ориентаций учащихся гуманитарных классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 104.
2. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1983. С. 333.
3. Воронцов С.П. Способность умолчания // Человек, 1996, № 3. С. 66.
4. Троицкий С.Н. О гуманитарной концепции общего среднего образования // Литература в школе, 1991, № 3. С. 71.
5. Перевозный А.В. Гуманитарное образование в учебных заведениях нового типа // Педагогический процесс в учебных заведениях нового типа: содержание и технологии. Мн., 1994. С. 216.
6. Каган М.С. О методологическом своеобразии гуманитарного знания // Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 384.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 363.
8. Гуревич П.С. Культурология. Учебное пособие. М., 1996. С. 5.
9. Овсянникова А. Инновация в школе: характер и результаты // Народное образование, 1993, № 3. С. 27.

SUMMARY

The author of the article defines the essence and aims of humanitarian education, the peculiarity and tasks of literary education in the humanitarian forms.

Поступила в редакцию 11.02.2002

Развитие учебно-творческой деятельности младших школьников

Поступление в школу знаменует собой психологическую перестройку в деятельности ребенка: если раньше главенствующая роль принадлежала игре, то теперь она переходит к учению, изменяющему мотивы поведения, дающему толчок развитию познавательных интересов и нравственных представлений детей. Отныне в учебной деятельности сосредотачивается особая форма активности ребенка, направленная на формирование себя как субъекта учения и способствующая становлению отношения к окружающему миру, самому себе. Появление такой позиции выступает важным условием проявления творческой активности ученика, которая, по мнению И.С. Якиманской, «...выражается в отношении человека к предметным и социальным ценностям, характере их использования в теоретической и практической деятельности; в приумножении этих ценностей на основе овладения общественно-историческим опытом предшествующих поколений» [1].

В процессе обучения, активного усвоения способов предметно-практической деятельности формируется творческое начало в отношении субъекта к миру, но для того, чтобы этот процесс проходил наиболее успешно, необходимо создать такие условия, в которых само обучение будет построено как творческий процесс.

Анализ понятия «учебно-творческая деятельность» показал, что в настоящее время нет универсальных параметров его структурирования. Исследование позволяет выделить некоторую совокупность признаков, раскрывающих сущность данной дефиниции.

Во-первых, учебно-творческая деятельность ориентирована на творческое решение проблем [2], творческих задач и заданий [3].

Во-вторых, учебно-творческая деятельность педагогически управляема на основе косвенного и перспективного управления [3].

В-третьих, в процессе учебно-творческой деятельности самоуправление личности осуществляется на основе третьего типа ориентировки (эвристика, эвристические программы) и предписаний самого общего характера [4].

В-четвертых, успешность учебно-творческой деятельности часто зависит не столько от уровня формально – логических (осознаваемых) процедур, сколько от эвристических и интуитивных (не всегда осознаваемых) путей интеллектуальной деятельности [5].

Один из важнейших параметров учебно-творческой деятельности — появление в результате ее осуществления психологических новообразований. Так, Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн обращают внимание на открытие нового знания в процессе решения учебных задач [6, 7]. Учебно-творческая деятельность приводит к порождению новых смыслов и целей действий личности.

В исследованиях В.В. Давыдова, М.А. Гусаковского внимание акцентируется на том, что осуществление детьми учебно-творческой деятельности предполагает функционирование ряда мыслительных действий (анализ, рефлексия, планирование и др.), которые не только формируются в процессе

этой деятельности. Но и обеспечивают ребенку новое и более опосредованное отражение окружающей действительности [6, 8, 9].

Таким образом «учебно-творческая деятельность» как педагогическая категория определяется нами как специфический вид учебной деятельности, внутри которой в своеобразной форме сохраняются ситуации, обеспечивающие усвоение младшими школьниками социокультурного опыта человечества, овладение ими предметно-преобразовательными действиями в процессе решения учебно-творческих задач, возможность осознания себя творцом продукта, возникающего при разворачивании таких действий [10].

Учебно-творческая деятельность и формирующиеся в ней основные психические новообразования становятся ведущими факторами для личности ребенка, определяя пути и специфику его развития. Необходимым условием является усвоение знаний, умений, навыков и привычек, определяющих подготовленность и опыт личности. Последний – это индивидуальная культура, приобретенная в процессе обучения, через которую индивидуальное развитие личности аккумулирует исторический опыт человечества.

Создание в начальной школе надлежащих условий для развернутой учебно-творческой деятельности способствует формированию творческого опыта. Последний эксплицируется нами как «...психическое образование, формируемое в учебно-творческой деятельности и определяющееся владением ребенком совокупностью приемов творческой деятельности, т. е., в конечном итоге, способностью самостоятельно выполнять предметно-преобразовательные действия; наличием в эмоциональном фонде ученика переживаний радости, вызванных восприятием себя творчески продуктивной личностью, сформированностью отношения к учению как к творческой деятельности» [10].

Основой успешного освоения содержания обучения является организация творческой деятельности младших школьников.

Прежде всего следует учитывать то, что уже в дошкольном возрасте складываются благоприятные условия для развития у детей наглядно-образных форм познания действительности. Однако наша школа мало ориентирована на развитие образа мира младших школьников, их воображения.

Сошлемся на опыт З.Н. Новлянской, которая в своей книге «Почему дети фантазируют?» отметила, что к 7-8 годам функция саморегуляции в воображении начинает преобладать над познавательной. Одна из причин этого – «кризис игры». Сказывается и то, что учение, по сравнению с игрой, чрезвычайно в малой степени загружает воображение ребенка. Кроме того, в процессе обучения почти не используется ранее накопленный опыт способностей легко замещать одни предметы другими, легко менять роль и подчиняться его требованиям, по детали (фрагменту) представлять целое. Современное обучение не учитывает и связи воображения с эмоциями.

В итоге незагруженная фантазия ищет себе работу и мешает маленькому школьнику учиться [11].

Результаты нашего исследования показали, что если обучение в начальной школе не учитывает потребности учащихся в новых впечатлениях, в самовыражении через результат и процесс творчества, то их заинтересованность в творческих видах деятельности начинает исчезать. Поэтому в основу занятий с учащимися должно быть положено органичное единство учения и самостоятельности младших школьников. Это требование в значительной мере определяет специфику организации уроков чтения и внеурочных занятий. В основе их проведения лежит креативная ситуация как один из компонентов учебно-воспитательного процесса, его образовательная единица. Целью креативной ситуации становится обеспечение условий для овладения млад-

шими школьниками приемами создания художественного образа, рождения личного творческого результата.

Проведение уроков с основной установкой на формирование опыта творческой деятельности младших школьников, развитие образного восприятия ими действительности позволяет вычленить следующие этапы креативной ситуации.

1. Создание начальных условий.

Главная задача этого этапа педагогической работы – создание условий для наиболее полного воссоздания изучаемого образа. От учителя на первом этапе требуется такой подбор заданий и вовлечение младших школьников в такие виды деятельности, которые обеспечивали бы возможность им личного уникального решения учебно-творческой задачи.

При работе над произведением, у учащихся возникает потребность в личном участии в процессе создания некоего художественного образа, поскольку у них появляется материал, требующий определенного выражения. Поэтому на втором этапе креативной ситуации школьников предоставляется возможность личного решения творческого задания.

2. Личное решение креативной задачи каждым учеником.

Целевая установка этой части урока – как можно полнее включить освоенные в учении способы творческой деятельности учащихся в их интересы и отношения, т.е. сделать эти способы средством самостоятельного эстетического освоения действительности. Каждая задача, предложенная учениками, предусматривает возможность различных по содержанию решений (придумать и рассказать свою читательскую версию, нарисовать рисунок, сделать поделку по заданной теме, сочинить маленькое произведение и т.д.).

Каждый продукт творческой деятельности младшего школьника востребуется. Поэтому каждый ученик демонстрирует свой результат. Это обуславливает демонстрацию и сопоставление детских работ.

3. Демонстрация личного творческого продукта и сопоставление различных детских результатов.

В ходе этой части урока младшие школьники вовлекаются в оценочную деятельность. То, что получилось у них (рисунок, поделка, действие, идея) они предъявляют учителю, товарищу, всему классу, комментируют свои результаты. При сравнении своего результата с достижениями других, каждый может переделать свою поделку, изменить мнение, развить идею.

В зависимости от периода обучения и конкретных целей урока обсуждение работ может проходить в форме коллективного распределения позиций (слушателя и исполнителя, создателя художественного произведения и слушателя, художника и зрителя), свободной дискуссии, фронтальной работы.

Использования культурно-исторических аналогов для сравнения с детскими результатами.

На этом этапе урока учитель наряду с детскими работами демонстрирует произведения искусств выдающихся мастеров живописи, скульптуры, литературы. Обращаясь к ученикам, педагог показывает, как осваиваемые на уроке способы и методы могут быть использованы в наиболее яркой форме для создания художественных образов.

Это помогает младшим школьникам не только соизмерять свои достижения с наиболее совершенными и присваивать в личной деятельности общечеловеческий опыт, но и конкретизировать, уточнять критерии обсуждаемых работ.

4. Рефлексия деятельности.

Креативная ситуация завершается осознанием способов и результатов личной творческой деятельности. Учитель, подводя итог урока, спрашивает: «Что вам сегодня удалось. Что каждый из вас сделал интересного, необычного. Что больше понравилось в работе товарищей. Как добились таких результатов».

Наиболее благоприятные условия для разворачивания креативной ситуации возникают в коллективно-распределительной деятельности, направленной на решение учащимися творческих заданий различного характера. Вовлечение их в ситуацию учебного диалога позволяет каждому из его участников по новому взглянуть на творческую задачу, осмыслить положительные и отрицательные стороны своего подхода к ее решению, соотнести собственную оценку с оценками других. Кроме того коллективно-распределительный характер деятельности существенно обогащает сферу общения ученика, предполагает его активные действия в утверждении своего творческого «Я».

Задача учителя – подготовить школьников к участию в таком диалоге, вызвать у них желание творчески подходить к решению учебных заданий, обогатить деятельность учеников новым предметно-творческим содержанием, Обучить детей социальным предметно-преобразовательным действиям.

Развивать у младших школьников собственный читательский опыт, который опирается на коммуникативные отношения с автором произведения и позволяет ребенку задать свой вопрос писателю, по-своему прочитать текст, придать ему свой личностный смысл, что в конечном итоге и создает предпосылки для включения ученика в речевую творческую практику, направленную на развитие способности образно выражать свое мироощущение – один из путей решения этой задачи.

Фактически, методическая позиция учителя при таком подходе к обучению сливается с педагогической, растворяется в последней, а технология обучения каждый раз предстает в новом виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якиманская И.С.* Педагогическая психология и творчество // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. М., 1988. С. 12.
2. *Махмутов М.И.* Теория и практика проблемного обучения. Казань, 1972. – 524 с.
3. *Андреев В.И.* Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. (Основы педагогики творчества). Казань, 1988. – 237 с.
4. *Калошина И.П.* Структура и механизмы деятельности: Нормативный подход. М., 1983. – 168 с.
5. *Пономарев Я.А.* Психология творчества и педагогика. М., 1976. – 312 с.
6. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. / АПН СССР. М., 1982. Т. 2. Воображение и его развитие в детском возрасте. С. 436–454.

7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. / АПН СССР. М. 1989. Т. 1. – 488 с.
8. *Возрастные возможности усвоения знаний* (младшие классы школы) / Под ред. *Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова*. М., 1971 – 206 с.
9. *Гусакоўскі М.А.* Філасофія развіццёвага навучання / Артыкул III // Пачатковая школа, 1993, № 3-4. С. 3-5.
10. *Амасович Н.В.* Дидактические основы формирования опыта творческой деятельности у младших школьников (на уроках чтения): Автореферат диссерт. канд. пед. наук 13.00.01, Бел.гос.пед. ун-т. Мн., 1996. – 18 с.
11. *Новлянская З.Н.* Почему дети фантазируют? М., 1978, – 48 с., ил.

S U M M A R Y

The article is about a specifics of children's artistic activity on the basis of creative situation as a necessary condition for mastering junior school children the methods of creation of art image, birth of individual creative result.

Поступила в редакцию 21.05.2002

Е.А. Харитонова, А.Н. Лобырь

Анализ речевого онтогенеза в аспекте проблемы формирования высказывания (младенческий и ранний возраст)

Наука давно обратилась к проблеме речевого онтогенеза. К настоящему времени накоплен обширный материал о детской речи. Однако, научный интерес к речевому онтогенезу не угасает. Это одна из активно разрабатываемых областей психологии, педагогики, лингвистики. Привлечение внимания *исследователей-психологов* к вопросам детской речи связано, в первую очередь, со стремлением понять природу речевой функции человека. Другую причину можно видеть в практическом значении данных о речевом онтогенезе. Речь – основной показатель благополучия психического развития ребенка. Включение фактов детской речи в *лингвистические исследования* обусловлено общей тенденцией современного языкознания изучать не только язык (и его реализацию – речь), но и языковую личность.

Многие причины задержки развития речи, речевых нарушений у детей дошкольного и школьного возраста кроются в условиях развития речи на раннем этапе. Давно доказано, что именно первые годы жизни ребенка темпы речевого развития значительно выше, чем в последующие. Недостатки развития ребенка, запущенные в это время невосполнимы в полной мере в последующей жизни.

Пристальное внимание ученых вызывает ранний период речевого онтогенеза, скрывающий загадку перехода от молчания к слову. Этот интерес стимулируется возросшими техническими возможностями: усовершенствованными акустической записью и анализом детских вокализаций, использованием компьютерной техники для обработки больших массивов данных. Важное значение имеет необходимость найти истоки речевой способности ребенка.

Проанализируем *речевой онтогенез в аспекте проблемы формирования высказывания*. Модели порождения речевого высказывания, разработанные в отечественной психолингвистике, базируются на положениях Л.С. Выготского об опосредствованном знаками характере человеческой деятельности, о порождении речи, берущей начало от мотива и идущей к внутреннему слову, к значениям внешних слов и, наконец, к внешним словам [1]. Известны различные модели порождения речи [2-4], включающие общие для них этапы:

- 1) формирования замысла высказывания, связанного с доминирующей мотивацией, планирования высказывания;
- 2) реализации программы высказывания;
- 3) сопоставления реализованного высказывания с исходным.

Проблемы формирования программы высказывания у детей рассматриваются в работах, выполненных под руководством А.М. Шахнаровича [5-6]. Речевую деятельность ребенка, который не владеет достаточным набором языковых средств и речевых действий, А.М. Шахнарович считает допрограммированной, например, на этапе однословных высказываний. В этот период ребенок осуществляет пре-

дицирование (соотнесение высказываемого в предложении с объективной действительностью). Предикцирование зависит от понимания ребенком деятельностного смысла ситуации. Отношение однословного предложения к действительности основано на образной связи ситуации и высказывания. Автор выдвигает этапы развития предикативности в высказываниях ребенка:

1) нерасчленение слова-предложения и ситуации при использовании указательных и других жестов;

2) этап смыслового синтаксирования (по Л.С. Выготскому) – соединение в предложении отдельных элементов ситуации без выражения связи между ними («папа тпру») – начало формирования программы высказывания;

3) соединение отдельных названий элементов ситуации с помощью интонации («баба гулять») – более четко выраженная программа высказывания;

4) развернутое грамматически структурированное высказывание – достаточно сложная программа высказывания [6].

В работе [5] экспериментально исследовался семантический компонент программы речевого высказывания. Автор приходит к выводу, что основная функция семантического компонента программы состоит в членении ситуации речевого общения на элементы, значимые для выражения. Внутри семантического компонента были выделены уровни: 1) замысла, на котором осуществляется переход от задач неречевой деятельности к речевой; 2) смыслообразования – членение ситуации говорения на семантические опорные пункты, т.е. отделение того, что войдет в высказывание, от того, что останется в виде пресуппозитивной семантики; 3) означивание – приписывание смыслам программы лексических значений. Таким образом, Н.А. Краевская и А.Н. Шахнарович усматривают в первых словах и предложениях ребенка проявление смысла «замысел» и следующего этапа «членения на семантические опорные пункты».

Работа Т.В. Ахутиной и Т.Н. Наумовой [7] также посвящена проблеме словесного синтаксиса – смысловому и семантическому синтаксису детской речи. Авторы опираются на положение Л.С. Выготского о внутренней речи, которая характеризуется редуцированностью фонетики, особым смысловым семантическим строением, чисто предикативным синтаксисом. Ведущим компонентом в семантическом строе внутренней речи является смысл (значение, зависящее от контекста). Предикаты–смыслы взаимодействуют друг с другом, так что предшествующие смыслы содержатся в последующих и их изменяют. Авторы полагают, что смысловой синтаксис на ранних этапах развития речи ребенка организует и глубинную (семантическую), и поверхностную (фазическую) структуры высказывания, которые в этом периоде не расчленены.

Психологическая реальность смыслового синтаксирования была подтверждена в исследованиях Т.В. Ахутиной [2], А.А. Леонтьева [8], А.Р. Лурии [4], Л.С.Цветковой [9]. Операция смыслового синтаксирования у детей заключается в том, что ребенок выделяет самый значимый для него компонент целостной ситуации – предикат (рему высказывания), выражая его словом, а психологическое подлежащее (тема) остается подразумеваемым, ясным из ситуации.

Т.В. Ахутина и Т.Н. Наумова [7] доказывают, что этап смыслового синтаксиса предшествует этапу семантического синтаксиса. Каждый из синтаксисов (смысловой, семантический, формально-грамматический) создает основу для последующего, а затем вступает с ним в противоречие и, наконец, «снимается», оставаясь в структуре высказывания в трансформированном виде. Очень важным является доказанный этими исследователями вывод о том, что этапы языковой способности ребенка соотносятся с уровнями порождения речевого высказывания у взрослого.

В младенчестве и дошкольном возрасте, как правило, выделяют три основных этапа: доречевой этап (первый год жизни), этап первичного освоения языка – дограмматический (второй год жизни), этап усвоения грамматики (третий год жизни).

Появляющиеся на первом году жизни речевые реакции свидетельствуют о начале формирования языковой способности. Эмоциональное поведение взрослых мотивирует возникновение у ребенка потребности в эмоциональном «заражении» и выражении эмоциональных состояний взрослого как своих собственных. Из синкретичного комплекса оживления выделяется одна из ответственных реакций коммуникации – *подражательное гуление с характерной вокализацией* (воспроизведение восходящих и нисходящих звукокомплексов). Но эти звуки лишены важнейших параметров, присущих звукам родного языка: коррелированности, локализованности, константности и релевантности [10].

Ребенок растет, и мотивационно-потребностная сфера его деятельности усложняется. Он требует от взрослых проявления эмоциональной заинтересованности в нем и его поведенческих реакциях, совместной деятельности для реализации своих желаний, оценки своих «способностей». Именно в процессе ситуативно-личностного и ситуативно-делового общения ребенок начинает «лепетать»: членить производимые звукокомплексы на слоговые структуры [11]. *«Ранний лепет»* – синкретичный комплекс лепетной цепочки – свидетельствует о формировании у ребенка механизма словообразования и появлении синтагматической организации звукопотока [10].

Постепенно лепет ребенка приобретает новые качества: укорачивается длина лепетной цепочки с максимальных шести сегментов до двух с половиной; из ее ряда выделяются отдельные сегменты по длительности, высоте, громкости. Такая подражательно-воспроизводящая структура, объединенная акцентуацией и мелодикой, характеризуется термином *«псевдослово»*. Его появление мотивировано потребностью в обозначении ситуации и объектов реальной действительности. Но псевдослово еще не обладает функцией предметного обозначения или языкового опосредования объективного мира. Оно имеет лишь формальные признаки единицы речи. Этот факт свидетельствует о начале внешнего плана языка. Предметная соотнесенность (план содержания) отсутствует. Модальность псевдослова – эмоциональная номинация: выражение потребностного и (или) оценочного отношения к реальному миру.

Темпо-ритмическая и мелодико-интонационная организация звукопотока (внешний план единиц речи) продолжает развиваться и на основе позднего мелодического лепета – *псевдосинтагм* [10]. В этот период лепету ребенка присущи модифицированные монологи (*jargon babbling*).

Появление лепета обусловлено развитием сложной речевой способности и является решающей и естественной предпосылкой для развития осмысленной речи.

Итак, *первый год жизни ребенка является подготовительным периодом формирования умений и навыков моделирования высказывания*. Развитие мотивационно-потребностной сферы (компонент «мотивация») ребенка стимулирует совершенствование его операционно-технических возможностей в процессе коммуникации: первой начинает усваиваться просодическая организация речевых единиц. Звуковое сопровождение способствует более эффективной реализации желаемого ребенком.

На рубеже первого и второго года жизни взаимосвязи и взаимоотношения ребенка с окружающим миром значительно усложняются, и «эмоциональная номинация» уже его не удовлетворяет. Ребенку нужно новое, более рациональное, «психологическое орудие» общения. И оно, выделяясь из симпрактического контекста (практической деятельности ребенка) и имея пока его содержание, появляется – это *первое настоящее слово*. Звуковая оболочка детского речения принимает содержательную сторону: происходит овладение знаковым обозначением. Сформировался языковой знак как строевая психолингвистическая единица.

Для определения первых языковых знаков ребенка используется опреде-

ленное множество понятий: «слово», «аморфное слово», «предложение из аморфного слова-корня», «слово-текст», «однословное высказывание». На наш взгляд, более точным определением является понятие «высказывание». С появившимся языковым знаком – «глобальной речевой структурой» – ребенок приобретает возможность рационального обозначения отражаемой ситуации действительности, пока еще комплексного, нерасчлененного, с преобладанием чувственного компонента, но уже связанного с генерализацией, обобщением. Дитя впервые выразило общее глобальное логическое свойство высказывания – акт предикации, отнесенность к действительности. Однословное высказывание является «... фиксацией образной связи высказывания с действительностью» [12]. И уже на этом этапе формируется достаточно глубокое варьирование элементов ситуации – «... протоактуальное членение с упором на «рему» [13]. С помощью простейшего интонационного оформления детские речения дифференцируются на *императивные высказывания*: «на», «дай»; *вокативные высказывания*, где «мама», «папа», «маба» может передать целую гамму чувств и желаний в соответствии с ситуацией; *повествовательные высказывания*: «ляля» (односоставные номинативные бытийные); *вопросительные*: «нца-ка?»; *побудительные*: «бай!». Согласно Л.В.Сахарному [13], названная дифференциация может характеризоваться как базисная система типов высказываний.

Общепризнано, что дети избирают разные стратегии овладения языком, но в качестве наиболее показательных закономерностей оформления языковых знаков в этот период – период однословного высказывания – А.А. Леонтьев [8] анализирует особенности становления синтагматической и парадигматической фонетики.

Первоначально синтагматический аспект обеспечивает развитие произвольности фонетической стороны речи на уровне слова, а не звука, со стремлением воспроизведения общего звукового облика слова, часто в ущерб отдельным звукам (В сущности, эти два аспекта языковой системы формируются практически параллельно, но с некоторым опережением синтагматики). Затем совершенствование парадигматики детерминирует приобретение звуками характеристик «релевантности», «локализованности», «константности». Стабилизация парадигматической фонетики обеспечивает более быстрое усвоение языковых знаков.

Появившаяся у ребенка на втором году комбинация из двух слов характеризуется либо как два последовательных однословных высказывания, либо как собственно двусловное высказывание – двучленная конструкция. Аргументация в пользу последнего может быть следующей: несмотря на достаточную автономность компонентов таких высказываний, в их соположении и интонационном контуре довольно четко проявляются отраженные, но грамматически не выраженные, логические (семантические) отношения.

Таким образом, *двусловные высказывания* (протопредложения) имеют семантическую структуру отраженной ситуации. Известный феномен «Pivot – грамматики» (выделение классов «pivot – class words» – опорных слов, создающих конструкцию, и «open-class words» – переменных слов, и определение семантических отношений между ними) наблюдался исследователями на материале самых разных в типологическом отношении языков. Эти семантические универсалии образуют «нулевой цикл» [8] овладения языком.

Итак, второй год жизни характеризуется появлением нового «психологического орудия» общения – языкового знака, строевой психопингвистической единицы. Высказывания детей на этом этапе онтогенеза являются семантически универсалиями, выражающими отображенные отношения объективного мира. Причем, ориентировка ребенка в языковой действительности протекает на основе предметных действий и связанных с ними представлений.

Дальнейшее овладение знаковым обозначением более целесообразно рассматривать на синтаксическом уровне – уровне «семантического и фазического синтаксирования» (Л.С. Выготский), потому что данный уровень «... не отделим от процессов структурирования действительности, понятийного обобщения...» [12].

На рубеже второго и третьего года жизни ребенок от оперирования общими глобальными структурами переходит к более дифференцированным: появляются многочисленные собственно высказывания. Этот факт обуславливает переход ребенка на новый уровень овладения языком – уровень овладения грамматикой.

Некоторое время для ребенка сильным и постоянным физиологическим раздражителем является основа слова или слово как лексема, что обусловлено конкретикой обозначения и еще весьма тесной связью с предметным действием. Оформленность языковых знаков нефункциональна и случайна: ребенок использует их в том морфологически нечленимом виде, в котором они были извлечены из речи взрослых. Естественно, что в высказывании соединяются «извлеченные» лексемы – это, по мнению А.А. Леонтьева, время «лексемного синтаксиса (период синтагматической грамматики)». Наличие специальных средств связности еще не является обязательным для коммуникации, и минимально расчлененная структура цельности отображаемой ситуации передается (кодируется) набором ключевых лексем.

Увеличение количества компонентов высказывания приводит к усложнению его структуры. В созданных ребенком и не имеющих аналогов во «взрослой» речи линейных конструкциях появляются противопоставляющие синтаксические маркеры – «детский синтаксис со своими служебными элементами» [13]. «Конструктивная синтагматическая грамматика» обеспечивает в первую очередь синтаксическую маркировку форм прямого и косвенного падежей.

С развитием «парадигматической грамматики» (с двух лет) ребенок становится способен субъективно вычленять отдельные морфемы (морфы) «причем в плане содержания грамматических категорий!» [8, с. 180]. Он проходит путь овладения морфемикой от полного отсутствия ориентировки на звуковую форму морфемы («нефонологическая морфемика») через ориентацию на общую звуковую характеристику морфемы без учета ее фонематического состава («фонематическая морфемика») до четкого определения границ вариативности слова («морфофонологическая морфемика»).

Ребенок овладевает всей сложной системой грамматики, включая самые тонкие, действующие в русском языке, закономерности синтаксического и морфологического порядка, а также твердое и безошибочное использование множества единичных явлений – русский язык становится для него действительно родным, и ребенок получает в нем орудие общения и мышления.

Дифференцируя отношения объективного мира, ребенок пытается выразить эти новые значения с помощью известных ему языковых форм, постепенно преобразуя их с помощью уже усвоенных языковых механизмов и операций конструирования (естественно, на неосознанном уровне – Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, К.И. Чуковский). В результате исходная языковая форма получает определенное множество вариантов: образуется парадигма компонентов – граммем данной грамматической категории. Грамматические средства выстраиваются в иерархическую конструкцию с разнополюсными связями – «наращивания» по вертикали и противопоставления по горизонтали. Способность установления сходства и различия детерминирует «вхождение» новых образований в уже сложившуюся систему языковых знаков. Ребенок в это время – «гениальный лингвист» (К.И. Чуковский), производящий генерализацию грамматических форм.

Процесс овладения языковыми единицами, по мнению О.Е. Грибовой [14], можно представить в виде логической цепочки (схемы):

осознание объективных отношений → появление коммуникативных интенций → выражение новых отношений старыми средствами → выявление способов выражения новых значений → гипергенерализация новой формы → ветвление новой формы → дифференциация вариантов выражения значения → противопоставление вновь усвоенных единиц, имеющимся в пользовании.

Огромное значение в этом процессе играют деятельность экспериментирования (Н.Н. Поддъяков) и «чувство языка» (А.Н. Гвоздев, Л.И. Божович, Р.Е. Левина, А.А. Леонтьев, К.Д. Ушинский, К.И. Чуковский). «Дети не только механически повторяют фразы окружения, но и сами творят речь. Причем, это творчество часто сопровождается... нащупыванием правильной формы, правильного слова, своего рода экспериментированием», – подчеркивает Л.В.Щерба [15], анализируя ориентировку детей в языковой действительности.

В процессе овладения практикой речевого общения при экспериментировании с языковой действительностью у ребенка включается механизм контроля за языковой правильностью, и дитя интуитивно на основе эмпирических обобщений наблюдения за языком из произвольных, побочных продуктов речевой деятельности [16] выбирает эталоны языковых форм, моделей. Следует только подчеркнуть, что на этом этапе онтогенеза эталоны достаточно субъективны: об этом говорит подробно изученный феномен детского «словотворчества». «Экзотичность» детского речетворчества, его субъективизм объясняются весьма просто: запас речевых единиц в значительной мере не поспевает за растущими социальными потребностями обозначения явлений внешнего мира, и ребенок образует новые по усвоенным правилам языка, причем, с внесением своих «редакционных» правок (с преимущественным выдвиганием на первое место категории действенности языковых знаков) на основе оценки, анализа, и не догадываясь пока ни о каких исключениях. И даже эти «творческие ошибки» – например, *«Подожди! Подожди, не гаси свет: я еще не удобился (не устроился удобно)»* (Денис Г., 2 года 8 месяцев) – свидетельствуют об огромной работе, совершаемой мозгом ребенка, по координации языковых элементов в кодовой системе. Происходит интенсивное формирование фундаментальной, креативной способности к построению более сложных структур речевой деятельности в разных ее аспектах: аспекте психологического содержания (внешняя и внутренняя речь), формы существования языковых знаков (звуковая символизация и «детское письмо»), характера механизма (продуктивное – говорение и репродуктивное – слушание), реализации коммуникативных намерений (диалог/полилог и монолог).

Таким образом, к концу третьего года жизни ребенок овладевает системой морфологических и синтаксических средств для выражения (оформления) предикативных отношений (овладение глубинными синтаксическими структурами первого уровня), объектных, атрибутивных, обстоятельственных – пространственных, временных, целевых, причинных, качественно характеризующих (овладение глубинными синтаксическими структурами второго уровня). В речи ребенок использует двусоставные предложения: нераспространенные, распространённые, неполные; односоставные предложения: по преимуществу, номинативные – *«Ой, какой ветер!»*, безличные – *«Холодно.»*, определённо-личные – *«Идем за мороженым»*. В распространенных предложениях ребенок использует простые, сложные и комбинированные словосочетания – *«купили мороженое», «с мамой пойдем в магазин», «собирал красные ягоды»*.

Дети этого возраста достаточно хорошо овладели операциями программирования высказывания в диалоге, то есть в той форме речевой деятельности, которая генетически детерминирована ситуативно-личностной (непосредственно-эмоциональной) и ситуативно-деловой (предметно-действенной) формами общения.

Обмен высказываниями-репликами, базирующийся у ребенка на непосредственном восприятии ситуации, обеспечивает формирование у него связной речи. В диалоге информативная полнота и трудная пока для ребенка связность достигается использованием суперфиксов (жестов, мимики, просодических компонентов высказывания), ситуативной обусловленностью, общностью «апперцепционной базы» (набором предварительных сведений о предмете разговора). «Диалогическое единство» (цепь реплик, характеризующихся структурной и смысловой законченностью) определяется в этом возрасте в основном содержательной связью и, в меньшей степени, конструктивной.

Именно диалог «взрослый – ребенок» помогает последнему более подробно и ясно выразить определенную, пока еще не сложную, иерархию отображаемой ситуации действительности, используя при этом элементарные средства связности.

Итак, в раннем возрасте ребенок активно усваивает все компоненты родного языка. В развитии детской речи на каждом этапе (до трех лет) мы видим самодостаточную систему, которая стремится к системе языка взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Выготский Л.С.** История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. Т.3. М., 1983. – 370 с.
2. **Ахутина Т.В.** Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989. – 215с.
3. **Зимняя И.А.** Речевой механизм в схеме порождения речи // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.
4. **Лурия А.Р.** Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. – 253 с.
5. **Краевская Н.А.** Семантический аспект внутренней программы речевого высказывания (экспериментальное исследование) // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982. С.120-128.
6. **Швачкин Н.Х.** Психологический анализ ранних суждений ребенка // Известия АПН РСФСР, 1954. Вып. 54. С.112-135.
7. **Ахутина Т.В., Наумова Т.Н.** Смысловой и семантический синтаксис: детская речь и концепция Л.С. Выготского // Психолингвистические проблемы семантики / А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Р.М. Фрумкина и др.; Ответственный редактор А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович. М., 1983. С. 196–209.
8. **Леонтьев А.А.** Психология общения. 2-е изд. М., 1997. С. 180.
9. **Цветкова Л.С.** Мозг и интеллект: Нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М, 1995. – 340 с.
10. **Винарская Е.Н.** Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии: Периодика раннего развития: Эмоциональные предпосылки освоения языка: Кн. для логопеда. М., 1987. – 160с.
11. **Лисина М.И.** Проблемы онтогенеза общения / Научно-исследов. институт общей и педагогической психологии Академии пед. наук СССР. М., 1986. – 144 с.
12. **Шахнарович А.М.** Национальное и универсальное в детской речи // Национальная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 66.
13. **Сахарный Л.В.** Введение в психолингвистику. Л., 1989. С. 62.
14. **Грибова О.Е.** Психолингвистика и логопедия: вопросы, предположения // Дефектология, 1999, № 3. С.3-11.
15. **Щерба Л.В.** Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 34.
16. **Божович Л.И.** Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

S U M M A R Y

The work describes modern understanding of the problem of the development of kid's speech.

The author's consider the process of forming expressions in ontogenesis in details.

Поступила в редакцию 24.04.2002

Подтекст: явление, понятие, термин

Представление о подтексте как особом явлении, по мнению исследователей, сформировалось на рубеже XIX-XX веков. Однако достаточно убедительной кажется точка зрения Р.А. Унайбаевой, которая полагает, что объективно явление подтекста существовало уже в античном искусстве. В частности, термин «иносказание», употребляемый Аристотелем, связан с наличием прямого и непрямого смыслов высказывания [1]. Отметим также, что «эзопов язык» описывается лингвистами как язык, изобилующий приемами для сокрытия прямого смысла. Можно предположить, что известное высказывание «мы истолковываем то, что мы не видим, через то, что мы видим», приписываемое Анаксагору, также отчасти свидетельствует о том, что явление скрытой, подтекстовой информации не было чуждо античным мыслителям. Таким образом, можно говорить, что своими корнями явление подтекста восходит еще к античности.

В русском языке появилось слово «подтекст», обозначающее это понятие, представляющее и называющее это явление. Возникнув в языке, оно активно функционирует, образуя новые слова по существующим словообразовательным моделям русского языка (например, *подтекстовый (-ая)*; вступает в синтаксические отношения с другими словами русского языка, образуя словосочетания (например, *найти подтекст, подтекстовая информация, глубокий подтекст, подразумевается в подтексте* и т.д.). Отметим, что наиболее продуктивный вид синтаксической связи, при которой главным компонентом является имя существительное *подтекст*, зависимым, согласуемым с ним, — имя прилагательное, реже причастие или местоимение.

Приведем результаты наблюдений над функционированием подобного рода словосочетаний в письменных текстах ненаучного/нелингвистического характера. Нами были изучены 2226 текстов, размещенных в сети Internet. Мы не ставили целью провести статистическую обработку результатов наблюдения, а предприняли попытку представить качественное расслоение словосочетаний типа «*подтекст + имя прилагательное/ местоимение/причастие*».

С точки зрения здравого смысла, логичным представляется условное объединение всех отмеченных словосочетаний данного типа в три группы. В основу деления положен следующий критерий: степень «угадываемости» и вербализации значений словосочетаний. *Первую группу* составляют словосочетания с зависимым компонентом типа *политический, эротический, мистический, философский, религиозный, классовый* и т.п. Значение словосочетаний в данном случае легко определяется средним носителем языка и может быть заменено синонимичным словосочетанием типа *с политической, эротической, мистической и т.д. подоплекой*. Во *вторую группу* мы включили словосочетания типа *нарицательный подтекст, музыкальный подтекст, дубовый подтекст (о вине), подсознательный подтекст*. Попытки

определить их значение даже в условиях контекста тщетны. С этой точки зрения, можно назвать их тупиковыми, парадоксальными, необъяснимыми. В *третью группу* вошли тавтологические обороты типа *негласный подтекст*, *дополнительный подтекст*. Очевидно, что словосочетания, входящие во вторую и третью группы, противоречат законам сочетаемости русского языка. В чем же причина подобного противоречия?

Обратимся к толковым словарям русского языка (уточним, не специальным словарям или словарям терминов отдельных наук). В них подтекст определяется следующим образом:

1. Внутренний, скрытый смысл текста, высказывания; содержание, которое вкладывается в текст чтецом или актером [2].

2. Внутренний, скрытый смысл какого-либо текста, высказывания [3].

Чтобы понять, что стоит за неопределенностью, метафоричностью выражений типа «внутренний добавочный смысл текста», «скрытый смысл высказывания», необходимо «перевести» их рассмотрение в плоскость языковой конкретики, лингвистической определенности.

Как видим, отсутствие четко сформировавшегося представления о явлении подтекста, о его онтологических характеристиках отражено в самих значениях, приписываемых слову «подтекст». Таким образом, определим широкое понимание слова «подтекст» как *то, что стоит за словами автора текста, что не называется, но подразумевается*. Особенно часто с таким расширительным (нетерминологическим) использованием слова «подтекст» приходится сталкиваться в повседневной речи, когда это слово нередко используется для наименования всех типов неявного знания.

В лингвистической литературе также до сих пор отсутствует четкое определение подтекста. Во многих случаях словом «подтекст» называют целый ряд явлений, которые имеют разную генетическую природу и по-разному функционально ориентированы. При этом следует отметить, что, несмотря на отсутствие строгой дефиниции, слово «подтекст» в разного рода учебной и справочной литературе подается как термин (слово, обозначающее определенное понятие какой-нибудь специальной области науки, искусства).

1. Словесно не выраженный, подразумеваемый смысл высказывания [4].

2. Подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста [5].

3. Скрытый смысл высказывания, вытекающий из соотношения словесных значений с контекстом и особенно речевой ситуацией [6] и др.

Приведем для указанных определений ключевые слова:

1) смысл текста, 2) внутренний, 3) скрытый, 4) добавочный.

Однако при этом наблюдаются определенные противоречия, содержащиеся в самих формулировках предлагаемых определений: в частности, не различаются понятия «смысл» и «содержание», констатируется обязательность несовпадения скрытого смысла с прямым смыслом текста, лишь частично указываются причины и условия присутствия скрытого смысла, либо они не оговариваются вообще.

Как видим, приведенные выше определения, закрепившиеся в разного рода справочной и учебной литературе, не содержат информации, отражающей существенные свойства описываемого явления, на основании которых можно было бы определить специфические для него признаки, отличающие его от других явлений подобного рода.

Таким образом, необходимым представляется определение сущности явления подтекста, выделение его онтологических характеристик, положенных в основу определения понятия подтекста, используемого и рядовым носителем русского языка, и представителями ряда областей науки и искусства.

Проблему подтекста как лингвистического явления необходимо рассматривать в русле следующих аспектов языкознания:

- 1) текст как объект лингвистического исследования;
  - а) подходы к изучению текста;
  - б) виды информации в тексте;
- 2) специфика художественного текста;
  - а) универсальные категории художественного текста;
  - б) язык художественного текста.

Внутренняя форма слова «подтекст» кажется достаточно прозрачной, ясной для того, чтобы связать рассмотрение данного явления непосредственно с текстом. Именно обращение к вопросам изучения текста с различных позиций, привлечение к его анализу достижений смежных наук – семиотики, информатики, логики, литературоведения, психологии и др. – повлекло за собой необходимость в изучении процессов порождения и восприятия текстов, возможности интерпретации текста и т.п.

Представляется логичным исходить в определении подтекста как лингвистического явления из того, на основе какого подхода к исследованию текста осуществляется поиск имеющейся в нем информации.

Одним из подходов к анализу текста является следующий: от автора к тексту. Очевидно, что при таком подходе реципиент придет к «пониманию» текста, лишь получив информацию об авторе, его жизни, особенностях его психологии, исторической картине времени жизни автора и создания текста и т.п. В данном случае подтекст можно рассматривать как некую информацию, связанную с автором данного текста, историей его создания и т.д. Подобного рода подтекст А.М. Камчатнов называет «эзотерическим смыслом», который предназначен лишь для избранных и понятен только посвященным [7].

Второй подход – от текста к автору. В данном случае подтекст можно рассматривать как чисто лингвистическое понятие, восприятие имеющейся в тексте информации, которое управляется и направляется структурой, композицией и прочей языковой материей самого текста. Как справедливо отмечает Н.Л. Галеева, «никто не вправе судить о замысле писателя, кроме него самого; все остальное – это «домыслы о замысле». Единственной реальностью, данной реципиенту для деятельности, является текст» [8].

Еще один подход – от читателя к тексту. Он выявляет возможности не столько текста, сколько читателя.

По мнению большинства ученых, художественный текст – это специфический объект исследования. В ходе изучения его специфики, исследователи закономерно приходят к заключению о существовании в нем скрытой информации (И.В. Арнольд, Л.А. Исаева, Г.Г. Молчанова, Б.А. Ларин, Ю.М. Лотман, В.А. Кухаренко, А.П. Старкова, Г.А. Лесскис, И.Я. Чернухина, Н.А. Кулина). Исследованиям, проведенным выше перечисленными учеными, не противоречат выводы лингвистов, занимающихся проблемами имплицитности, но не ограничивающихся лишь рамками художественного текста (Г.П. Грайс, Г.В. Колшанский, М.Ю. Федосюк, Л.В. Лисоченко, А.И. Новиков, К.А. Долинин, Е.А. Земская, О.Н. Ермакова). Существование подобной скрытой информации объясняется целым рядом причин (лингвистических и экстралингвистических).

Очевидно, что понятие, обозначаемое словом «подтекст», относится к той области смысла, которая определяется как семантика высказывания. В лингвистической науке изучение проблемы подтекста связано, в первую очередь, с рассмотрением проблем имплицитности и смысла.

Наблюдения над употреблением слова *подтекст* показывают, что этот термин часто используется как дублет термина *смысл*. На наш взгляд, пред-

ставляется существенным сопоставление этих слов. Так, соглашаясь со многими исследователями проблемы смысла, содержания, информативности текста, примем следующее положение-вывод: выделим, по крайней мере, два типа семантических ценностей – *содержание* и *смысл*. При этом содержание эксплицитно выражено значениями составляющих текст единиц, тогда как смысл является продуктом сложных взаимодействий между различными элементами текста, внетекстовыми структурами, а также личностью читателя.

По нашему мнению, важным представляется следующее замечание: если рассматривать подтекст как категорию, являющуюся частью общей категории имплицитности, то следует иметь в виду, что имплицитность вообще и подтекст, в частности, представляет собой следствие тщательной логической обработки мысли. Таким образом, существование в тексте скрытых смыслов должно быть обозначено определенными знаками (словами с измененной семантической структурой, многозначными единицами, одновременно актуализирующими несколько значений, «окказиональными» образованиями, необычными грамматическими формами, видоизмененными синтаксическими конструкциями, словами с «внетекстовой» нагрузкой и т.п.).

Можно говорить о том, что смыслы могут быть выраженными и невыраженными. В первом случае выраженные смыслы можно приравнять к языковым значениям, ибо практически любой носитель данного языка получит, воспримет этого рода информацию, поскольку знание системы языка обеспечит автоматическое восприятие этой информации реципиентом. В данном случае можно говорить о содержании текста как о выраженном смысле.

Очевидно, что скрытые, невыраженные смыслы возникают в результате разного рода несистемных нарушений языковой структуры текста, в первую очередь, изменений, имеющих «неуниверсальный характер» (контекстуальные приращения значений), и, несомненно, в результате привлечения к освоению текста внетекстовых структур (различного рода пресуппозиций). В подобной ситуации мы будем применять для обозначения скрытых смыслов термин «подтекст». Однако следует указать, что при таком подходе речь идет о равнозначности терминов «подтекст» и «скрытый смысл» лишь в узком смысле: как об одном из компонентов парадигматической цепи «содержание – смысл». Таким образом, не вызывает сомнений положение об обязательном присутствии в художественном тексте подтекста как имплицитного смысла.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы:

1. Достаточно сильная зависимость обнаружения скрытого смысла от воспринимающего субъекта, значительная вариативность глубины снимаемого имплицитного смыслового слоя породили мнение о полной эфемерности категории подтекста. Подобное утверждение, однако, является серьезным заблуждением, ибо подтекст материально закреплен в тексте, только способы этого закрепления специфичны и требуют особой тщательности при восприятии и анализе.

2. Следует различать нетерминологическое и терминологическое значение слова «подтекст», реализуемое им в языке и речи.

3. Примем рабочее определение *подтекста* как лингвистического явления в следующей формулировке: *некий скрытый пласт информации художественного текста, (вос) создаваемого в сознании реципиента на основе авторского текста; подтекст является результатом синтеза лингвистической и экстралингвистической информации в тексте, которая вербализуется реципиентом с учетом разного рода пресуппозиций.*

4. Поскольку информативность рассматривается нами как универсальная категория текста, то смысл является обязательным компонентом, признаком, условием текста. При этом следует отметить, что смысл может совпадать с

содержанием, а также расширять или сужать содержание, или информативное поле. Однако следует указать, что о равнозначности терминов «подтекст» и «скрытый смысл» можно говорить лишь в узком смысле: как об одном из компонентов парадигматической цепи «содержание – смысл».

5. Подтекст является индивидуальной характеристикой конкретного текста, которая складывается на базе актуализированного текстового представления, на базе структур вербальной памяти с учетом разного рода пресуппозиций. Именно пресуппозиция дает возможность эксплицировать подтекст.

6. Подтекст не способ организации текста, а результат такой организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Унайбаева Р.А. Категория подтекста и способы его выявления: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1980. С. 13.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред Н.Ю.Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1991. С. 543.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз. / Под общ. ред. А.П.Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1987. Т. 3. П-Р. С. 224.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1976. С. 292.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Коженикова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 284.
6. Краткая литературная энциклопедия. М., 1986. Т. 5. С. 829.
7. Камчатнов А.М. Подтекст: термин и понятие // Филологические науки, 1988, №3. С.40-45.
8. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод: Монография. Тверь, 1999. С.10.

S U M M A R Y

The article highlights one of the vital problems of Linguistics (Text Studies). It deals with the phenomenon of implicit information (subtext) as a linguistic one. The author gives the definition of the subtext based on its essential characteristics. An attempt to distinguish the terms «subtext», «implication», «meaning» is made in the article.

Поступила в редакцию 5.03.2002

УДК 808.2-3

С.А. Руткевич

Стилистическое использование омонимов, полисемантов, речевых клише в рекламной речи

Стилистический ресурс полисемии и омонимии активно используется в речи как рядовыми носителями языка, так и специалистами. На эффекте каламбура основано большинство анекдотов, КВНовских шуток... Благодаря неоднозначности языковых форм возможен прием юмористической ложной этимологизации слова (см., например: БРОШКА – «покинутая женщина», ЧУШКА – «маленькая чушь», ЖАТВА – «обмен рукопожатиями», ПРОИГРЫ-

ВАТЕЛЬ – «игрок-неудачник» и целый словарь в книге Б.Ю. Нормана «Язык: знакомый незнакомец» (Минск, 1987). Первые уроки наблюдения над «чудотворной» материей языка, первые знакомства с различными образчиками зыждущейся на многозначности «игры слов» могут состояться в детском возрасте, при чтении детской литературы, скажем, стихов Я. Козловского («Сердилась королевская масленка: – Болтают в кухне со среды, что я родня какого-то масленка. Помилуй, бог! Я из другой среды») или книги Э. Успенского «Дядя Федор, пес и кот» («... А профессор всё с котом разговаривал... – Как будет на кошачьем языке...? ... – Это не на языке, а на когтях будет. Надо спину выгнуть, правую лапу поднять и когти вперед выпустить...»).

Потенциалом экспрессивизации, оживления речи, содержащимся, как видим, в неоднозначных словах, умело пользуется современная реклама.

Поскольку практически ни один рекламный текст не обходится, если он побуждает заинтересоваться товарами, услугами, без имен собственных – названий фирм, антропонимов, адресов, наименований видов продукции, постольку неизбежно возникают экспрессемы, базирующиеся на столкновении в общем контексте значений собственного и омонимичного ему нарицательного имён. С использованием именно этого приема рекламируется на телевидении шоколад «Магия» («Магия вкуса»), дезодорант «Секрет» («...секрет женских побед»), фруктовый сок «Magic summer» («Волшебное лето – круглый год», причем отсутствие графического дублирования этой фразы, субтитров, делает ее двусмысленной: идет ли речь о соке, или о связанном с ним удовольствии, т.е. употреблены ли первые два слова как имя собственное, или это свободное словосочетание, допускающее замену эпитета синонимичным. В данном случае это преимущество, выигрыш, в сравнении с возможностями графической рекламы). Реклама самых разных видов продукции (моторное масло, бытовая химия, парфюмерия...) очень часто свидетельствует о победе над рекламистами соблазна именно таким способом обыграть названия типа: «Чемпион», «Лидер», «Фаворит», «Торнадо», «Блеск», «Мечта» и т.д. В излюбленном ими каламбурном стиле рекламируют свои концерты артисты И. Алейников и Ю. Стоянов – авторы и исполнители телевизионной развлекательной программы «Городок»: «Наш «Городок» приезжает в ваш городок и приглашает ваш городок на наш «Городок!». Более тонкий прием – столкновение разных значений не самого названия продукта, а его ассоциата: «Вода «Горная»! Вершина вкуса!»).

Мастерски обыгрывается неоднозначность слова ПАРА в радиорекламе, которую предлагает своим слушателям «Альфа-радио». Сначала с усиленно-утвердительно-интонацией произносится: «Идеальная пара для настоящего мужчины!». Потом – доверительно, «по-свойски»: «Выбери (подбери) себе пару». После паузы становится ясно, что имеется в виду пара обуви из многообразия и изобилия, предлагаемого в специализированном минском магазине. Единственный, пожалуй, недостаток – не слишком ли мощный раздражитель для сторонниц феминизма?

На взаимодействии прямого и переносного значений глагола ВЛИВАТЬСЯ строится телевизионная реклама напитка «Fanta». Причем в актуализации, активизации этой «стертой», «потускневшей» в языке метафоры (ВЛИВАТЬСЯ в коллектив, в компанию...) путем оживления ее внутренней формы участвуют как вербальный контекст, так и звукоряд вообще, видеоряд.

Двуединство значений прилагательного в рекламной фразе «Мировая кожа!» призвано привлечь покупателя в магазин изделий из кожи в Сокольниках (Москва), в котором представлена продукция лучших мировых производителей.

В свое время на рекламных щитах во многих городах Беларуси была размещена реклама новой на тот момент медиа-компании «Альфа-радио». Надпись «Все отдыхают!» реализовала свое агитационное назначение с опорой на многозначность и глагола, и субстантивированного местоимения: 1) «отдыхают (получают удовольствие) радиослушатели» и 2) «отдыхают (могут даже не мечтать, не пробовать превзойти, победить) конкуренты». Так реклама оперативно осваивает неологизмы: второе из указанных значений глагола развилось недавно и сохраняет жаргонную маркированность.

Аналогичное конденсирование смыслов, насыщение языковой единицы множеством взаимодействующих значений наблюдаем в рекламе кошачьего корма. «Viskas»!.. Питает лучшие чувства». Игра прямого (свободного) и переносных (фразеологически связанных) значений глагола ПИТАТЬ обеспечивает наличие в этой фразе в данном контексте сразу трех смыслов: 1) производитель питает лучшие чувства к покупателям и их увлечению; 2) угощая питомцев этим продуктом, хозяева могут реализовать потребность проявлять к ним свою любовь, заботу; 3) сам корм, питая животных, гарантирует изображаемые в телевизионном ролике проявления их благодарности хозяевам.

Вот еще пример «каскада значений». Сразу три смысла заставляет связывать со звукокомплексом ДЕЛО реклама журнала «Дело»: 1) само это специальное издание; 2) бизнес, занятие, предприятие, профессия («Пробивная информация для вашего дела»); 3) что-то стоящее, нужное, полезное, разумное («На дело («Дело»?) – *стоит* подписаться»; причем с двойной ремой /подчеркнуто/ и многозначностью инфинитива ПОДПИСАТЬСЯ).

Типологически близким является средство выразительности, основанное на фонетическом совпадении не целых словоформ, а словоформы с частью другой единицы, с фрагментами двух соседних словоформ. Яркий пример удачного применения такого «подарка» языка – это находка рекламистов стирального порошка: «Чистота – чисто «Tide» (т.е. *чисто «Тайд»*)!». Здесь также наблюдаем заодно инфильтрацию в более высокие стилистические регистры элементов сниженных стилей: разговорное (в значении «только, лишь») и жаргонное (с гипертрофированной частотностью и закономерной отсюда генерализацией значения) переносное употребление наречия ЧИСТО явно не устроило бы авторов рекламы, будь они хоть чуть-чуть пуристами в вопросах речевого стандарта. В случае использования такого вида звуковых совпадений преимуществами обладает графическая реклама, позволяющая выделить нужный фрагмент: см. рекламу напитка «Ice» («Айс» – «лед»), размещенную на щитах: три буквы в призыве «ОхлаждаЙСя!» выделены размером, цветом...

Итак, современная русскоязычная реклама активно использует те возможности интенсифицировать воздействие на адресата, которые ей предоставляют богатая омонимия и полисемия русской лексики, частичные звуковые совпадения русских и иноязычных (английских – чаще всего) слов.

В текстах самых различных жанров наряду с другими приемами, обеспечивающими экспрессивность, яркость речи, активизирующими внимание адресата, используется обыгрывание прецедентных фраз, выражений. Чаще всего это пословицы, фразеологические сочетания, так называемые «крылатые» слова и выражения, известные артонимы, строчки из популярных песен и т.п. Они либо просто помещаются в неизменном виде в неожиданный контекст, либо к тому же еще разнообразно трансформируются. О различных модификациях фразеологизмов в стилистических целях писали, например, Н.М. Шанский, Л.И. Ройзензон и Е.А. Малиновский, К.Н. Дубровина, И.Е. Савенкова, А.Е. Шилова [1-6] и др.

Было бы удивительно, если бы таким выигрышным приемом дестандартизации речи не пользовались авторы современных рекламных текстов.

Реклама продукции и услуг, размещаемая в различных печатных изданиях витебским сервисно-торговым центром «Джет», «цитирует» В.С. Высоцкого: «Весь мир на ладони. Ты счастлив и нем...», помещая этот фрагмент известной песни в общий контекст со следующими именительными темами: Компьютеры. Internet. Музыка. Слайды. Video... Так поэтизируется быт, и коммерчески утилизируется поэзия.

Телевизионная реклама одного из чистящих средств содержит в себе аллюзию известной максимы В.В. Маяковского: «Блестеть всегда! Блестеть везде!». Владимир Владимирович сдерживает свое обещание прийти к нам в наше далеко.

С обманом ожидания сталкиваемся и в следующих рекламных находках: «Галина Бланка! Любовь с первой ложки!»; «Зима! Макбейон, торжествуя...» (бедный Пушкин...); «Легко на сердце от чистых сосудов!» (реклама медицинских услуг); «Луч света в темном царстве!» (реклама салона-магазина светильников) и др.

Выразительность речи в подобных случаях обеспечивается тем, что реальный, коммуникативно актуальный вариант обозначения смысла воспринимается (при условии общности фоновых знаний коммуникантов) на мгновенно «вспыхивающем» виртуальном (лингвистическом, литературном, общекультурном) фоне. В качестве такого контрастного фона выступает высокочастотное узуальное употребление узнаваемых (угадываемых, реконструируемых) прототипов – тех языковых формул, которые креативно, новаторски применены в непосредственно воспринимаемой речи. Такая «подсветка» фрагмента текста усиливает воздействие текста в целом, помогает реализовать его прагматическую направленность.

Предельно массово-ориентированным характером рекламной речи обусловливается тот очевидный факт, что прототипами окказионализмов являются максимально общеизвестные и высокочастотные в употреблении клише, цитаты, фразеологические и фразеологизирующиеся единицы, ассоциируемые с наиболее общедоступными смысловыми полями. Можно не сомневаться, например, что в ходе свободного ассоциативного эксперимента на вербальный стимул «ЗИМА» (если к тому же проводить этот эксперимент в самом начале зимы) в русскоязычной аудитории среди прочих реакций не единичной будет литературная «Крестьянин, торжествуя...»: настолько сильно и смежно укоренены соответствующие феномены (русская зима, и Пушкин, и его произведение) в сознании русского человека.

Обращаясь в поисках объектов стилистической интерпретации в самые различные участки инвентаря прецедентных (цитируемых) высказываний и выражений, связанных с различными (высокими, духовными – в том числе) областями жизни человека, досужая и беззастенчивая реклама все найденное приспособливает к единственной, специфической, сфере – к пропаганде, искусственному формированию культа потребления всевозможных товаров и услуг. Это является дополнительным, лингвокультурологическим, свидетельством все более заметной в современных высокоцивилизационных, технократизированных социумах гиперактуализации сугубо витальных ценностей. Смотрите, например, «парфюмеризацию» библеизма в рекламе женского дезодоранта «Секрет»: «Время получать и время делать подарки...». И дальше что-то каламбурное про секрет женских побед. Плюс мощная поддержка видеоряда... Такая вот композиция: эротизм + библейские мотивы. И дело не только в профанации высоких идей. Какой-нибудь Митрофанушка XXI века, впервые столкнувшись с оригиналом, не заподозрит ли автора в плагиате?

В собственно лингвистическом аспекте анализируемое здесь явление интересно тем, что в его основе, как и в основе механизма функционирования, эволюции языка вообще, лежит диалектическое единство подражания, аналогии, воспроизведения, сохранения, с одной стороны, и преобразования, видоизменения, варьирования, разрушения первичных функций языкового знака, с другой стороны. Проиллюстрируем это положение на примере рекламы женских колготок: «Levante. Весь мир у ваших ног!». С одной стороны, точное воспроизведение устойчивого выражения. С другой, – смещение его семантики с ядерного ее участка («готовность преданно, беззаветно служить, добровольно быть полностью в чьей-то власти») на периферийный сегмент, частично актуализируемый, частично приращиваемый применительно к данному новому контексту («невозможность не покориться силе влечения»). Обычное предпочтение готового языкового средства производству обозначения, возможность чего обеспечивается некоторой аналогичностью коммуникативной ситуации ситуациям, коннотируемым фраземой. И здесь же – оригинальное, нестандартное употребление этого средства: стилистически преднамеренное и оправданное столкновение в общем контексте значения фразеологизма, иносказания, со значением его омонима – свободного словосочетания, т.е. с буквальным, неидиоматическим, значением той же самой формы (провоцируется такое столкновение расширением сферы употребления фразеологизма именно на данную область).

В рекламе губной помады, изготавливаемой французской косметической фирмой, также наблюдаем мастерство каламбура: «Самый французский поцелуй!». Такое раскованное-рискованное обыгрывание известной идиомы заставляет согласиться с определением Н.Б. Мечковской, которая, констатируя становление и бурное развитие в последние 10-15 лет нескольких новых стилей русского языка, среди прочих называет и «лихой стиль российской рекламы» [7].

В рекламе продукции знаменитой фирмы «Panasonic» – электронных фонариков – трансформируется пословица «Ученье – свет, а неученье – тьма» и получается «Panasonic – свет. Подарков тьма!» (приобретающий изделие становится участником лотереи). Эффект аллюзии и здесь усиливается эффектом каламбура (возможного благодаря неоднозначности форм СВЕТ, ТЬМА).

При структурно-семантической трансформации исходного коммуникативного фрагмента прием аллюзии может осложняться еще одним стилистическим приемом – паронимазией, когда в паронимастические отношения вступают заменяемый и заменяющий компоненты: см. рекламу медицинских услуг: «ТЭС уполномочен заявить», которая «перекликается» с названием известного фильма «ТАСС уполномочен заявить». Образность высказывания, действенность текста, благодаря намеренному сближению слов, имеющих звуковое сходство, возрастают.

Абсорбируя для своих стилистических целей устойчивые фразы и выражения из самых разных источников (литература; кино; музыкальное искусство – см. рекламу обуви: «Вигорос, Вигорос, Ви-и-игорос»; фольклор; социолекты), реклама и сама, поскольку она интенсивно мультиплицирует свои тексты, становится источником цитирования и всевозможных аллюзий: см. творчество авторов текстов для «разговорной» эстрады, выступления в КВН, песенки типа «Она жует свой орбит без сахара...» и т.д., и... опять рекламу, которая уже «вышучивает» (аллюзия – от лат. *alludo* – подшучивать, намекать) самое себя. – например, рекламу журнала «TV-парк», в которой комически обыгрываются клише из рекламы бытовых средств для стирки-чистки...

Таким образом, разнообразное семантическое и/или структурное обыгрывание речевых клише является весьма продуктивным стилистическим приемом, позволяющим авторам рекламных текстов эффективно реализовывать их агитационно-побуждающую направленность. Наличие явных и интуитивных аллюзий в рекламном подязыке, как и возрастание способности этого стиля самому быть источником цитат и аллюзий, – свидетельство непрерывности и диалогичности творческого процесса создания текстов, имеющих экспрессивную и образную нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский Н.М. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов // РЯШ, 1957, № 3. С. 17.
2. Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А. Еще раз о способах трансформации фразеологических единиц в русской художественной литературе // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. М., 1974. С. 24.
3. Дубровина К.Н. Приемы стилистического использования фразеологизмов // Вопросы лексической семантики. М., 1980. С. 80.
4. Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. 1972. М., 1973. Ч. 2. С. 73.
5. Савенкова И.Е. Структурное преобразование пословиц и поговорок в речи // РЯШ, 1987. № 4. С. 78.
6. Шылава А.В. Фразеологизмы: стилистическая роль и норма // Культура мовы журналіста. Мн., 1990, № 5. С. 59.
7. Мечковская Н.Б. Тенденция к демократизации в истории языка: слагаемые и альтернативы // Русский язык в изменяющемся мире. Материалы Международной научной конференции. Мн., 2000. Часть I. С. 26-30.

S U M M A R Y

The article deals with the stylistic use of polysemy, homonymy, phraseology in the modern advertising Russian texts.

The author speculifies about the linguistic and sociolinguistic aspects of this phenomenon.

Поступила в редакцию 12.02.2002

УДК 82.091

И.Н. Казаков

Сказ как способ передачи письменной речи (на материале «Записей Ковякина» Л. Леонова)

В научной литературе о сказе доминирует устойчивое мнение о том, что сказовая повествовательная форма способна передавать лишь устную речь. В этом отношении показательно уже первое определение сказа, предложенное Б.М. Эйхенбаумом: «Под сказом я разумею такую форму повествовательной прозы, которая в своей лексике, синтаксисе и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика» [1]. В работах академика В.В.Виноградова уже в 20-е годы представления Б.М. Эйхенбаума

В.В.Виноградова уже в 20-е годы представления Б.М. Эйхенбаума о природе сказа подвергаются существенной коррекции. В.В. Виноградов замечает, что изучение произведения «с точки зрения своей «мимико-произносительной силы» и звукового воздействия» приводит к изучению не структуры сказа в собственном смысле, а только его «фонетики». Более того, ученый утверждает, что характерные для устной речи элементы вообще не являются необходимыми для создания сказа: «Сказ не только не обязан состоять исключительно из специфических элементов устной живой речи, но может почти вовсе не заключать их в себе (особенно если его словесная структура вся целиком укладывается в систему литературного языка)». Эту существенную мысль Виноградов доводит до логического конца: «Для некоторых кругов характерна именно установка устной речи на письменную». В этой части рассуждений высказывания В.В. Виноградова диаметрально противоположны представлениям о сказе Б.М. Эйхенбаума. Однако, эти мысли не были развиты академиком в дальнейшем, что позволяет современным исследователям называть сходными позиции Б.М. Эйхенбаума и В.В. Виноградова, поскольку последний считал, в конечном итоге, сказ особой формой устной монологической речи: «Сказ – это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это – художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [2].

Несколько иной подход к сказу находим у М.М. Бахтина, считающего, что «элемент сказа, то есть установка на устную речь, обязательно присущ всякому рассказу» (автор здесь имеет ввиду всякое повествование от имени рассказчика). Исследователь рассматривает сказ с точки зрения субъекта речи: «В большинстве случаев сказ есть прежде всего установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, – на устную речь» [3].

В.В. Виноградов оценил концепцию М.М. Бахтина как исторически и теоретически неверную. Он писал: «Установка на «внелитературное актерство», на «чужое» слово вовсе не обязательна для сказа. Литературный сказ может явиться как результат переноса в литературу, в план образа автора общественно-бытовой позиции писателя» [4].

Н.А. Кожевникова в статье «О типах повествования в советской прозе» объединяет признаки, выделенные Б.М. Эйхенбаумом и М.М. Бахтиным, и определяет сказ как явление, одновременно ориентированное и на «чужое» слово, и на устную речь. При этом исследователь считает более последовательным толкование сказа Б.М. Эйхенбаумом и В.В. Виноградовым, определяя главным типологическим признаком сказа «устность», поскольку именно она по мнению автора, выделяет сказ как «особый вид повествования и указывает на самый существенный признак, отличающий его от других форм» [5].

Авторы коллективной монографии «Поэтика сказа» обосновывают четырехкомпонентную систему сказовой структуры (автор – герой – слушатель – читатель) и гиперболизируют роль «слушателя», что позволяет им делать слишком категоричные выводы: «Аудитория в сказе далеко не всегда сочувствующая. Герою-рассказчику порой нужно затратить немалые усилия для того, чтобы возникла необходимая ему атмосфера взаимопонимания и сочувствия. Отсутствие этой атмосферы означает, что носитель сказовой речи должен прекратить изложение. Если же повествование продолжается – значит, перед нами не сказ» [6]. Выход в свет «Поэтики сказа» закрепил мнение о том, что сказ может служить способом передачи лишь устной речи.

Однако устная речь, письменно оформленная в художественном произведении, перестает быть просто устной речью, она живет по законам композиции (в широком смысле) литературного произведения. Художественное про-

изведение, в том числе и сказ, нельзя сводить просто к рабочим записям диалектолога или фольклориста. Так, В.Д. Левин справедливо отмечает: «Устная» речь в сказе регулируется письменной формой ее реализации. Ведь само членение сказа на предложения уже представляет собой письменно-книжную трансформацию устного говорения» [7].

В.В. Виноградов подчеркивал, что сказ может не включать в себя элементы устной речи и даже ориентироваться на письменно-книжную традицию. Однако эти слова, сказанные в пылу полемики с Б.М. Эйхенбаумом, считавшим устность чуть ли не достаточным условием возникновения сказа, не нашли своего отголоска в виноградовском определении сказа и не переросли в концепцию. Очевидно именно эти недосказанные мысли В.В. Виноградова привели исследователя Н.И. Рыбакова к качественно новому выводу: сказ «конструируется по законам письменной словесности (сюжетно-композиционная сложность, психологическая разработанность характеров и т.д.)» [8]. Профессор З.К. Тарланов также считает, что «исследование сказа нельзя сводить к выявлению в нем разговорного элемента», поскольку сказ – «это самостоятельная форма повествования, со своей структурой и правилами построения» [9]. Именно такой подход к сказу представляется нам правильным, поскольку он, во-первых, позволяет более последовательно рассматривать сказ именно как литературно-художественное явление (что, по существу, делалось и прежде, но с частыми оговорками и оглядками на законы устной речи), и, во-вторых, расширяет потенции сказовой формы повествования. Сказ может служить способом передачи не только устной, но и письменной речи, что уже давно подтверждено литературной практикой.

В этом отношении показательна повесть Л. Леонова «Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гогулеве Андреем Петровичем Ковякиным» (1924), субъектная организация которой максимально приближена к классическим сказовым моделям. Текст повести открывается предисловием, которое представляет автора-издателя и повествователя, что должно подтвердить действительное существование последнего. Далее следует усыпанное деталями и подробностями письмо А.П. Ковякина к издателю, призванное, как и предисловие, засвидетельствовать достоверность и подлинность личности повествователя и его записей: «С братцем моим (его Сергей Петрович зовут, по служебным делам едет) посылаю вам свои записи. Я их наново написал и выбрал некоторые, которые стоящие или опровергают. А остальные будут на сохраненье у М. Бибина» [10]. Таким образом автор уже на первых страницах, как часто делал это и Лесков – создатель классических, «чистых» сказовых образцов – намеренно обособляется от повествования, предоставляя слово своему герою.

Кажущаяся достоверность повести оказалась до такой степени высокой, что современники Леонова приняли этот художественный прием всерьез и объявили «Записи Ковякина» «явной обработкой сырого материала». «В прежние времена, – отмечал критик, – провинция знала таких сумасбродных писак, которые вели несуразные хроники событий, жестоко выразительные в самой своей мелочности и литературной безграмотности» [11]. Подобную реакцию критики вызвал в свое время и «Левша»: роль автора в создании произведения была сведена ею к обработке фольклорного материала. Такие отзывы связаны прежде всего со спецификой субъектной организации этих произведений. Повествование здесь ведется от лица рассказчика, последовательно сохраняющего резкую характерологичность своей речи. Слово автора при этом не находит в произведении «материального» выражения, от начала до конца сохраняя свою имплицитность. Субъектная организация «Записей Ковякина» подобна структуре классического лесковского сказа. Од-

нако, в данном случае повествование облачено в форму, не характерную для сказа этого типа.

В чистом сказе Лескова непременно присутствовала ситуация речи, складывалась иллюзия «непосредственного говорения». «Записи Ковякина» же ориентированы не на «живой» рассказ, а хроникально-летописное повествование. Эта особенность произведения позволяет ряду исследователей отрицать близость «Записей Ковякина» к классическому сказу. Так, Е.Г. Муценко, анализируя сказ 20-х годов, соотносит «Записи» не с чистым сказом, а с «Петушихинским проломом» на том основании, что «структурного слушателя как типа (элемента структуры) ни в той, ни в другой повести Леонова нет» [12]. Как видим, сближение орнаментального «Петушихинского пролома» и лишенных орнаментального поля «Записей Ковякина» основано на отсутствии в этих произведениях «изуственности» и связанной с ней ориентировки на сочувственно настроенную аудиторию. Авторы «Поэтики сказа» считают «изуственность» и ее существенную особенность – апперцепцию людей своего круга – необходимыми компонентами сказового повествования. Однако, на наш взгляд, сказ (даже классического образца) способен служить способом передачи не только устной, но и письменной речи, если в ней сохранены главные типологические сказовые признаки.

Если рассматривать «Записи Ковякина» именно под таким углом зрения, то оказывается, что они гораздо ближе к классическому сказу, нежели к орнаментальному «Петушихинскому пролому», где доминирует авторская модальность, а образ повествователя не обладает отчетливой индивидуальностью. В «Записях Ковякина», напротив, прямое слово и открытая позиция автора не представлены в зоне речевой деятельности рассказчика. Образ же Андрея Петровича, как и в классических сказовых образцах, формируется на основе объективной оценки читателем повествования Ковякина. При этом существенной коррекции подвергается самооценка сказителя и его смысловая позиция, поскольку они оказываются диалогически противопоставленными объективной, собственно авторской интерпретации, которая, хотя и не находит непосредственного выражения в самом тексте, четко проявляется на его «полях».

Хотя Андрей Петрович и мыслит себя философом, поэтом, и вообще очень образованным и «выдающимся» человеком, с объективной точки зрения он остается рядовым обывателем провинциального Гогулева. Речь Ковякина усыпана старославянизмами, газетными и книжными штампами; он старательно избегает грубых выражений, сплошь и рядом употребляя эвфемизмы. Однако обилие просторечных и разговорных лексических форм, многочисленные синтаксические и стилистические огрехи выводят речь Андрея Петровича за пределы норм литературного языка, и она приобретает характерную для сказового повествования неконвенциональность.

Мысль рассказчика стремится к широким обобщениям, которые могут принимать вид как коротких, но претендующих на глубину и емкость замечаний («В этом наша драма, люди не могут удержаться от чувств», «Столь обширно влечение искусства на простые души»), так и характер развернутых философских суждений («О время! Воистину оно подобно маляру. Нынче красит стену (предположим) баканом, завтра же траурным тоном. И скорей выгорает под солнцем бакан нашей радости, нежели траурный колер горя!») (289, 299, 295). Тягой к философичности пронизаны и многие стихотворения Ковякина. Однако, художественная форма, в которой воплощены его лирические произведения («Паук нам тклет забвенья сети, / А мы стоим, сплошные дети, / И горько-горько гибнуть нам!..» (295), резко приземляет и выставляет в ироническом свете философские потуги автора. Глубокомысленные из-

речения рассказчика оформлены таким образом, что содержание высказывания вступает в явное противоречие с его объективным смыслом: «Все мне были очень благодарны, что я вскрыл нарыв нашей отсталости от других стран, например, от Англии (у них давно уж литер, а у нас все фунт. В этом и заключается суть)», «Клеветали также, что он (Спиридон Игнатьич. – И.К.) не обладает умом. А зачем, скажите, начальнику Гоголевской пожарной дружины ум? Только отягощение голове и вред героизму: умный человек в огонь не полезет... А от этого вся Россия в одночасье может сгореть» (304, 312).

Явное несовпадение субъективной точки зрения рассказчика и «внетекстовой» объективной точки зрения, характерное для поэтики классического сказа, создает не только комический эффект. Этот прием дает возможность ощутить авторскую позицию и формирует образ самого рассказчика.

Как видим, «Записи Ковякина» заявлены как письменный жанр (именно «записи»), однако их субъектная организация, стилистика, отношения между автором и рассказчиком, принципы создания образа соотносятся прежде всего с классическим сказом, а не с традиционным книжно-литературным повествованием.

Опыт Л. Леонова не был единичен в литературе: повествование в отдельных новеллах «Конармии» И. Бабеля, целом ряде рассказов В. Шукшина, представленное читателю как письменные жанры (письмо, заявление и т.п.), носит сказовый характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 413.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр. труды. М., 1980. С. 49.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 221.
4. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр. труды. М., 1980. С. 332.
5. Кожевникова Н.А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С.97-164.
6. Муценко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978. С.200.
7. Левиц В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 38.
8. Рыбаков Н.И. Поэтика сказа: На материале сказов М. Кочнева // Некоторые вопросы русской литературы XX века: Сб. трудов. М., 1973. С. 252-253.
9. Тарланов З.К. Поэтика слова: Сб. ст. Петрозаводск, 1983. С. 70
10. Леонов Л.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981, Т.1. С.284. (Ссылки на источник в дальнейшем приводятся непосредственно в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках).
11. Придорогин А. Леонид Леонов: Рассказы // Книгоноша, 1925, № 31-32. С. 19.
12. Муценко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978. С.221.

S U M M A R Y

In the article the form of epic tale is considered as a type of writing, not only speaking. The author of the article researches the story «Kovyakin's notes» of L.Leonov to prove that his work of writing genre has the properties of the epic tale.

Поступила в редакцию 4.06.2002

Неафіцыйнае іменаваанне жыхароў Віцебшчыны і светапогляд беларусаў

Мянушка з'яўляецца адной з найбольш старажытных антрапанімных адзінак. Яна вельмі шырока выкарыстоўвалася ў якасці ідэнтыфікатара асобы ў дахрысціянскі перыяд. Цікава, што і ў наш час 40% сучасных прозвішчаў жыхароў Віцебшчыны ўтворана ад імёнаў-мянушак апелятыўнага характару. Вызначальна, што больш, чым 1/3 частка такіх апелятываў – адзінкі, якія характарызуюць чалавека ў фізічным або псіхічным плане.

Што ж уяўляюць сабой сучасныя мянушкі, ці адрозніваюцца яны ад тых, што выкарыстоўваліся нашымі продкамі? Адказаць на пастаўленае пытанне – мэта прапануемага артыкула. Матэрыялам паслужылі сучасныя мянушкі, сабраныя аўтарам артыкула, а таксама ўдзельнікамі абласнога завочнага конкурсу «Сучасная антрапанімія Віцебшчыны», які праводзіўся з 16 кастрычніка 2000 г. па 16 красавіка 2001 г. Віцебскім абласным аб'яднаннем па арганізацыі пазашкольнай работы з дзецьмі і падлеткамі сумесна з Віцебскім дзяржаўным універсітэтам імя П.М. Машэрава.

Мянушкі, як вядома, называюць чалавека паводле пэўных вызначальных, характарыстычных асаблівасцей. У залежнасці ад таго, якая рыса асобы падкрэсліваецца, вылучаюцца мянушкі:

1. Па рысах характару: а) жвавы: *Чыжык*, б) гаваркі: *Сарока*, *Птушка-Гаварун*; в) паліглот, усё ведае: *Знайка*, *Знахар*; г) надакучлівы, да ўсіх чапляецца: *Жэвчка*; д) з прычудамі: *Дзівак*; е) акуратны, далікатны: *Міледзя* (носьбітам гэтай мянушкі з'яўляецца мужчына); ж) хітры: *Ліса*; з) прыхільнік выпіўкі: *Мачыла* (параўн. *замачыць* 'адзначыць выпіўкай якую-небудзь падзею, справу і пад.' [1]), *Драбідан* (параўн. *напіцца ўдрабідан* 'быць вельмі п'яным'); і) той, хто ўвесь час камандуе, аддае загады: *Маёр* або *Маёрчык*, *Македонскі*; к) слабавольны: *Шланг* (аднавяскоўцы сцвярджаюць, што гэтым чалавекам можна вярцець, як *шлангам*); л) замаруджаны, каб нешта зразумеў, трэба доўга тлумачыць: *Пласцілін*; м) цікаўны, лезе ва ўсе справы: *Крыса*, *Бадун* (пра носьбіта апошняй мянушкі гавораць «да кожнага прыбадзёцца»); н) сэрцаед: *Халдзёй* (відаць, *халдзёй* па-мясцоваму 'хахаль', хоць у слоўніках лексема *халдзёй* фіксуецца са значэннем 'семіцкае племя, якое ў 2-м тысячагоддзі да н. э. жыло на ўзбярэжжы Персідскага заліва і ўтварыла Нова-вавілонскую дзяржаву' [1]); о) нехайная: *Саплёўка*; нехайная, сварлівая, нячыстая на руку: *Дзюндзя*.

2. Па росту і целаскладу: а) высокага росту: *Цыба* (параўн. *цыбаты* 'высокі, хударлявы', 'з доўгімі нагамі', *Вярзіла*, *Карандаш*, *Маркоўка*, *Каланча Тры Метры*, *Фунцік* (у аснове апошняй мянушкі назіраем з'яву антыфразіса – ужыванне слова ў супрацьлеглым значэнні); б) нізкага росту: *Макрыца*, *Паранёк*, *Метр У Копцы Два У Скачку*; в) тоўсты: *Сала*, *Пузыр*, *Булка*, *Коржык*, *Жабацинскі*; г) худы: *Спічка*, *Рахіт*; д) мажняя, напорыстая: *Столяцідзясятка*; е) шыракаплечы: *Кувалда*.

3. Па рысах твару: а) з вострымі рысамі твару: *Каршун*; б) шыракатвары: *Морда*; в) з доўгім носам: *Каркуша*; з доўгім і тоўстым носам: *Дзюба*; г) з вялікімі пярэднімі або верхнімі зубамі: *Заяц*, *Кролік*; д) з вяснушкамі: *Рабая*.

4. Па асаблівасцях галавы і яе частак, наяўнасці валасоў і іх колеры: а) з вялікай галавой: *Башка, Галавасцік*; б) з лысай: *Лысы*; в) з вялікімі адтапыранымі вушамі: *Лапух*; г) з маленькімі вушкамі: *Карнавушка*; д) па колеры валасоў: *Белы, Белка, Рыжая*; е) па колеры валасоў і скуры: *Цыганка, Саід, Рома, Басурман, Джахар* (усе носьбіты прыведзеных мянушак маюць чорныя валасы і смуглую скуру).

5. Па іншых фізічных асаблівасцях: а) крываногі: *Кавалерыя*; б) мілавідная: *Кукла, Лялька*.

6. Па фізічных недахопах і паталагічных адхіленнях: а) кульгавы: *Шлёп-Нага*; б) жанчына, якая прыжмурвае адно вока, бо яно хворае: *Камбала*; в) невыразна размаўляе: *Гугнавая*; г) заікаецца: *Траіла*; д) з дрэнным зрокам, у акуларах: *Лінза, Сава*.

7. Па прафесіі, роду заняткаў: *Соль-Вада* – такую мянушку далі працаўнікі фермы чалавеку, які, прыязджаючы да іх, кожны раз пытаўся: «Соль, вада ёсць?», бо вазіў гэта каровам і цялятам; *Гарманіст*; *Канюхоўскія Музыкі* – так называюць двух жыхароў вёскі Канюхова Глыбоцкага р-на, якія добра іграюць на гармоніках, таму іх часта запрашаюць на вясёлкі, вяселлі і іншыя святы; *Ляпіла* – чалавек, які ўмее класці («ляпіць») печы; *Камінар* – рабіў коміны ў печы; *Тачыла* – токар; *Сталярок*; *Баценька* – быў дырэктарам саўгаса; *Боцман* – служыў на марфлоце; *Булён* – быў поварам у арміі; *Парцёйка* – зараз пенсіянерка, а ў маладосці ўступіла ў партыю, была актывісткай; *Дэпутат* – некалі выбіраўся ў дэпутаты мясцовага савета; *Капітан* – у арміі меў званне капітана; *Калавурка* – жанчына, якая жыла каля царквы і «калавурыла» (ад рус. караулила 'вартавала') яе; *Новы Рускі* – займаецца прадпрымальніцтвам; *Інструктар* – працуе ў майстэрні; *Афіцэр Савецкай Арміі* – служыў за мяжой, мае званне старшага лейтэнанта, а калі падап'е, любіць гаварыць: «Я – афіцэр Савецкай Арміі!».

8. Па асаблівасцях з'яўлення і пражывання ў населеным пункце: *Бомж* – калі гэты чалавек з'явіўся ў вёсцы, то папаўзлі чуткі, што ён прыехаў з горада, бо яму там няма дзе жыць; *Куплёнка* – купіла ў вёсцы хату і пераехала ў яе; *Навасёліха* – прыезджая; *Канцавы* – жыве на канцы вёскі; *Марчулёніс* – прыезджы з Літвы; *Маскоўка, Руская* – прыезджыя з Расіі; *Капіталіст* – прыехаў з Англіі; *Малдова* – з Малдовы; *Скабарэк* – прыезджы з Пскоўшчыны.

9. Па незвычайных абставінах жыцця, а таксама ўчынках і паводзінах, не характэрных для іншых жыхароў вёскі: *Лятун* – чалавек, які вельмі хутка ездзіць на аўтобусе (аднавяскоўцы гавораць «лётае»); *Камендант* – жанчына, якую ў вёсцы ўсе паважаюць, заўсёды прыслухоўваюцца да яе парад; *Пінгвін* – паходка гэтага мужчыны, калі ён падап'е, нагадвае паходку пінгіна; *Сава* – цікаўная жанчына, якая назірае за ўсімі праз вокны; *Халтура* – прыхільнік «левых» заробкаў; *Шалашоўка* – жанчына лёгкіх паводзін; *Супер-Баба* – выходвае васьмярых дзяцей, прычым усе яны – ад розных бацькоў; *Курыца* – жанчына, якая вельмі марудна працуе, нібы курыца на сметніку капаецца; *Паранджа* або *Моўша* – мужчына, які часта ездзіць на кані, пры гэтым закутваецца ў самыя неверагодныя анучы; *Шалачка* – жанчына-модніца пажылога ўзросту; *Коцік* – калі спіць, то мурлыча, нібы кот; *Божы Адуванчык* – старая жанчына, якая фарбуе валасы ў рыжы колер; *Смерць* – дзяўчына вельмі баіцца смерці і ўсім пра гэта гаворыць; *Шлёпаўка* – старая жанчына, якой пры хадзе цяжка перастаўляць ногі, таму яна заўсёды шлёпае абуткам; *Дзядзя* – чалавек, у якога пляменнік аднаго ўзросту з ім; *Вургаўка* – хутка гаворыць, часам нават сама з сабой; *Дзядуля* – ажаніўся з жанчынай, у якой ужо былі ўнукі.

10. Па словах ў выразах, якія часта ўжываюць: *Мамачка*; *Панімаеш*; *Ужас*; *Ё-Маё*; *Зара* – носьбіт гэтай мянушкі замест слова зараз вымаўляе *зара*; *Пац-*

вяк – часта ўжывае слова лацвей ‘лепш, зручней’ [2]; *Зема* – мужчына, які ўсіх землякоў называе *земай*; *Брэйт* – чалавек, у сям’і якога ўжываецца выраз «тым часам *брэйт* з квасам».

11. Па схільнасці да прадуктаў харчавання: *Блін*, *Дранік* (пры ўтварэнні гэтай мянушкі слова *дранік* набыло пераноснае значэнне, якое і рэалізуецца ў антрапоніме, – ‘смачнае, лепшае’, таму што мянушка ўзнікла наступным чынам: у сям’і пасля жаніцбы двух старэйшых братоў застаўся толькі малодшы – любімчык маці, прыхільнік смачнай стравы).

Часта мянушка, якую далі чалавеку яшчэ ў дзіцячыя гады, суправаджае яго на працягу ўсяго жыцця. Звычайна штуршком для іх узнікнення служыць нейкая адметная падзея, факт, абставіны. Напрыклад, мянушку *Карпуша* далі хлопцу, які ў дзяцінстве злавіў плотку, але ўсім даказваў, што гэта *карп*. Зараз гэтаму чалавеку 25 гадоў, але ён усё роўна *Карпуша*. Мянушцы *Дзёдзя* каля 30 гадоў. А ўзнікла яна наступным чынам: яе носьбіт у дзіцячыя гады вельмі дрэнна вымаўляў сваё імя: замест *Сярожа* ў яго атрымлівалася *Дзёдзя*. Носьбіт мянушкі *Трын* у дзяцінстве вельмі любіў утвараць гукі «тр-р-р». Мянушку *Ксёніз* далі школьнікі свайму аднакласніку за тое, што таму падабалася насіць нацельны крыжык. Мянушку *Шпачок* атрымаў маленькі шчупленькі хлопец, які часта пачынаў бойкі з аднагодкамі.

Як вядома, кінематограф, эстрада, літаратура заўсёды аказваюць уплыў на склад антрапанімікону. Зараз гэты уплыў яшчэ больш узмацніўся. На Віцебшчыне выяўлена каля дзвюх дзесяткаў мянушак, утвораных ад імёнаў герояў кіна- і мультфільмаў, тэлесерыялаў і рэкламных ролікаў. Носьбітам такіх мянушак уласцівы тыя ж унутраныя або знешнія рысы, што і адпаведным героям. Прыводзім найбольш яркія прыклады, звязаныя:

а) з кінафільмамі: мянушку *Кір’ян* атрымаў малады чалавек, які сябраваў з дзяўчынай па імені *Анфіса* (успомніце *Кір’яна* і *Анфісу* – герояў кінафільма «Вечны кліч»). *Грышам* празвалі аднавяскоўцы мужчыну, які, як падап’е, мае страшны, ваяўнічы выгляд (успомніце эпізод у падземным пераходзе з фільма «Сем староў і адна дзяўчына», калі герой стаў ахвярай страшнага, высокага, мажнага *Грышы*, які ў момант удару кагосьці кулаком па галаве прыгаворваў: «Я – *Грыша!*»). Дзяўчыну, на футболцы якой выбіта лічба 13, аднагодкі сталі называць *Пятніца Трынаццатага* (нагадаем, што фільмы жахаў пад назвай «Пятніца 13-га» часта трансклююцца па тэлебачанні). Мянушку *Афоня* атрымаў чалавек, падобны на героя аднайменнага кінафільма. Мянушка ж *Шурык*, як нам падаецца, уласціва многім хударлявым *Аляксандрам* у акулярах;

б) з тэлесерыяламі: мянушка *Мама Чоля* ўзнікла пасля паказу мексіканскіх тэлесерыялаў, а атрымала яе неахайная жанчына, якая любіць мацярыцца. Дзяўчыну з прозвішчам *Герасімава* аднакласнікі называюць *Герэра Дэ Салінас*;

в) з мультфільмамі: мянушка *Вжык* або *Бжык* узнікла ў дзіцячым асяроддзі, у школе яе атрымаў хлопец, падобны на героя мультфільма *У.Дыснея* «Чып і Дэйл спяшаюцца на дапамогу», маленькі, худзенькі, вяртлявы. *Дзюймавачкай* называюць дзяўчынку нізкага росту, а *Віні-Пухам* – мужчыну з акруглымі формамі цела;

г) з рэкламнымі ролікамі: *Досяй* празвалі школьнікі паўнаватую дзяўчыну, а мянушку *Галіна-Бланка* атрымала дзяўчына па імені *Галіна*.

Выяўлена некалькі мянушак, у аснове якіх – знешняе або ўнутранае падбенства носьбіта з вядомай, папулярнай асобай. Напрыклад, у вёсцы *Трыполле Расонскага раёна* жыве чалавек, які носіць мянушку *Талвінскі*. Гісторыя яе узнікнення наступная. Калісьці ў гэтых краях жыў пан *Талвінскі* – багаты пан з вялікай гаспадаркай. Ён надоўга застаўся ў памяці старажылаў. Сён-

няшні *Талвінскі* таксама мае вялікую гаспадарку, што і стала вызначальным для таго, каб аднавяскоўцы далі яму такую мянушку.

Цікава, што ў гэтай жа вёсцы бытуе яшчэ адна мянушка, якая ўзнікла на аснове падабенства яе носьбіта з рэальна жывай асобай. У 30-я гг. XX ст. актывістка, якую звалі *Сабаліха* (відаць, таксама мянушка), агітавала жыхароў уступаць у калгасы. Сённяшняя *Сабаліха* – жанчына, якая, як сцвярджаюць людзі, вельмі падобная на тую, што 70 гадоў назад прапагандавала калгасны лад жыцця.

А вось носьбіт мянушкі *Рэнальда* – хлопец, які займаецца ў футбольнай секцыі і вельмі падобны на цэзку-футбаліста.

Часта штуршком для ўзнікнення мянушкі служыць не падабенства знешняга выгляду ці характару, а выпадковае супадзенне імёнаў або імёнаў і імёнаў па бацьку: жанчына па імені Ядвіга носіць мянушку *Паллаўская*, па імені Валянціна – мянушку *Церашкова*, хлопец па імені Канстанцін атрымаў у школе мянушку *Кастусь Каліноўскі*, а мужчына, якога завуць Аляксандр Сяргеевіч, – *Пушкін*. У студэнцкім асяроддзі ўзнікла мянушка *Гогаль-Могаль*: яе далі выкладчыку, імя і імя па бацьку якога супадаюць з імем і імем па бацьку пісьменніка – Мікалая Васільевіча Гогаля.

Але самымі частотнымі на Віцебшчыне з'яўляюцца мянушкі, утвораныя ад імёнаў і прозвішчаў.

Так, па ўсёй тэрыторыі распаўсюджаны мянушкі, што паходзяць ад прозвішчаў: *Крывы* – ад прозвішча Крывёнак, *Лопік* – ад Лапека, *Шашок* – ад Шашкоў, *Моня* – ад Манькоў, *Чарапок* – ад Чарапіцкі, *Ярмак* – ад Ермачонак і шмат іншых. На захадзе Віцебскай вобласці вельмі часта мянушкі жанчын утвараюцца ад іх прозвішчаў: *Лукшыха* – ад прозвішча Лукша, *Пратасіха* – ад Протас, *Макрэнчыха* – ад Макрэнка, *Новічыха* – ад Новік, *Курашыха* – ад Кураш.

Шмат жаночых мянушак, што паходзяць ад імёнаў і мянушак мужоў. Ад імёнаў утварыліся наступныя адзінкі: *Пеціха* 'жонка Пеці', *Сеньчыха* 'жонка Сенькі', а таксама *Лявоніха*, *Барысіха*, *Ніканорыха*, *Ільющыха*, *Валянцініха*, *Ніканіха*, *Дзёмчыха* і інш. Ад мянушак мужоў паходзяць антрапонімы *Каніха* 'жонка мужчыны па мянушцы Конь Дзеравянны', *Мамлочыха* 'жонка Мамлока' і інш.

Шэраг мужчынскіх мянушак узнікла ад імёнаў бацькі шляхам далучэння фармантаў -ёнак: *Апанасёнак* 'сын Апанаса', *Сяргяёнак* 'сын Сяргея', *Сяньчонак* 'сын Сенькі'; -ік: *Міцік* 'сын Міці'; -ян: *Талян* 'сын Толі'. Мянушкі жанчын, што паходзяць ад імёнаў бацькі, заканчваюцца, як правіла, на -ішка: *Сцяпанішка* 'дачка Сцяпана'; -оўна: *Цімхоўна* 'дачка Цімкі', *Якушоўна* або на -ова: *Паўлючкова* 'дачка Паўлючка'. У выпадку, калі дзіця выходзіла без роднага бацькі, яно атрымлівае мянушку па імені маці: *Марылішка* 'дачка Марылі', *Матрошка* 'дачка Матроны'.

Надзвычай рэдка назіраем утварэнне мянушак ад імёнаў іншых сваякоў – дзеда, цешчы, брата. Напрыклад, мянушку *Габрыэль* атрымаў малады чалавек, дзеда якога звалі Гаўрыла. Нетрадыцыйнай, можна нават сказаць унікальнай з'яўляецца мянушка *Маісёй*, якую далі зяцю па імені цешчы Маісы. У в.Лазічы Глыбоцкага р-на зафіксаваны адзінкавы выпадак, калі мянушка жанчыны ўзнікла ад імя брата: Марыю Пятроўскую (па пашпарту) мясцовыя жыхары завуць па брату Вацлаву – *Ваццокова*. Сярод прычын з'яўлення такой мянушкі яны называюць тое, што жанчына позна выйшла замуж. Відаць, у асяроддзі трэба было нейкім чынам адрозніць яе ад цёзак, а паколькі яна незамужняя, то наймення па мужу, якое даюць у такіх выпадках, атрымаць не магла. Таму і прызвалі яе па брату. Можна таксама выказаць здагадку, што

гэты брат чымсьці адметны ў вясковым асяроддзі, раз менавіта яго імя, а не імя, напрыклад, бацькі, паслужыла базай для ўтварэння мянушкі сястры.

Мода на замежнае, незвычайнае знайшла адлюстраванне ў мянушках, якія ўтвораны шляхам перадачы імёнаў і прозвішчаў іх іншамовнымі адпаведнікамі: ад імені дзеда Гаўрылы паходзіць мянушка ўнука – *Габрыэль*; дзяўчыну Кацярыну ў школе называюць *Катрын*; хлопец з прозвішчам Жэнаў носіць мянушку *Джон*.

Вылучаецца група мянушак, прычынай узнікнення якіх з'яўляецца нетрадыцыйны характар прозвішча, немагчымасць суаднясення яго з рэальнай з'явай або прадметам. У такім выпадку ў асяроддзі, у якім жыве носьбіт такога прозвішча, узнікаюць розныя, парой нават самыя неверагодныя, асацыяцыі, што і нараджае мянушкі. Прыводзім некалькі прыкладаў: мянушку *Зэдлік* атрымаў чалавек з прозвішчам *Рэдліг*, мянушку *Дранік* – носьбіт прозвішча *Драйліх*, мянушку *Чырвонец* – дзяўчына з прозвішчам *Дзесятнікава*.

Білінгвізм, імкненне перакласці імя або прозвішча з рускай мовы на беларускую або наадварот нарадзілі наступныя мянушкі: *Гузík* (яе носьбіт мае прозвішча *Пугаўка*), *Галінка А Па-руску Ветачка* (так называлі дзяўчыну па імені *Галіна*).

Як правіла, носьбітам асобна ўзятай мянушкі з'яўляецца нейкі адзін канкрэтны чалавек. Але на Віцебшчыне бытуюць мянушкі, якія можна ахарактарызаваць як сямейныя, бо яны ўласцівы ўсёй сям'і. Прыводзім некалькі такіх адзінак разам з кароткімі каментарыямі да іх. На Верхнядзвіншчыне жывуць сем'і з мянушкамі *Свісткі* (члены гэтай сям'і невысокага росту, пранырлівыя, цікаўныя), *Клапы* (бо пухленькія, чырванашчокія, злыя, куслівыя). На Глыбоччыне бытуюць наступныя сямейныя мянушкі: *Знахары* (усё пра ўсіх ведаюць), *Сядуны* (першы носьбіт мянушкі ў дзяцінстве доўга не хадзіў, а сядзеў), *Вурчакі* (незадаволеныя ўсім людзі, ад дзеяслова *вурчаць*), *Рулюкі* (першы носьбіт мянушкі пастаянна вытрымліваў пост, падчас якога ёў *рулі* – посную ежу).

Звычайна агульная сямейная мянушка адрозніваецца ў старэйшых і маладых, у мужчын і жанчын па форме. Напрыклад, у Азярэцкім сельсавеце Глыбоцкага р-на галаву сям'і завуць *Чорт*, яго сына – *Чарток*, а жонку *Чарціха*; у в.Роўнае Шумілінскага р-на бацьку клічуць *Бык*, а сына – *Бычок*, бацьку – *Пол*, а сына – *Папок*; у в.Лазічы Глыбоцкага р-на бацька носіць мянушку *Гармонік*, а яго дзеці – *Гармонічкі*; у в.Панамары Шумілінскага р-на гаспадыню называюць *Удава*, а яе дачку – *Удовішка*.

Нешматлікімі па колькасці з'яўляюцца мянушкі, якія ўяўляюць сабой агульныя назвы прадстаўнікоў асобных населеных пунктаў. У Глыбоцкім р-не, напрыклад, жыхароў в.Удзела ў акаляючых вёсках называюць *смялякамі*, бо раней тут была смалакурня. А жыхароў в.Крывічы ў в.Пліса гэтага ж р-на – *крывіцкія палонікі* або *лапонікі*, што абазначае 'людзі простыя, бедныя, няўмелыя'.

Калі населены пункт дзеліцца на часткі, якія маюць сваю назву, то нярэдка існуюць мянушкі ў жыхароў гэтых частак. Напрыклад, в.Забор'е Расонскага р-на дзеліцца на дзве часткі. Жыхароў адной часткі называюць *пашкоўцы*, бо яны ўсе носяць адно прозвішча – *Пашкоў*, а другой – *азяране*, таму што жывуць каля возера. Вёску Азярцы Глыбоцкага р-на населяюць *шанхайцы*, *партугальцы* і *хутаранцы*. Першыя з іх пражываюць у той частцы вёскі, якая тут завецца Шанхай, другія – у Партугаліі, а трэція – у новабудоўлях.

Апісваючы характар існавання мянушак, трэба сказаць, што адны з іх жывуць некалькі гадоў, другія – дзесяцігоддзі і знікаюць са смерцю іх носьбіта, трэція ж перадаюцца з аднаго пакалення ў другое. Напрыклад, *Сібіракамі* называюць ужо чатыры пакаленні роду Казінцоў (па пашпарту). З'явілася мя-

нушка пасля таго, як адзін з Казінцоў пражыў некаторы час у Сібіры ў свайго дзядзькі, а калі вярнуўся дадому, то аднавяскоўцы празвалі яго *Сібіраком*. У далейшым мянушка перайшла на ўвесь род. *Вялічкавы* – так называюць прадстаўнікоў роду Паджарых (па пашпарту). Першым гэтую мянушку атрымаў дзед, які адмаўляўся працаваць у калгасе на Вялікдзень (па-мясцоваму – *Вялічка*). Абедзве прыведзеныя мянушкі бытуюць у Антапольеўскім сельсавеце Чашніцкага р-на.

Як бачым, сучасныя мянушкі жыхароў Віцебшчыны даволі разнастайныя па характары і багатыя па ўнутранай форме. Яны адлюстроўваюць існуючыя сэнны рэаліі, паказваюць асаблівасці светаўспрымання беларусаў. Часам мянушкі маюць настолькі глыбокі падтэкст, што без падрабязных звестак пра іх носьбіта не могуць быць растлумачаны і зразумелы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*: У 5 т. Т. 5, кн. 2. Мн., 1984.
2. *Слоўнік гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*: У 5 т. Т. 2. Д-Л. Мн., 1980. С. 635.

SUMMARY

Modern nicknames of the Vitebsk region inhabitants are considered in this article. The article highlights the causes of their origin, the character of their basic feature, the peculiarities of their functioning on the territory under research. The author analyses personal nicknames, typical of the whole family or the kin. The interrelation between nicknames and the world outlook of the Belarusians is paid attention to.

Поступила в редакцию 21.11.2001

Генезис, развитие жанра фэнтэзи и его современное состояние

Предметом работы избран жанр фэнтэзи (в переводе с английского – значит «фантазия») в его функциональном аспекте. В качестве источников использованы тексты наиболее характерных русских авторов, что позволяет выявить специфику русского фэнтэзи (К. Бадигина, А. Белянина, А. Бушкова, В. Васильева, А. Зорича, Н. Перумова и др.).

Разработка жанра в критической литературе в настоящий момент явно недостаточна. Если для научной фантастики (далее НФ) есть уже библиографические сборники, то о фэнтэзи существуют лишь высказывания самих авторов в электронных и самиздатовских журналах либо всякого рода рецензии, кулуарные беседы на фэнзинах [1]. Приведем подобное мнение о термине фэнтэзи одного из фантастоведов, С. Соболева: «Фэнтэзи – представление урбанизированного человека техногенной цивилизации индустриального мира о быте, нравах и мифологическом сознании человека Средневековья» [2]. Под техногенной цивилизацией критиком понимается разрыв тесных связей с природой, попытка человека стать Господином. О. Мороз считает, что «...в фэнтэзи, как правило, начинают с чистого листа и строят новый мир. Он вполне может унаследовать некоторые черты нашего мира (намеренно или подсознательно), либо мира какого-либо иного литературного произведения, но это делается лишь для придания ему некоторого специфического запаха (flavor'a) узнавания» [3].

Особенностью фэнтэзи является отсутствие научности, всякого рода объяснений, технических теорий. Автору нет нужды объяснять детали нового мира, предполагается, что читатель знаком с ними, так как, «по договоренности», это мир – единственный.

Научные фантасты занимаются видоизменением уже существующего мира, при этом фантастика реализуется в различных приспособлениях. Классическим является также ограничение фантазии авторов научной правдоподобностью изобретений, а отсюда вытекает и явная прогностическая функция НФ. Авторы же фэнтэзи создают новое бытие, которое внешне мало отличается от НФ: по форме – это тот же слепок действительности. Правда, он слегка смещен в прошлое: его дух составляют средневековые легенды, фантазии, рыцарский кодекс чести, элементы быта. Но, если в средневековье все это было сутью, то в фэнтэзи – становится лишь фоном. В его пределах действуют другие (не средневеково-христианские) общественные, индивидуальные, пространственно-временные законы.

Проанализируем некоторые из них. 1. В средние века человек являлся природным существом, не выделяя себя как личность. – В фэнтэзи же главный герой – прежде всего личность, что чаще всего проявляется в конфликте с обществом. 2. Человек средневековья ставил во главу угла законы природы, космоса. – В фэнтэзи темой является защита традиционных устоев, но в процессе этого формируется личность боготорческого толка. 3. Жесткая зависи-

мость индивида от социальных условий в одном случае – и следование американской мечте, внутренний протест и громадный потенциал возможностей в другом. 4. Господство религии заменяется «практической магией», когда боги – лишь инструмент в руках людей. 5. Стабильность существующей Системы немыслима для фэнтези (функцией Героя является возрождение традиции либо ее уничтожение).

К жанру фэнтези не относятся рассказы о нашем мире (даже с чудесами), так как имеются реальные пространство и время. Нарушение одной из этих составляющих (например, времени у Г. Уэллса «Машина времени») и создает НФ, но не фэнтези. Переходными в этом смысле можно считать произведения «условного» фэнтези, когда читатель стартует в реальном времени и пространстве, а затем попадает в Волшебную страну.

Не являются фэнтезийными сказки о животных. Отметив генетическую связь такой сказки с волшебной сказкой, можно говорить о каком-то сравнении с фэнтези в случае с одной разновидностью сказок о животных: когда люди не удивляются, что беседуют с животными. Но, по сути – это еще один член социума (только «мохнатый»).

Четкость жанровой классификации требует введения еще нескольких терминов.

Здесь мы подходим к коренной разнице в произведениях фэнтези начала XX века и наших дней. В 1930-е годы человек воспринимался в Волшебной стране как пришелец, явление нового мира, а волшебные жители уступали ему место [4]. Вместе с ними уходило и волшебство вследствие известного взрыва научных открытий. В середине 1950-х годов последовала новая волна популярности жанра, которая не захотела мириться с тем, что Страна обетованная уже мертва. Было совершено то, что не решился сделать Д.Р.Р. Толкиен: человек объявлен естественным волшебным жителем. Тем самым с реальностью порвали окончательно.

Выделим поэтому такие понятия, как «толкиеновское» фэнтези, близкое к волшебной сказке (далее ТФ), и «классическое фэнтези» (далее КФ).

Выделим следующие черты своеобразия русского фэнтези:

1. Развитие жанра отразилось в заметной разнице с каноническими произведениями 1960-х годов, в которых произошел отход от традиций волшебной фольклорной сказки. Отечественные же авторы начали свои литературные опыты именно с канонических произведений в стиле Дж. Толкиена (конец 1980-х – начало 1990-х гг.). Эволюция к современному состоянию фэнтези заняла всего лишь пять лет, и с 1994–1995 гг. продолжатели Толкиена повторяют путь развития цивилизации Земли: арбалеты, огненные шары (читай ядра), чудо-амулеты, убивающие мгновенно и уничтожающие целые материки.

2. Пытается заявить о себе такая разновидность фэнтези, как «фолькфэнтези». Ее особенностью стал интерес к русскому фольклору. Происходит стилизация западных стандартов под русскую мифологию и демонологию.

Выделим основные разновидности в «направлении» «фолькфэнтези». *Псевдоисторическое* фолькфэнтези приближается по жанру к историческому роману, так как отличается от него упоминанием о языческих богах, приводит примеры их могущества. Вмешательство же богов в судьбу героев может быть истолковано и реалистически: не приказать пчелам напасть на врагов, а выпустить из ульев вблизи незнакомых по запаху людей и т.п. («Кольцо великого магистра» К. Бадигина). В том же произведении происходит и вовсе невозможная вещь для фэнтези – главный языческий жрец (аналог мага) мастер Бутрим втайне не верит в существование богов. *Техно-фолькфэнтези* находится на стыке «технопанка» и «классического» фолькфэнтези. Лешие, домовые, Баба-Яга и Кощей Бессмертный находятся в мире XX века и представ-

ляют фэнтези в произведении. По сути дела, это «технопанк», только в псевдофольклорной обработке (сочетание магии и техники). Общей чертой этой разновидности является «очеловеченье» образов, позаимствованных из славянской демонологии, придание им других (порой самых противоположных) свойств. Лешие и домовые покидают места своего обитания и устраиваются на работу, колдуны и вампиры помогают милиции ловить преступников, оборотни составляют элитное подразделение спецназа – «Дельта» («Сын дракона, внук дракона» А. Больных). Баба-Яга работает в местном отделении милиции в качестве «детектора лжи» («Тайный сыск царя Гороха» А. Белянина). Юмористическое фольклорное фэнтези использует фольклорные, литературные и современные черты для создания комического эффекта, не заботясь о правдоподобии или даже логике. Созданный мир сложно отнести к какой-либо разновидности. Это сплав фантастического и реального, где фэнтезийными являются отдельные явления (например, использование магии, наличие богов). Таким образом, подобное направление можно отнести к фэнтези лишь по формальному признаку. А. Бушков («Анастасия») придает черты французских мушкетеров средневековым рыцарям с русскими именами. Такие рыцари владеют магией, пользуются символикой СССР и являются пародией на феминистское движение. Также появляется черта, позволяющая отнести это произведение к течению «технопанк» – использование элементов одежды 20-го века (джинсы), остатков «древней» цивилизации (остовы самолетов, бензин, самодвижущиеся машины). Для мифологической подоплеки взяты сведения из псевдодревнерусской истории: «и разбил Великий Брег сатанинские полки Злых Татаровей у священного холма Бородино...». Собственно фольклорное фэнтези часто называется «фольклорным» направлением, стилизуясь в большинстве случаев и по содержанию. Наиболее частыми являются стилизации названий: сказка, быль. Так, Е. Власова озаглавила весь сборник рассказов «Сказка о...». Но стандартные фольклорные сказочные образы отсутствуют, и повествование построено на фэнтезийных образах: «Сказка о вампирше», «Сказка о дочери волшебника», «Сказка о леди Тумана». По форме же – это философские притчи на фэнтезийном материале и форме.

3. Такое течение фэнтези, как «технопанк» (с его разновидностью «киберпанк»), так же как на западе, благополучно скончалось, но в России остались обильные следы «технопанка» во вновь создаваемых произведениях (формальное сочетание техники и магии, где техника играет случайную роль). Заметим, что технику в средневековой обстановке нельзя рассматривать как явление НФ, поскольку последняя предполагает некоторую долю правдоподобия, пусть и в футурологическом плане. «Технопанк» в этом смысле «абсолютно» фантастичен (А. Тюрин, А. Лазарчук, В. Васильев, О. Авраменко). А. Бушков прямо называет магию наукой, волшебство которой свято лишь для черни. Всем же управляет точный анализ «мутации ген природы», при котором создать из воздуха здание – означает найти какую-то закономерность в строении мира («Сварог-1,2»).

Иногда «технопанк» занимается параллельным сосуществованием техногенной цивилизации и Волшебной Страны («Хроники Черного Замка» Р. Афанасьева, «Проклятие Диавардов» А. Бачило). Взаимопроникновение миров является следствием их однородности, разница малозаметна: вымирающие в лепрозории одновременно являются фэнтезийной расой, над которой тяготеет проклятие могущественного мага; маги, живущие в Черном Замке, на самом деле – путешественники, беглецы из гибнущего мира машин.

«Киберпанк» – это течение технопанка, которое занимается описанием и разработкой отношений, возникающих между человеком и информационной структурой, когда эта структура выходит из-под контроля человека. «Кибер-

панк» включает сеть Интернет в обиход как разумное существо либо человека в структуры Сети. Электронное пространство наделяется свойствами времени, места. Такой подход к созданию миров позволяет отнести «киберпанк» к жанру фэнтези. Отличием является следующее: «строительный материал» для фэнтези был реален (средневековые реалии и мифология как отправная точка), поэтому опосредованная связь с действительностью сохранялась. «Киберпанк» же пытается создать свой мир на неизвестной, а потому и чуждой основе («Принц Госплана» В. Пелевина).

Как явление литературы, это было скорее всплеском, нежели тенденцией. К 2000 году эти две разновидности стали угасать, реализуясь следами техники в КФ. Причем, чтобы не нарушить средневековые реалии действие подводится вплотную к 16–17 векам (например, ткацкие станки), избегая огнестрельного оружия («Анастасия» А. Бушкова). Порох часто появляется как едкий порошок для вспышки, «горючий песок», используется «греческий огонь».

4. Разновидность жанра НФ – «боевая фантастика» (Ю. Петухов, И. Гетманский) – в отдельных случаях примыкает к «технопанку». Развитие техники Земли в будущем перерастает понимание обычного человека, и вновь появляются Избранные (черта «технопанка»). Планетарный масштаб отступает перед некими Силами, присутствующими везде, когда расстояние между звездами становится условным. Мир вновь обретает целостность (черта фэнтези), и оказывается, что им управляют вовсе не законы логики. Появляются образы Тьмы и Света, Закона и Хаоса, что позволяет воспринимать научно-фантастическую оболочку лишь как декорации для мира, который создается заново (В. Головачев).

Материалом для общих теоретико-литературных выводов стали произведения классического фэнтези (КФ), где характерные черты жанра проявлялись наиболее ярко. Необходимыми нам показались уместные параллели с толкиеновским фэнтези (ТФ), где впервые был поднят вопрос о теории жанра, а также с пограничными явлениями фэнтези. Последнее служит целью оттенить своеобразие КФ.

Рассмотрим идейный план произведений русского фэнтези.

Цели героев

1. Для ТФ характерна власть над разрушающимся миром (конкретной землей), одобренная порцией христианской морали. После приведения окружающего в порядок и потери «невинности» жизнь продолжается. Другие миры возможны, но овладение ими слишком сложно, да и мораль запрещает, т. е. экспансия останавливается этикой.

2. В КФ власть достигается ради власти, когда важен сам процесс. Если для толкиеновских героев обладание властью – тяжелое бремя, то здесь – власть становится новым идолом мира. Даже могущественные Силы не хранят Равновесие, а готовы забыть о нем, обречь мир на катастрофу ради вселенного господства.

3. Овладение «формирующими» («Сын сумерек и света» О. Авраменко) в «технопанке» (таинственными информационными процессами Сети в киберпанке – «Техники Киева», «Сердца и моторы» В. Васильева) не меняет сути дела – все это лишь средство для достижения «классической» фэнтезийной цели – власти над миром. Отметим, что истоки «киберпанка» («Принц Госплана» В. Пелевина) примыкают в этом смысле к НФ, так как ставят вполне философские задачи осмысления своего места в мире, постижения запутанных противоречий современности. К «киберпанку» это произведение позволяет отнести углубление в компьютерный антураж, создание Виртуальной Реальности, пусть и во сне.

Мифология

1. Главным мифологическим подтекстом в ТФ является противостояние

Добра и Зла. Строго очерченные границы не позволяют героям идти на компромисс, так как это автоматически переносит их в противоположный лагерь. Последствия такого шага сказывались вполне эпически – поколениями народ отщепенца так и считался отверженным (гоблины, орки у Толкиена). Кроме этого, в ТФ заметна абстрактность борьбы персонажей на чьей-то стороне. Люди – игрушки в руках загадочных сил, инструмент. Целью героя становится угадать предназначение и слиться с волей этих сил – тогда успех будет обеспечен. «Своеволие» возможно, но карается полной неудачей всех планов «непокорного».

2. КФ сохранило приоритет «границ», но добавило массу оттенков «серого», что косвенно отражает тенденции XX века к психологизации прозы. Стало возможным искать свою позицию в противостоянии Сил, а кара или награда за это распространялась на действительно виновных (стандартно злобные гоблины и орки могут быть нейтральными к бывшим врагам, а иногда и помогать им). Подлинно эпическая бесстрастность заменилась «пристрастностью» авторов XX века. Эмоции нередко нарушают все планы судьбы и являются новым фактором в развитии мира. Либо человек успешно вмешивается в планы богов (и даже предначертанные судьбой), либо боги становятся подобиями людей. Тогда и Темный Властелин вызывает жалость, так как его Зло проявляется в нарушении этических границ, а иногда является средством для достижения благих целей (продолжение «Властелина Колец» Н. Перумова).

К. Еськов пошел еще дальше. Он попытался создать эпос, полностью противопоставленный пафосу «Властелина Колец» Толкиена. Теперь герои, да и сам автор, целиком на стороне Саурона и Темных Сил. Чтобы избежать фэнтезийного «сатанизма», идеалы были перевернуты с ног на голову, а эльфийские источники о зверствах орков названы ложью: «Свободный Человек вежливо, но твердо отверг родительскую опеку Небожителей и начал жить своим умом». Таким образом, очевидные богоборческие мотивы реализуются в довольно оригинальной оболочке.

Заметим, что влияние литературного процесса XX века оказалось в этом смысле недолговечным, и к концу 90-х годов КФ вернулось к положениям времен Толкиена. Человечность приобретает отвлеченный характер, герои сами становятся богами или убивают их. Добро возводится в ранг идеологии, ему ставят памятники, а за «отклонение» от официального взгляда следует наказание, более сильное, чем со стороны Зла. Характерно появление богоборческих и даже сатанистских мотивов, когда Злу находят оправдание (более поздние «Летописи Хьерварда» того же Н. Перумова).

3. «Технопанк». Заметно следование этого направления фэнтези общим закономерностям КФ. Различному состоянию мира придается божественность: присутствует Закон, который в своем стремлении подчинить себе весь мир действует в лучших диктаторских традициях; Хаос (традиционный взгляд ТФ с примесью христианского отвращения и ужаса в духе Данте); Сумерки (занимающие компромиссную позицию, а потому и наиболее выгодно смотрящиеся) («Сын сумерек и света» О. Авраменко). В. Васильев дополняет это структурное «троемирие» еще одной полностью нейтральной силой – высшей урбанизированной цивилизацией, ставящей отвлеченный эксперимент («Клиники»). Но аналогом технологических артефактов становятся магические предметы (мечи), что, как известно, полностью совпадает с традициями ТФ и КФ. Таким образом, «триумвират» остался неизменным, поскольку механическое расчленение одной из Сил нововведения не составляет.

Рассмотрим образы произведений русского фэнтези.

Чудовища. Эта группа выделена в единое целое в силу своих ярко выраженных отрицательных качеств. Немаловажной стала ориентация на «негуманоид-

ность» (отсутствие основных признаков человеческой расы) и единичность (отсутствие вариаций генов в потомстве). Последнее не исключает появление чудовищ группами и даже полчищами. Речь идет об осознании себя как единого разумного целого, что свойственно народам в фэнтези. Общим является подразделение чудовищ на два вида: «телесных» и «духов». Внутри направлений они могут различаться: а) по размерам и ужасности производимого впечатления (ТФ); б) в сторону изощренности разновидностей (КФ). Вот яркий пример «доступно ужасного»: «Голова Скользяго была похожа на голову кобарской рептилии, начисто лишена всякой растительности и покрыта мелкой чешуей грязно-зеленого цвета... Длинный и острый крысиный нос оканчивался блестящим раздвоенным жалом» («Странствия Сенора» А. Дашкова).

КФ, конечно, использует стандартных великанов, демонов, но придает им черты примитивности. Более опасными становятся те монстры, у которых спрятаны первичные признаки Зла, а внешняя безобидность оказывается часто роковой для дилетанта-мага. Так, А. Дашков создает «черного лебедя», смертоносные удары клюва которого остановить не в силах опытный воин. Методично монстр выклеывает глаза у человека, и даже отрубленная голова не мешает «аисту» двигаться («Звезда Ада»).

Тот же автор делает еще одно нововведение: появляются существа, ранее бывшие людьми («Странствия Сенора»). Здесь акцент сделан на психологическом эффекте брезгливости: «у ног Сенора копошилось уродливое существо с человеческими головой и торсом, переходящим в короткое и толстое змеиное тело. У существа не было ног. Младенческие ручки бессильно скребли по полу». Подобное состояние в ТФ являлось следствием несправедливой жизни, постепенной деградации («Человек-пес» у Толкиена). КФ достигает этого направленными магическими опытами магов над их врагами. Роль судьи, вершителя судеб берет на себя человек.

«Нежить». ТФ трактует «нежить» как неповоротливых, дурно пахнущих созданий разной степени «поднятости» из могилы. Их свойствами является неуязвимость для обычного (немагического) оружия и патологическая ненависть ко всему живому. КФ в данном случае не отступило от стандарта, развиваясь в сторону разнообразия. Ведьма как злой дух, а не тело, способна не только поднять мертвеца, но и вселиться в него. Причем управление идет не только телом (традиция ТФ), но и воспоминаниями, чувствами. Такое создание, «нава», пытается заманить живого мужа подальше от магического костра («Ведьмин век» у М. и С. Дьяченко).

Оборотни. Старинное использование оборотничества в КФ и ТФ имело два плана. Один из них стал всеобщим – человеческий, а со вторым было сложнее. Это мог быть представитель животного мира (чаще волк – «волколак»), растительного (друиды). Человеческий облик являлся основным, и долгое пребывание в другом виде влекло наказание – потерю себя как человека. Общеизвестны также повышенные физические возможности и долголетие оборотней, патологическая боязнь ясеня и осины, креста и серебра.

Оборотничеству ТФ всегда придавала отрицательный характер (едва ли не единственным исключением является образ Берена у Толкиена в «Хоббите»). Второе тело служило темным силам, так как было сильнее человеческого. КФ рассматривает оборотничество как еще один способ существования, проявление множественности форм. И если ранее оборотень считался изгоем среди людей, так как выделялся волшебностью превращений, то КФ считает такое волшебство обыденным, и для его сотворения не нужно прыгать через пень. Это стало формой жизни всего мира.

Иногда оборотень мог совмещать более двух личин, что приравнивается к потенциальному магу («Звезда Ада» А. Дашкова). Главный герой этого произ-

ведения – Люгер-стервятник мог находиться в трех личинах: человека, стервятника, пса. Смерть обитателей мира Люгера в одном теле означала лишь то, что жизнь продолжалась в двух оставшихся. Имеющие от рождения два тела считаются примитивными дикарями с агрессивными устремлениями (хорошо известные еще из ТФ оборотни-волки).

«Технопанк», со своей традицией изменять свойства привычных вещей, разнообразил палитру. Теперь появились люди-драконы, люди-скелеты и т.п. («Сын дракона, внук дракона» А. Больных).

«Новорожденные».

1. КФ часто создает свой набор чудовищ, не имеющих аналогов в ТФ. Е. Вартанова придумывает глубоководное животное, взбирающееся на палубу кораблей и убивающее прикосновением – йоко («Рон»). В. Вотрин упоминает об опасном чудовище бинфэне – двуголовой вепре («Человек бредущий»). Н. Перумов придумывает хоботяр (сущест, размером со слона, но состоящих только из ноги и хобота), жуков-стеноломов (увеличенная копия жуков-навозников), шестилапых зубачей (смесь огромного комара и пасти акулы), клювокрылов (небольших птеродактелей), червей в руку толщиной, броненосцев (увеличенный земной аналог) и «просто» ногогрызов, брюхоедов, голопастей...

Так, баньши – это дух, созданный тьмой. Во всем он является противоположностью драконам, порождениям огня. Это предвестник смерти, и крик его, раздающийся утром и вечером, сокращает жизнь всех слышавших его.

Нередки и заимствования из мировой мифологии, литературы: сфинксы; Призрак, который бродит по Европе, циклопы, сирены, Дикая Охота.

2. «Технопанк» использует технику или ее аналоги, когда создается пространство или описывается время мира, но чудовища традиционны для КФ. Различия касаются их функций, внешнего облика. Так, О. Авраменко вводит псевдохристианский образ Карателя – Карающего Ангела. По своим функциям он явно ассоциируется с Неназываемым в христианстве, а потому вполне относим к разряду чудовищ («Сын сумерек и света»). Его задача – уничтожение, а не возмездие, что дает возможность Тьме использовать Карателя в своих целях. Не менее неоднозначен образ Хозяйки Источника. Изначальной установкой является служение источнику чистой энергии, но скука меняет ее, и нормой уже становится требование человеческих жертв, чтобы совершить обряд.

А. Больных на помощь спецотряду КГБ приводит ангелов, херувимов, «престолов» наряду с вампирами, упырями, вурдалаками. Все они подчиняются колдуну-человеку и также используются для карательных целей («Сын дракона, внук дракона»). Вредоносным является уже факт их присутствия в боевых операциях; дело усугубляет слияние монстров в отряд, что многократно усиливает эффект (в КФ и ТФ все это были существа-одиночки, отступление от гармонии Волшебной Страны, ошибки магов). Теперь перед нами политизированное объединение, являющееся частью государства. Таким образом, Злу придается законный характер, а демонология становится наукой.

3. В «киберпанке» компьютерные программы-убийцы наделяются мифологическими свойствами, что проявляется в ряде названий: Цербер, демоны. Информационные ловушки при этом сравниваются с сетями пауков, где, по сути, пауком является уже человек («Сердца и моторы» В. Васильева). Тяготение к фэнтезийным аналогам очевидно, что позволяет не выделять такие образы как новое явление. Новыми чудовищами становятся также и разумные машины («дикие грузовики», «самовырачивающиеся танки», «неприрученные линкоры»). Они являются придатками Виртуальной Реальности, ее рецепторами, слугами.

Герои-люди.

1. Отметим в «классическом» фэнтези разработанную систему челове-

ских образов, так или иначе связанных с колдовством. Представителем светлых или неоднозначных сил является волшебник. Темным оттенком окрашены названия «колдун», «чернокнижник», а «варлок» является исчадием ада. В целом, это могут быть а) представители Сил; б) помощники-друзья; в) враги.

2. В КФ нет второстепенных персонажей, как у ТФ. Каждый из героев – точка на линии судьбы мира. Эпичность достигается не ограничением важности того или иного персонажа, а обстановкой, мифологическим подтекстом. Встреченный торговец на улице может оказаться тем, кто через 20 лет спасет жизнь главному герою.

В. Вотрин в «Человеке бредущем» делает Каскета, обычного вора, вершителем судьбы всего мира. Когда Локи, бог из скандинавской мифологии, доберется до священной рощи, погибнут последние защитники мира перед лицом Хаоса. Боги сделали все, чтобы это не произошло, но не учли маленькой детали. Каскет в своем странствии увидел пустоту мира, шаблонность и ограниченность людей, магов и богов и подсказал дорогу Локи к священной роще.

3. «Технопанк» (так же, как и «киберпанк») «солидарен» в свете вышесказанного с ТФ, так как одним из характерных признаков направления является «избранность» персонажа благодаря его врожденным способностям. В мирах О. Авраменко Властелины рождаются в прогрессии 1/1000 обычных людей. В. Васильев наделил «техников» долголетием, передающимся генетически, и даже вывел новую расу будущих богов – «лонгеры» (долгоживущие смертные). Путешествующие в мире Сети без обязательных для всего человечества приспособлений не нуждаются в них благодаря редкому сочетанию генов.

Характерно видоизменение некоторых типажей волшебников в «технопанке». Небезызвестные вампиры, появившиеся еще в готических романах, становятся энергетическими. Таким образом, вред наносится уже не физическому телу, а астральному. Само театральное действие запугивания и укуса сохраняется, но даже процесс борьбы с вампирами становится метафизическим. Охотник более не полагается на чеснок или крест, а сам переходит в астральное тело и, по сути, производит те же действия – выпивает душу. Палач поэтому сам становится похожим на свои жертвы («Огонь повсюду» А. Белаша, «Астрал» Р. Афанасьева).

Позаимствованные «технопанком» образы из реалий XX века благодаря ассоциативным связям дублируют оригинал, не создавая, в принципе, нового. Известный конфликт гвардейцев кардинала и мушкетеров короля (А. Дюма) сохраняется в повести А. Бушкова «Анастасия». Только теперь гвардейцы называются Красными Дьяволятами, носят нашивки Советской Армии и распевают песню пионеров «Взвейтесь кострами...». Диссиденты у Бушкова также являются изгоями, так как «кушают из духа противоречия неприличную пищу» – кукурузу. Необычность сочетаний создает эффект, но не Волшебную Страну. Именно поэтому «технопанк» остался лишь бурным всплеском в фэнтези, попыткой гротескного отображения современности.

Рассмотрим пространственно-временные черты произведений русского фэнтези.

1. *Магический арсенал.* Магия (в узком смысле) представляет собой действия волшебника, которые меняют мир с целью захвата или удержания власти. Чары же – действия волшебного существа. Они отличаются от магии, так как создают вторичный мир в Волшебной стране на определенное время. Практически, это аналог искусства

И магия, и чары объединяются общим понятием «заклинания». В ТФ заклинания основаны на использовании определенной стихии, часто «благоклонной» для определенного народа. Слова священны, передаются в неприкосновенности как святыня. В КФ волшебба абстрактна, черпает энергию из

«воздуха». Ее слова можно творить, переписывать. Иначе какой стихии «предписать» заклятье «лояльности», накладываемое на раба его господином?

Заклинания подразделяются на заклятья, боевую и защитную магию, эльфийскую магию, магию работ (кузнеческую, строительную и т.д.), школы стихий, древнюю магию. Отличия есть и по технике колдовства: мастера иллюзий, некроманты, призыватели духов, друиды, целители... Как видим, разграничение заклинаний будет надуманным из-за неоднородности материала. Ограничимся поэтому лишь упоминанием характерных особенностей заклинательного процесса для каждого из направлений фэнтези.

ТФ обязательно требовало каких-либо пасов руками или других действий, что находится в русле фольклорной традиции, когда ведьмы собирают корешки и травы. Как правило, движения лишь дополняют магические действия артефакта (посоха, меча) и отдельно такого же эффекта не вызывают (вечная боязнь волшебников потерять какую-нибудь могущественную вещь). КФ абстрагировало этот процесс, и большинство действий производится «в уме». О трудности колдовства читателю скупо сообщает лишь бледность, испарина, остекленевший взгляд. Труд мага стал интеллектуальным, теперь для него необходимо понимание сути строения мира, и простое владение артефактом не дает гарантии успеха. Наоборот, в неумелых руках такой предмет может стать разрушителем мира. Неизбежное углубление в процесс колдовства создает причудливые формы «дородовой магии», с помощью которой заклинание воздействует на плод. В результате получаются «особи» с заданными свойствами (непостижимо быстрые воины клана Ястребов у А. Дашкова в «Звезде Ада»).

В «киберпанке» чудесными являются действия людей, работающих в Сети. Для обычного человека необходимы различные приспособления, обеспечивающие контакт с ней. «Кудесники» связываются с Сетью ментально посредством словесных формул, приравниваемых к заклинаниям КФ.

2. Артефакты – это всегда единичные предметы. В ТФ важны отрицательные артефакты, так как положительные служат средством их уничтожения. В КФ положительным артефактам уделено больше внимания, так как неправильное их использование может означать конец мира. Часто поиск вещи становится целью всей жизни положительного (или около) героя (традиция М. Муркока). В ТФ встречаются факты сотворения артефактов. Для людей это недоступно, и сделать волшебный меч, кольцо Силы могут народы, сами являющиеся волшебными. КФ артефактам большого значения не придает, так как предпочитает пользоваться заклинаниями.

Артефактами могут быть предметы быта: кубок-зеркало у Е. Венгеровой, выполняющий старые функции сказочного «свет-зеркальца»; кристаллы того же назначения («Рон»). Функции артефакта могут выполнять самоцветы, камни, вобравшие за века существования колдовскую силу. «Звезда Ада» А. Дашкова – рубиновый самоцвет в форме капли. При соединении его с загадочным «небесным драконом» мир возвратится в Хаос.

Общей тенденцией «технопанка» является стандартизация и регламентация магии, сведение ее к роду профессии. Влияние единообразия бетонных коробок XX века отразилось во всякого рода запретах: «использование магических приемов без лицензии запрещено» («Техник Большого Киева» В. Васильева); «практическое колдовство без патента и надзора властей было запрещено»; маги работали в «региональном институте паранормальных исследований» («Огонь повсюду» А. Белаша). В последнем случае даже президент страны – колдун средней руки.

Этот аналитический обзор жанра фэнтези, разумеется, выборочен и дает представление лишь об основных тенденциях в его развитии и современном

состоянии. Но, учитывая не разработанность к настоящему времени общей концепции данной литературоведческой (точнее: литературно-критической) проблемы, мы позволяем себе надеяться на определенный интерес, который статья может вызвать у читателей, несмотря на глубоко личный взгляд на некоторые черты пока еще молодого, но перспективного жанра фантастической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитонов Е.В. Фантастика на страницах периодики: (Опыт библиографии). Вып. 1: 1990–1991. М., 1992. – 82 с.
2. Соболев С. О фэнтези // Даэсти, 1995, № 6. С. 51.
3. Мороз О. Споры, размышления // Танелорн, 1995, №2. С.31.
4. Толкиен Дж.Р.Р. Сильмарилон. Статьи и письма. М., 2000. – 428 с.

SUMMARY

The article deals with the questions of how fantasy genre exists in modern literature. Such brunches of the genre as «classical fantasy», «folkfantasy», «technopank», «kiberpank» are analyzed.

Поступила в редакцию 5.01.2002

УДК 882 (091)

А.В. Карпенко

Эволюция строфических форм поэзии О.Э. Мандельштама

Естественной единицей стихотворной речи является стих; стихи группируются в сложные единства – строфы. «Строфа, – по мнению Б. Томашевского, – есть высшее стиховое единство, осуществляемое средствами организации в ритмические группы звучащего (ритмико-интонационного) материала речи» [1]. С точки зрения М. Гаспарова, «строфа – группа стихов, объединенных каким-либо формальным признаком, периодически повторяющимся из строфы в строфу» [2]. К. Вишневский считает, что «одним из признаков строфического стиха является его цикличность», при которой легко выделяются фрагменты, «которые при наложении друг на друга совпадают» [3]. Таким образом, строфа – это сочетание строк по определенной рифменной формуле, чаще всего повторяющееся в стихотворении. Наряду с понятием «строфа» М. Гаспаров предлагает термин «строфоид», то есть «строфа непостоянной длины» [2, с. 425]; стихотворения, состоящие из строфоидов, представляют собой промежуточные формы между строфическими и астрофическими стихами.

Строфика – наиболее автоматизированный отдел поэтики; процессы изменения в области строфики идут очень медленно, и появление новых строф всегда обращает на себя внимание. Но новые строфические формы, как правило, остаются строфами единичного употребления и редко используются другими поэтами, если они не закреплены поэтической традицией. Тем не менее, строфический репертуар намного разнообразнее, чем метрический, «в отличие от более или менее стабильной метрики, строфика постоянно находится в движении» [3, с. 140]. Наряду с самыми распространенными видами

строфы в русском стихосложении – четверостишием, шестиштишем и восьмиштишем – существует множество экспериментальных видов строф, закрепленных либо за индивидуальным авторским стилем, либо за определенной поэтической школой.

Поиски новых видов строф связаны, как и поиски новых метрических формул, с попытками преодолеть отжившие формы и обнаружить неавтоматизированные формы выражения. Эти попытки обновления и разрушения автоматизма восприятия идут по двум направлениям: создание новых экспериментальных строф и обращение к старым, забытым видам. В целом для русской строфики характерна четность строк в строфе, но русская силлаботоника продуктивно разрабатывала и формы «нечетнострочной строфики» [4]. Гаспаров, характеризуя строфику русской силлаботоники, указывает на наиболее продуктивные строфические формы XVIII–XX веков [5]. Так для времени Г. Державина и М. Ломоносова наиболее продуктивными являлись катрен *abab*, шестиштиши *ababcc* и *aabccb*, восьмиштиши *ababccdd*, десятиштиши *ababccdde*; Державин экспериментировал с двенадцатиштишем. Во времена В. Жуковского и А. Пушкина появляются нечетнострочные строфы: пятиштиш с формулой *AbAAb*, семиштиш *AAbCCCb*, девятиштиш *AbAbCdCCd*, но нечетнострочные строфы создаются за счет удвоения строк из четверостиший, шестиштишей и восьмиштишей. В период творчества Н. Некрасова и А. Фета исследователи отмечают оскудение строфики, ведущей становится тенденция к упрощению, «катрен с перекрестной рифмовкой вытесняет все остальные строфы» [5, с. 199]. Самым важным экспериментом этого времени было открытие «вольных строф» – равных по числу стихов, но разных по рифменной формуле, что нарушало композиционную симметричность. Для рубежа веков в области строфики характерно обращение к традиционным строфам, возрождение астрофизма XVIII века, расцвет твердых форм – строф, в которых традицией определены объем и рифменная формула, – и создание экспериментальных строф. Как мы уже говорили выше, процессы изменения в области строфики идут очень медленно и количество строфических форм немногочисленно. Все строфические формы Мандельштама хорошо вписываются в следующую, предлагаемую нами классификацию:

- 1) однострофные стихотворения (сюда мы включаем и твердые формы);
- 2) многострофные равноразмерные с постоянной рифмовкой (строфы при наложении друг на друга совпадают);
- 3) многострофные равноразмерные с переменной рифмовкой (где строфы имеют равное количество стихов, но разные рифменные формулы);
- 4) многострофные разноразмерные (стихотворения, состоящие из строфоидов).

Астрофических стихотворений у Мандельштама мы не выделяем (рассматривать двадцатитрехштише «Если б меня наши враги взяли...» в качестве астрофического нам кажется нецелесообразным, так как на протяжении всех периодов творчества Мандельштама нам не встретилось ни одного астрофического стихотворения, и поэт, не разделив его по рифменным формулам на строфы или строфоиды, безусловно, видел его цельной одиночной строфой, так как в нем есть только одна концевая точка – формальный признак конца строфы).

Мы исследовали использование строфических форм у Мандельштама по периодам, выделили существенные изменения и проследили эволюцию строфических форм поэта в отношении традиции русской силлаботоники и экспериментов нового времени.

Наибольшее количество стихотворений, написанных Мандельштамом за все периоды творчества, являются многострофными равноразмерными с постоянной рифмовкой – 289 стихотворений (67%). На втором месте по обра-

щаемости к ним поэта стоят однострофные формы – 66 стихотворений (16%). Многострофные разноразмерные и многострофные равноразмерные с переменной рифмовкой используются примерно одинаково – 40 и 36 стихотворений соответственно (9%–8%). Многострофные разноразмерные стихотворения не занимают у него исключительного места, как, например, у Ф. Тютчева, с творчеством которого обычно сопоставляется творчество Мандельштама (21 % от всех строфических конструкций). По подсчетам В.И. Славецкого, у А. Пушкина и Н. Некрасова подобных строф по 4% [6]. Если во все периоды многострофных равноразмерных с постоянной рифмовкой форм больше всех остальных, то обращение к другим формам изменяется на протяжении всего творческого пути поэта. Так, в ранний и акмеистический периоды Мандельштам чаще обращается к многострофным равноразмерным с переменной рифмовкой, в постакмеистический период – к однострофным. В период формального эксперимента однострофные и многострофные равноразмерные с переменной рифмовкой формы вообще отсутствуют; из 23 стихотворений 20 являются многострофными равноразмерными с постоянной рифмовкой и 3 – многострофными разноразмерными. В период «возвращения к поэзии» резко увеличивается число однострофных форм – 30% от всего количества стихотворений и увеличивается число многострофных разноразмерных – 10%. В поздний период многострофные разноразмерные формы составляют 22%, однострофные – 18%, а многострофные равноразмерные с переменной рифмовкой – 9%. Как мы можем заметить, последний период творчества Мандельштама в использовании строфических форм наиболее разнообразен.

Использование однострофных форм у Мандельштама связано с канонизацией фрагмента как художественной формы, вошедшего в русскую поэтическую традицию из немецкой поэзии, в частности из лирики Г. Гейне, через творчество Ф. Тютчева. «Фрагментарность, малая форма, сужающая поле зрения, необычайно усиливает все стилистические ее особенности» [7]. Верхней границей одиночных строф К. Вишневский считает восемь строк, а формы с большим количеством строк называет астрофическими [3, с. 50–51], мы же полагаем, что и десятистишие, и одиннадцатистишие, и шестнадцатистишие, встречающиеся у Мандельштама, следует рассматривать в качестве однострофных форм, так как неделение стихотворений на строфы заключает авторскую волю и отвечает композиционным задачам сохранения единства произведения.

«Априори мы совершенно убеждены в том, что самой распространенной строфой является четверостишие. Так оно есть и на самом деле; рядом с четверостишием по продуктивности стоит восьмистишие, чаще всего построенное как сдвоенное четверостишие. Немногом меньше и шестистиший» [3, с. 50], – утверждает К. Вишневский. Такие же строфические предпочтения мы наблюдаем и у Мандельштама: четверостиший у него 18, восьмистиший – 17, шестистиший – 6, десятистиший – 4, шестнадцатистиший – 3.

Среди однострофных стихотворений встречаются у него и нечетнострошные: трехстишие (1), пятистишие (2), семистишие (1), одиннадцатистишие (3). Десятистиший у Мандельштама нет, «о непопулярности десятистишных строф свидетельствуют строфические указатели, охватывающие произведения ряда поэтов, в которых обнаруживается либо полное отсутствие, либо минимальное присутствие данных форм у поэтов» [4, с. 142]. Одиннадцатистишие не являются открытием Мандельштама, так как с ним экспериментировал М. Лермонтов, к творчеству которого интерес у Мандельштама возникает именно в последний период его творчества, но рифменная формула одиннадцатистишия Мандельштама не повторяет лермонтовского одиннадцатистишия, названного в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского в одном ряду

с самыми видными строфическими формами. Как мы можем заметить, и в области строфики Мандельштам использует уже готовые, наиболее распространенные в поэтической традиции формы. Ю. Левин, характеризуя строфику Мандельштама, указывает на увеличение нечетности строк у позднего Мандельштама: «Концентрация нечетнострочных стихотворений у позднего Мандельштама уникальна» [8].

Проанализировав использование строфических форм у Мандельштама, мы получили результат, расходящийся с положением, выдвинутом данным исследователем поэтики Мандельштама: на ранний период творчества процент нечетнострочности в однострофных стихотворениях и многострофных равноразмерных составляет 4%, у позднего – 5%. Рассмотрев многострофные разноразмерные, мы получили следующие цифры: 29% – у раннего Мандельштама и 29% – у позднего Мандельштама. В действительности у Мандельштама увеличивается количество стихотворений, состоящих из строфоидов, но это не нарушает традиций русского классического стиха, где разноразмерность строф традиционно использовалась для придания стиху говорной интонации. Так, В. Холшевников указывает на то, что «ораторский стих либо нестрофичен, либо тяготеет к крупным строфам, по большей части несимметричным» [9]. А в интонационном отношении стих Мандельштама, как уже говорилось выше, мы определяем как говорной. Таким образом, эволюции в сторону нечетнострочности у Мандельштама мы не обнаружили.

Мы отнесли к однострофным формам явления твердой формы – произведения, построенные по заранее определенному образцу, хотя формально они состоят из нескольких строф с заданной конфигурацией строк и рифмы. Для Мандельштама вопрос о твердой форме ограничивался формой сонета, других явлений твердой формы среди его стихов не наблюдается, хотя период рубежа веков характеризуется именно обращением ряда поэтов к забытым твердым формам. У Мандельштама встречается 11 сонетов; 6 из них написаны в акмеистический период, что мы связываем с усиленным вниманием акмеистов к технике стиха, и 5 – в период «возвращения к поэзии», что соотносится с увлечением итальянской поэзией: они являются вариациями сонетов Ф. Петрарки. В 6-ти сонетах, созданных в акмеистический период, даны разные вариации рифм, ни один не повторяет другой, что свидетельствует об искусственном характере происхождения данных стихотворений.

Если опираться на теорию о филологическом характере поэзии Мандельштама, то возникает вопрос: почему поэт равнодушен к твердой форме, разработка которой является одним из показателей «неоклассицизма» автора? Разработке сложнейших и изысканнейших строф отдали дань такие филологически ориентированные поэты начала XX века, как В. Брюсов и Вячеслав Иванов. Отсутствие интереса Мандельштама к твердой форме мы связываем с предпочтениями Мандельштама в сфере классического русского стиха и разработке традиционных строф русской поэзии, менее всего семантически отягощенных, поскольку твердые поэтические формы носят отчетливый заимствованный характер и окружены определенным семантическим ореолом, который мешает созданию новых смыслов.

Большинство стихотворений Мандельштама – это многострофные равноразмерные. Пользуясь разными формами рифмовки (смежной, перекрестной, охватной), создавая строфы с постоянной рифмовкой и переменной, Мандельштам определяет конфигурацию стихов с разнообразными рифменными формулами строфы. Строфа обычно определяется последовательностью рифмы; в основном Мандельштам оперирует двумя видами рифм – мужской и женской. Рифм дактилических у него мало, а гипердактилические являются редким исключением, мы нашли единичные случаи их использования в стихах

позднего периода. Простейшей стихотворной строфой является двустишие, подобными строфами у Мандельштама организовано 20 стихотворений. Наиболее распространенной формой двустиший является александрийский стих – шестистопный ямб с парной рифмовкой; Мандельштам не использует александрийский стих, хотя упоминает о нем в стихотворении «Я не увижу знаменитой «Федры»...». Чаще всего Мандельштам пользуется цепочкой двустиший на сплошную мужскую рифму *аа* – 13 стихотворений, большая часть которых написана трехсложными размерами, 2 стихотворения на сплошную женскую рифму *АА* и 1 стихотворение – на сплошную дактилическую *аа*. Двустишия по частоте обращения к ним Мандельштама стоят на втором месте после четверостишия. Трехстишие используется Мандельштамом в 6-ти стихотворениях, в 3 стихотворениях это терцеты с формулами *ааа* и *ХХХ*, в 3 рифмуется третий стих строф. В русской классической традиции наиболее заметной оказалась русская терцина, связанная с дантовской традицией, примечательно, что Мандельштам, при всем его интересе к творчеству Данте, в своей художественной практике терцин не применяет.

Самый распространенный вид строфы в русской силлаботонике – четверостишие, оно является и самым распространенным видом строфы у Мандельштама (269 стихотворений представляют собой организацию катренов). С точки зрения рифмовки возможны только три основных типа построения четверостиший: перекрестные, охватные и смежные. Из стихотворений с постоянной рифмовкой у Мандельштама преимущественно и применяются четверостишия перекрестной рифмовки. «В катренах перекрестной рифмовки как образцово-классическая состоялась форма *AbAb*, свободно допускалась конфигурация *aBaB*, не возбранялись и избегающие альтернанса (чередования мужских и женских рифм) построения: *ABAB*, *abab*» [34, с. 128]. Именно так выглядит и использование четверостиший у Мандельштама: мы обнаружили четверостишия перекрестной рифмовки, замыкаемые мужским стихом *AbAb* (121 стихотворение), в три раза меньше замыкаемых женским стихом *aBaB* (42 стихотворения), на сплошную женскую и сплошную мужскую рифмы написано по 15-ти стихотворений. Таким образом, мы видим, что наиболее продуктивными у Мандельштама выступают классические строфические формы. Вариантов четверостиший у Мандельштама реализовано 14, в ранний период – 12 вариантов, что связано с ученическим характером первых стихотворений; в акмеистический период он использует 9 вариантов; в постакмеистический интерес к строфическому разнообразию резко падает, он реализует лишь 4 варианта; в период формального эксперимента – 6 вариантов; в период «Московских стихов» – 8 вариантов, а в период «Воронежских тетрадей» – 9 вариантов. Наиболее популярным после вариантов с перекрестной рифмовкой являются четверостишия с опоясывающей рифмовкой, ими написано 12 многострофных равноразмерных стихотворений с постоянной рифмовкой и 11 – однострофных. Вариантов с дактилической рифмой в поэзии Мандельштама немного, как и самой дактилической рифмы: *abba* (2), *abab* (10) *aBaB* (1) и *AbAb* (1). В русской классической поэзии четырехстопный ямб с рифменной формулой строфы *AbAb* является опознавательным признаком «пушкинского канона» [4, с. 117], данным условиям у Мандельштама отвечает 31 стихотворение (¼ к общему количеству), что наглядно показывает, как велика сила традиции в поэзии.

Среди стихотворных строф в многострофных равноразмерных стихотворениях с постоянной рифмовкой у Мандельштама встречаются также пятистишия (5), шестистишия (6), восьмистишия (17) и двенадцатистишия (2). В многострофных равноразмерных и однострофных формах используется 5 вариантов пятистиший, 3 стихотворения написаны пятистишиями с формулой

AbAAb, возникшими из перекрестных четверостиший за счет удвоения 3-ей строки и наиболее распространенными в русской поэзии, 6 вариантов шестистиший и 2 варианта двенадцатиштиший. Следует остановиться на восьмиштишных строфах, так как они, безусловно, выступают наиболее продуктивной строфой у Мандельштама в многострофных равноразмерных и однострофных формах после катрена (34).

Вариантов восьмиштиший у Мандельштама – 8; для организации восьмиштиший характерно соединение двух четверостиший перекрестной рифмовки с заключительным мужским стихом AbAbCdCd (24 стихотворения). В период «возвращения к поэзии» Мандельштам создает цикл из четырнадцати стихотворений, носящих философский характер, и дает ему название «Восьмиштишия». Л. Тимофеев отмечает, что «из восьмиштиший наиболее распространена октава: строфа из восьми строк; первые шесть дают перекрестную рифмовку, две последние – парную» [10]; у Мандельштама октав нет вообще, так как, по-видимому, октава поэтом воспринималась в качестве твердой формы, а подчеркнутую «холодность» поэта к твердым формам мы уже рассматривали выше.

Стихотворений с переменной рифмовкой, так называемых «вольных строф», у Мандельштама 36, по 10 стихотворений приходится на ранний, акмеистический и поздний периоды, по 3 – на постакмеистический и период «возвращения к поэзии». Обычно это двустрофные, трехстрофные или четырехстрофные стихотворения, в которых поэт использует разные рифменные формулы, нарушая тем самым симметричность стиха. В постакмеистический период написана ода «Зверинец», состоящая из 6 вольных восьмиштиший, в период «Московских стихов» – стихотворение «Ариост» из 9 вольных катренов и «Канциона» из 7, а в период «Воронежских тетрадей» – стихотворения «Гончарами велик остров синий...» и «День стоял о пяти головах» из 5 вольных катренов и стихотворение «Чтоб, приятель и ветра и капель...» из 6. Но «вольные строфы» с середины XIX века прочно закрепились в русском стихе, и использование их Мандельштамом, безусловно, не носит экспериментальный характер, хотя употребление их в стихотворениях, состоящих более чем из 5 строф, показывает внимание Мандельштама в последние периоды творчества к некоторому строфическому эксперименту. Интересно, что «Ариост» имеет «двойчатку» под тем же названием, написанную катренами с постоянной охватной рифмовкой.

Среди стихотворений Мандельштама 40 являются многострофными разноразмерными, причем интерес к такой строфической организации вырастает у Мандельштама в последние два периода творчества, что связано с закреплением в его творчестве говорной разговорной интонации. В первые четыре периода творчества стихотворений - организаций строфоидов у Мандельштама 3 – 2 – 1 – 3 соответственно, в период «Московских стихов» – 9, а в период «Воронежских тетрадей» – 22. Многострофными разноразмерными у Мандельштама обычно бывают стихотворения крупной формы: «Нашедший подкову», «Полночь в Москве», «Еще далеко мне до патриарха...», «Сегодня можно снять декалькомани...» и «Стихи о неизвестном солдате». Многострофные разноразмерные стихотворения у Мандельштама могут представлять собой правильное чередование двух видов строфоидов или беспорядочное, разных по своему строению строфоидов, подчеркивающее контрастность их тематики и интонации. Предпочтение строфоидных форм астрофическому стиху является индивидуальной особенностью Мандельштама и, как мы считаем, связано с поэтической интонацией его произведений и тяготением к использованию наиболее закрепленных в русской традиции строфических форм.

Мы имеем достаточно ограниченный репертуар циклических форм стихотворений – от двустрофных до десятистрофных. Стихотворение «Голубые глаза и горячая лобная кость...» состоит из 12 двустиший с рифмовкой аа, а «Стихи о неизвестном солдате» из 24 строфоидов. Длина стихотворений увеличивается у Мандельштама от периода к периоду: в ранний репертуар циклических форм включает формы от двустрофных до семистрофных, в акмеистический и постакмеистический – от двустрофных до восьмистрофных, но следует учесть, что в третий период увеличение объема стихотворений идет за счет употребления восьмистиший, во время формального эксперимента – от трехстрофных до девятистрофных, «Московских стихов» и «Воронежских тетрадей» – от двустрофных до десятистрофных. Больше всего встречается у Мандельштама четырехстрофных стихотворений с постоянной и переменной рифмовкой (102) – наиболее продуктивная форма строфических единств в русской поэзии; на втором месте по частоте использования стоят трехстрофные единства, продолжающие тютчевскую традицию (99); на третьем месте располагаются двустишия (64), их почти столько же, сколько и однострофных стихотворений (66). Как мы можем заметить, несмотря на использование строфических единств до десятистрофных форм, Мандельштам все-таки остается приверженцем «малой формы».

Итак, в творчестве Мандельштама мы не обнаружили такого разнообразия строфических форм, которое характерно для большинства поэтов начала XX века. Это не было предметом его творческого задания. Чаще всего Мандельштам использует строфические клише, оставаясь приверженцем традиционных, наиболее употребляемых классических форм стиха, распространенных в русской поэзии послепушкинской эпохи, не имеющих явного семантического ореола. Тем не менее создается впечатление, что его поэзия отличается строфической изобретательностью, так как творческая переработка традиции, наполнение классических форм новым содержанием, и есть подлинное новаторство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томашевский Б.В.* Строфика Пушкина // *Томашевский Б.В.* Пушкин. М., 1990. С. 288–483.
2. *Гаспаров М.Л.* Строфа // ЛЭС. М., 1987. – 752 с.
3. *Вишневский К.Д.* Архитектоника русского стиха XVIII – первой половины XIX века // *Исследования по теории стиха.* Л., 1978. С. 48–66.
4. *Илюшин А.А.* Русское стихосложение. М., 1988. – 168 с.
5. *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. М., 1974. – 488 с.
6. *Славецкий В.И.* К вопросу о содержательности строфической композиции лирического стихотворения // *Русское стихосложение.* М., 1985. С. 83–94.
7. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. – 574 с.
8. *Левин Ю.И.* О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // *Жизнь и творчество О. Мандельштама.* Воронеж, 1990. С. 406–416.
9. *Халшевников В.Е.* Основы русского стихосложения. Л., 1972. – 168 с.
10. *Тимофеев Л.И.* Основы теории литературы. М., 1976. – 548 с.

S U M M A R Y

In the given article the author analyzes evolution of the poetic of Mandelstam. The poet uses traditional forms of the strophe in all periods of creativity.

Поступила в редакцию 30.01.2002

А.К. Бружас, Г.С. Петкевич

В ожидании «встречного течения»: литовско-белорусские литературные связи 1980/90-х годов

В новых изданиях, посвященных науке о литературе, отмечается, что в XX веке сделано многое для адекватного описания такого эстетического объекта, каким является литературное произведение. В соответствии с уровнем развития литературоведения усложняется предмет и задачи *сравнительных исследований литератур*. Установление фактов внешних контактов, влияний и заимствований сигнализирует нам о глубинных процессах литературного развития и позволяет перейти от изучения внешних проявлений к анализу первопричин и сущности художественных явлений. Констатация типологической общности также дает возможность говорить о своеобразии исторической поэтики, перейти от рассмотрения отношений внутри литературы к ее связям с другими литературами, от них – к общим литературным отношениям с определением места национальной литературы в мировом литературном процессе.

Белорусский писатель И. Мележ как-то подметил: «Мне кажется, что в жизни моих героев-белорусов было немало общего с жизнью их соседей литовцев...» [1]. О такой «общности» можно говорить и нам, литературоведам. Между Литвой и Беларусью вполне естественны литературные «переключки»: сходство сюжетных разработок, сближение композиционных структур, типология героев... «Точек пересечения» довольно много. Отметим, что все эти литературные связи охватывают две основные группы – контактные и генетические. Контактные связи в литературоведении еще называются историко-культурными. Литературные темы, мотивы, сюжеты, идеи, а с ними жанры и стили кочевали, передавались и усваивались как с помощью личных контактов, так и через посредников. В этой связи следует упомянуть войны, торговлю, дипломатические отношения. Взаимообмен духовными ценностями ускоряли чтение в переводах и на языке оригинала, совместные печатные издания. Естественно, что для возникновения контактов обязательна внутренняя потребность, а такое «встречное течение» (А. Веселовский) было обусловлено всей историей Литвы и Беларуси. Генетические внутринациональные связи возникают в результате общего культурного наследия, полученного от прошлого (этническое родство, близость исторических судеб). Наиболее ощутимо это проявляется в поэтике фольклора. Общеизвестно, что влияние фольклора на литературу в Беларуси и Литве оказалось более мощным и плодотворным, чем у иных соседей. Белорусы и литовцы до середины XX века сохранили в живом бытовании многие древнейшие жанры и сюжеты, дохристианские верования, архаичные поэтические образы. В двух соседних республиках в последние десятилетия появилось немало интереснейших работ о связи духовных ценностей и фольклора. Увлеченно и убедительно пишет об этом белорусский исследователь Владимир Конон в книге «Ля вытокаў самапазнання. Станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору» [2]. Одна из основных проблем, которая рассматривается ученым в данной работе, – исследование специфики проявления и развития народных идеалов. Определяя место фольклора в системе духовной культуры, автор отмечает, что гуманистическое мировоззрение, которое утверждалось в духовной культуре XX столетия и впервые проявилось в различных литератур-

но-художественных и философских направлениях (символизм, экзистенциализм и др.), оказалось повторением ранее полузабытой и не всегда популярной идеи единства человека и природы, восприятия человеческой личности как самоцели, а не только как утилитарного средства, идеи, которая лежит в основе традиционных жанров фольклора. Немало культурологических и историко-литературных работ посвящено данной проблеме и литовскими авторами. С точки зрения современного исследователя С. Гайжонаса, национальное своеобразие литовской литературы как классической балтийской литературы обусловлено ее «ценностным центром – дайной» [3]. Специфическое значение дайны заключается, по мнению С. Гайжонаса, в том, что она содержит в себе «старый национальный мирозобраз» [3, с. 248], который так или иначе входит в мирозерцание разных художников.

Однако, имея такой богатейший материал для исследований, специальных работ, посвященных изучению литовско-белорусских литературных связей, было очень мало. Можно назвать лишь некоторых авторов, изучавших этот материал: Ад. Мальдис, Ал. Лапинскене, Б. Масенене, П. Ужкальнис, В. Банайтис, А. Гардицкий... Одной из книг, пользующихся спросом у компаративистов и по сей день, является монография А. Лапинскене и А. Мальдиса «Литовско-белорусские литературные связи» (Минск, 1988 г.; Вильнюс, 1989 г.) [4]. Авторы в хронологическом порядке рассмотрели развитие литовско-белорусских связей с XVI в. до 80-х годов XX в. Контактные связи и проблемы перевода, тематический анализ и типологические параллели – вот аспекты, пристально исследуемые авторами... Но уже прошли 1980-1990-е годы, встретили XXI век, а новых работ на горизонте подобных компаративистских исследований пока не появилось. Почему? В первую очередь, следует отметить, что и Литва, и Беларусь находятся сейчас на новых «исторических ступенях» (независимые республики). В такие периоды каждая литература стремится еще раз оглянуться назад – может, что незаслуженно забыто, может, что в новом свете видится по-другому... Идет, если можно так выразиться, «большая стирка» в каждой отдельной семье, и пока не до соседей.

Еще одной из причин является то, что в последнее время некоторые литературоведы традиционную (неоклассическую) прозу причисляют к текстам, «отдающим дань лукавству и лицедейству» [5]. Забывается, что характерной особенностью литературного процесса 1980-90-х годов являлось углубление нравственных исканий, глобальная постановка вопроса об истинных духовных ценностях как отдельного человека, так и общества. Стремление понять, зачем человек приходит в этот мир, в чем смысл его существования, какими нравственными законами должен он руководствоваться в жизни, – кардинальные задачи литературы этого времени. В эти годы она активизировалась в связи с резким усложнением картины мира. Решительный пересмотр представлений и взглядов, еще недавно казавшихся незыблемыми, – причина и углубленного самоанализа, и драматизма нравственных конфликтов многих произведений. Белорусские и литовские авторы, разные по складу своего художественного мышления, тяготели к определенным тематическим и художественным коллизиям; в частности, проявляли повышенный интерес к социально-нравственным проблемам, приемам и стилям, способным передать «исторический излом», противоречивость и динамику жизни, ее драматический характер. Отсюда в структуре их произведений – усложненность композиции с различными планами повествования, сближение и сопряжение различных временных планов, с различными видами внутреннего монолога и многими другими формами, приемами и способами, которые диктовались объектом изображения, помогая глубже и разностороннее раскрыть самое существенное в этом мире и человеку. Вот где настоящий простор для литературоведов-компаративистов.

Важно отметить и то, что литература 90-х годов с еще большим трудом поддается схематизации. Она необычайно многообразна в стилевом и жанро-

вом отношении. Писатели начинают создавать свой собственный мир с присущими ему законами, освобождаются от жанровых стандартов, реализуют тягу к оригинальности. Отсюда возникают непривычные жанровые образования, стираются границы между ними. То есть, можно говорить, что литература стремится к жанровой относительности. Поэтому применять к сегодняшней литературе старые традиционные критерии уже невозможно. Видимо, литературоведам придется еще разобраться в парадоксальных и сложных связях между уровнем развития «своей» литературы и уровнем «своего» общественного развития. В такой ситуации, как мы отмечали, не до соседей.

Еще одна сторона сегодняшней литовской и белорусской литературы – ее пестрота и многообразие. Рядом с произведениями действительно талантливыми, высокохудожественными растет поток подделок, которые отвечают лишь испорченному лепим читовм вкусу так называемого «массового читателя». В критике конца 1990-х гг. не раз высказывалась мысль о том, что «литература – наконец-то – перестала быть учебником жизни», но, думается, что лучшие произведения всегда будут обращены к чувствам и душе человека, всегда будут воспитывать эстетический вкус и нравственные идеалы. Думается, что и существенной целью современной компаративистики должна быть именно эстетическая оценка.

Обратимся еще к одной самой продуктивной форме литературных связей – переводу. Конечно, каждая эпоха обогащает возможности национального языка и создает свое представление о «хорошем переводе». В плане сравнительного изучения литератур особый интерес представляют те изменения (а они неизбежны!), которые произошли не в результате несоответствия языковых систем, а в силу индивидуальной интерпретации оригинала переводчиком. Что же мы имеем на сей день в этой области? С 1945 года по 1990 год в Вильнюсе были переведены и изданы 51 белорусский автор, в Минске – 35 литовских авторов. А за последние 10 лет нам достаточно для подсчета, как говорят, пальцев одной руки: 1990 г. – В. Адамчик «Год нулевой» – переводчик Е. Легуте; 1994 г. – В. Короткевич «Дикая охота короля Стаха» – переводчик А. Лапинскене; 1995 г. – В. Быков «Альпийская баллада», «Волчья стая» – переводчик А. Антанавичюс; 1997 г. – В. Ковтун «Крест милосердия» – переводчик А. Лапинскене; 1999 г. – С. Алексеевич «Чернобыльская молитва» – переводчик А. Лапинскене.

Не лучше обстоят дела и с прямыми контактами писателей. В Вильнюсе побывали В. Ковтун, В. Быков, Р. Бородулин, А. Рязанов, Г. Далидович, А. Вертинский, О. Ипатова, К. Лелько и С. Законников. Таким образом, заключение напрашивается само собой: «встречное течение» ждет продолжения диалога, пора бы литературоведам начать «возделывать» столь плодотворную ниву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мележ І. Збор твораў: У 10 т. Мінск, 1979-1985. Т.9, 1984. – 542 с.
2. Конон В. Ля вытокаў самапазнання. Станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору. Мінск, 1989. – 238 с.
3. Гайжюнас С. Культурныя традыцыі ў літаратурах балтоў. Вільнюс, 1989. – 293 с.
4. Лапинскене А., Мальдис А. Литовско-белорусские литературные связи. Вильнюс, 1989. – 285 с.
5. Барт Р. S/Z. М., РИК «Культура». Ad Marginem, 1994. С. 7.

S U M M A R Y

The authors in the article investigate development of the relations between Lithuanian and Belarusian literatures in the years 1980-1990. The attempt to analyse the reasons of some «weakening» of the relation was done. The authors underline actuality of the problem.

Поступила в редакцию 15.05.2002

О смежных классах конгруэнции полиадической группы

Первой работой, посвящённой конгруэнциям n -арных групп, была статья Монка и Сиосона [1], в которой они установили перестановочность конгруэнций произвольной n -арной группы. Много полезной информации о конгруэнциях n -арных групп имеется в книге [2], где в частности доказано, что для каждой n -арной группы все смежные классы по одной и той же произвольной конгруэнции имеют одну и ту же мощность. Оба отмеченных свойства справедливы для любого $n \geq 2$, т.е. являются общими для групп и n -арных групп ($n \geq 3$).

Конгруэнции групп обладают ещё одним очень важным свойством: любой смежный класс конгруэнции группы можно выразить через один и тот же смежный класс этой же конгруэнции. А именно, через смежный класс, содержащий единицу группы и являющийся нормальной подгруппой в группе. n -Арная группа, как известно, может не обладать единицей. Более того, существуют n -арные группы, обладающие нетривиальными конгруэнциями, но не имеющие собственных n -арных подгрупп. И тем не менее, следующая теорема утверждает, что любой смежный класс конгруэнции n -арной группы ($n \geq 3$) можно выразить через один и тот же смежный класс этой же конгруэнции. Среди многочисленных следствий этой теоремы содержится и отмеченный выше результат из [2].

Теорема 1. Пусть $\langle A, [ ] \rangle$ – n -арная группа, ρ – её конгруэнция, $a_1, \dots, a_{n-2} \in A$, $i \in \{0, 1, \dots, n-2\}$. Тогда

$$\rho(x) = [xa_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2}]$$

для любого $x \in A$, где

$$c = [\bar{a}_1^{n-3} a_1 \dots \bar{a}_1^{n-3} a_1 \bar{a}_{n-2}^{n-3} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1}^{n-3} a_{i+1}]$$

Доказательство. Если $y \in \rho(x)$, то по лемме 9.7 [2] $(\bar{x}, \bar{y}) \in \rho$. Так как в A существует элемент z такой, что

$$y = [xa_1 \dots a_i z a_{i+1} \dots a_{n-2}],$$

то из последнего равенства, учитывая $(x, y) \in \rho$, $(\bar{x}, \bar{y}) \in \rho$, получаем

$$([\bar{a}_1^{n-3} a_1 \dots \bar{a}_1^{n-3} a_1 \bar{y} \bar{y} \bar{y} \bar{a}_{n-2}^{n-3} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1}^{n-3} a_{i+1}],$$

$$[\bar{a}_1^{n-3} a_1 \dots \bar{a}_1^{n-3} a_1 \bar{x} \bar{x} [xa_1 \dots a_i z a_{i+1} \dots a_{n-2}] \bar{a}_{n-2}^{n-3} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1}^{n-3} a_{i+1}]) \in \rho,$$

откуда

$$([\bar{a}_1^{n-3} a_1 \dots \bar{a}_1^{n-3} a_1 \bar{a}_{n-2}^{n-3} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1}^{n-3} a_{i+1}], z) \in \rho,$$

т.е. $z \in \rho(c)$. Следовательно,

$y = [x a_1 \dots a_i z a_{i+1} \dots a_{n-2}] \in [x a_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2}]$
и доказано включение

$$\rho(x) \subseteq [x a_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2}].$$

Пусть теперь

$y \in [x a_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2}]$, т.е. $y = [x a_1 \dots a_i z a_{i+1} \dots a_{n-2}]$
для некоторого $z \in \rho(c)$. Тогда из последнего равенства, учитывая $(c, z) \in \rho$,
 $(\bar{c}, \bar{z}) \in \rho$, получаем

$$\begin{aligned} & ((y \bar{a}_{n-2} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1} a_{i+1} \bar{c} c \bar{a}_i a_i \dots \bar{a}_1 a_1), \\ & \quad [x a_1 \dots a_i z a_{i+1} \dots a_{n-2}] \bar{a}_{n-2} a_{n-2} \dots \\ & \quad \dots \bar{a}_{i+1} a_{i+1} \bar{z} z \bar{a}_i a_i \dots \bar{a}_1 a_1) \in \rho, \\ & ((y \bar{a}_{n-2} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1} a_{i+1} \bar{c} c \bar{a}_i a_i \dots \bar{a}_1 a_1), x) \in \rho. \end{aligned}$$

Так как последовательность $a_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2}$ – нейтральная, то обратная к ней последовательность

$$\bar{a}_{n-2} a_{n-2} \dots \bar{a}_{i+1} a_{i+1} \bar{c} c \bar{a}_i a_i \dots \bar{a}_1 a_1$$

так же является нейтральной. Поэтому доказано $(y, x) \in \rho$, т.е. $y \in \rho(x)$. Следовательно,

$$[x a_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2}] \subseteq \rho(x).$$

Из доказанных включений следует требуемое равенство. Теорема доказана.

Аналогично доказывается двойственная теорема.

Теорема 2. Пусть $\langle A, [ ] \rangle$ – n -арная группа, ρ – её конгруэнция, $a_1, \dots, a_{n-2} \in A, i \in \{0, 1, \dots, n-2\}$. Тогда

$$\rho(x) = [a_1 \dots a_i \rho(c) a_{i+1} \dots a_{n-2} x]$$

для любого $x \in A$, где c тот же, что и в предыдущей теореме.

Если в теоремах 1 и 2 положить $a_1 = \dots = a_{n-2} = a$, то

$$c = [\underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_{n-2}] = \bar{a}.$$

Поэтому имеет место

Следствие 1. Пусть $\langle A, [ ] \rangle$ – n -арная группа, ρ – её конгруэнция, $a \in A, i \in \{0, 1, \dots, n-2\}$. Тогда

$$\rho(x) = [\underbrace{x a \dots a}_i \underbrace{\rho(\bar{a}) a \dots a}_{n-i-2}] = [\underbrace{a \dots a}_i \underbrace{\rho(\bar{a}) a \dots a}_{n-i-2} x]$$

для любого $x \in A$.

Если в теоремах 1 и 2 положить

$$i \in \{0, 1, \dots, n-3\}, j \in \{i+1, \dots, n-2\},$$

$$a_1 = \dots = a_i = a_{i+1} = \dots = a_{j-1} = a_{j+1} = \dots = a_{n-2} = a, a_j = \bar{a},$$

то, используя лемму 2.4 [2], получим

$$\begin{aligned} c &= [\underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_i \underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_{n-j-2} \bar{a} \bar{a} \underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_{j-i-1}] = \\ &= [\underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_{n+i-j-2} [\underbrace{a \dots a}_{(n-3)(n-1)+1}] \bar{a} \bar{a} \underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_{j-i-1}] = \end{aligned}$$

$$= [\underbrace{\bar{a} a \dots \bar{a} a}_{n-3} \underbrace{a}_{n-3} \underbrace{a \dots a}_{(n-3)(n-2)+1} \bar{a}] = a$$

Поэтому имеет место

Следствие 2. Пусть $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, ρ – ее конгруэнция, $a \in A$, $i \in \{0, 1, \dots, n-3\}$, $j \in \{i+1, \dots, n-2\}$. Тогда

$$\rho(x) = [\underbrace{xa \dots a}_{i} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{j-i-1} \underbrace{\bar{a} a \dots a}_{n-j-2}] = [\underbrace{a \dots a}_{i} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{j-i-1} \underbrace{\bar{a} a \dots a}_{n-j-2} x].$$

Если в теоремах 1 и 2 положить

$$i \in \{1, \dots, n-2\}, j \in \{1, \dots, i\},$$

$$a_1 = \dots = a_{j-1} = a_{j+1} = \dots = a_i = a_{i+1} = \dots = a_{n-2} = a, a_j = \bar{a},$$

то снова $c = a$ и имеет место

Следствие 3. Пусть $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, ρ – ее конгруэнция, $a \in A$, $i \in \{1, \dots, n-2\}$, $j \in \{1, \dots, i\}$. Тогда

$$\rho(x) = [\underbrace{xa \dots a}_{j-1} \underbrace{\bar{a} a \dots a}_{i-j} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{n-i-2}] = [\underbrace{a \dots a}_{j-1} \underbrace{\bar{a} a \dots a}_{i-j} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{n-i-2} x].$$

Если в обоих равенствах следствия 1 положить $x = a$, то получим

$$\rho(a) = [\underbrace{aa \dots a}_{i} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{n-i-2}], \rho(a) = [\underbrace{a \dots a}_{i} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{n-i-2}],$$

где $i = 0, 1, \dots, n-2$. Поэтому имеет место

Следствие 4. Пусть $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, ρ – ее конгруэнция. Тогда

$$\rho(a) = [\underbrace{a \dots a}_{i} \underbrace{\rho(\bar{a})a \dots a}_{n-i-1}]$$

для любых $a \in A$, $i \in \{0, 1, \dots, n-1\}$.

Полагая в следствии 2 $x = a$, получим

Следствие 5. Пусть $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, ρ – ее конгруэнция. Тогда

$$\rho(a) = [\underbrace{a \dots a}_{i} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{n-i-2}],$$

для любых $a \in A$, $i \in \{0, 1, \dots, n-2\}$.

Полагая в следствии 3 $x = a$, получим

Следствие 6. Пусть $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, ρ – ее конгруэнция. Тогда

$$\rho(a) = [\underbrace{\bar{a} a \dots a}_{i} \underbrace{\rho(a)a \dots a}_{n-i-2}]$$

для любых $a \in A$, $i \in \{0, 1, \dots, n-2\}$.

Замечание. Если положить вследствие 5 $i = 1$, то получим равенство $\rho(a) = [\alpha \rho(a) \alpha]$ из леммы 1 [3], где α – обратная последовательность для a .

Согласно теореме 1, мощность смежного класса $\rho(x)$ совпадает с мощностью класса $\rho(c)$. Поэтому имеет место

Следствие 7 ([2]. Предложение 10.11). Все классы конгруэнции, определённой на n -арной группе, имеют одну и ту же мощность.

Для всякой n -арной подгруппы $\langle B, [] \rangle$ n -арной группы $\langle A, [] \rangle$ и любой конгруэнции σ на $\langle A, [] \rangle$ положим (см., например, [4], с. 65)

$$\sigma B = \{x \in A \mid \exists b \in B, (x, b) \in \sigma\}.$$

Ясно, что

$$\sigma B = \{x \in A \mid B \cap \sigma(x) \neq \emptyset\} = \bigcup_{b \in B} \sigma(b).$$

Теорема 3. Пусть $\langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа, ρ – конгруэнция n -арной группы $\langle A, [] \rangle$. Тогда

$$\begin{aligned}\rho B &= [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} B] = [B \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} \rho(a)], \\ \rho B &= [\rho(\bar{a}) \underbrace{a \dots a}_{n-2} B] = [B \underbrace{a \dots a}_{n-2} \rho(\bar{a})]\end{aligned}$$

для любого $a \in A$.

Доказательство. Полагая во втором равенстве следствия 2 $i=0$, $j=1$, получаем

$$\rho(x) = [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} x] \quad (*)$$

для любых $x, a \in A$.

Если $u \in \rho B$, то $u \in \rho(b)$ для некоторого $b \in B$, откуда и из (*) следует

$$u \in [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} b] \subseteq [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} B],$$

т.е.

$$u \in [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} B]$$

и значит

$$\rho B \subseteq [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} B]. \quad (**)$$

Пусть теперь

$$v \in [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} B] \text{ т.е. } v \in [\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} b]$$

для некоторого $b \in B$, откуда и из (*) следует $v \in \rho(b)$. Следовательно, $v \in \rho B$ и значит

$$[\rho(a) \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} B] \subseteq \rho B. \quad (***)$$

Из (**) и (***) следует первое из требуемых равенств. Остальные равенства доказываются аналогично. Теорема доказана.

Если в теореме 3 положить $a \in B$, то $\bar{a} \in B$ и значит верно

Следствие 8. Пусть $\langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа, ρ – конгруэнция n -арной группы $\langle A, [] \rangle$, $a \in B$. Тогда

$$\begin{aligned}\rho B &= [\rho(a) \underbrace{B \dots B}_{n-1}] = [\underbrace{B \dots B}_{n-1} \rho(a)], \\ \rho B &= [\rho(\bar{a}) \underbrace{B \dots B}_{n-1}] = [\underbrace{B \dots B}_{n-1} \rho(\bar{a})].\end{aligned}$$

Пусть $\langle C, [] \rangle$ – полуинвариантная n -арная подгруппа n -арной группы $\langle A, [] \rangle$, ρ_c – конгруэнция, определяемая $\langle C, [] \rangle$. Тогда согласно предложению 7.4 [2], $\rho_c(a) = C$ для любого $a \in C$. Поэтому из теоремы 3, учитывая $\bar{a} \in C$, получаем

Следствие 9 ([2], лемма 9.8). Пусть $\langle B, [] \rangle$ и $\langle C, [] \rangle$ – n -арные подгруппы n -арной группы $\langle A, [] \rangle$, причем $\langle C, [] \rangle$ – полуинвариантна в $\langle A, [] \rangle$. Тогда

$$\rho_c B = [\underbrace{C \dots C}_{n-1} B] = [B \underbrace{C \dots C}_{n-1}].$$

По лемме 1 [3], $\langle \rho(a), @ \rangle$ – инвариантная подгруппа группы $\langle A, @ \rangle$, а по теореме 3.3 [2], $\langle B, @ \rangle$ – подгруппа в $\langle A, @ \rangle$, где операция $@$ определяется по правилу

$$x @ y = [x \bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3} y].$$

Следствие 10. Пусть $\langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа, ρ – конгруэнция n -арной группы $\langle A, [] \rangle$. Тогда

$$\rho B = \rho(a) @ B = B @ \rho(a).$$

ЛИТЕРАТУРА

1. Monk J.D., Slosan F.M. On the general theory of m -groups // Fund. Math., 1971, №72. С. 233-244.
2. Гальмак А.М. Конгруэнции полиадических групп. Мн., 1999. – 182 с.
3. Гальмак А.М. О решетке конгруэнций n -арной группы // Веснік ВДУ імя П.М. Машэрава, 2000, № 3(17). С. 60-62
4. Мальцев А.И. Алгебраические системы. М., 1970. – 392 с.

SUMMARY

In this paper the classes of congruence on polyadic group are studied.

Поступила в редакцию 23.05.2001

УДК 512.542

М.И. Ефремова

О пересечении максимальных τ -подклассов Шунка n -арных групп

Напомним [1], что система $\langle X, () \rangle$ с одной n -арной операцией $()$ называется n -арной группой, если эта операция ассоциативна и в X разрешимо каждое из уравнений

$$(a_1 \dots a_{i-1} x a_{i+1} \dots a_n) = a_i,$$

где i пробегает $1, 2, \dots, n$. Все рассматриваемые ниже n -арные группы конечны.

Пусть со всякой n -арной группой G сопоставлена некоторая система ее подгрупп $\tau(G)$. Мы говорим, следуя [2, 3], что τ -подгрупповой m -функтор, если для любой n -арной группы G система $\tau(G) \setminus \{G\}$ либо пуста, либо содержит лишь максимальные в G подгруппы и выполняются следующие условия:

1) $G \in \tau(G)$ для любой n -арной группы G ;

2) для любых n -арных групп $H \in \tau(A)$, $T \in \tau(B)$ и для любого эпиморфизма $\varphi: A \rightarrow B$ имеет место $H^\varphi \in \tau(B)$, $T^{\varphi^{-1}} \in \tau(A)$.

Следуя [4], мы говорим, что класс n -арных групп $\mathcal{F}$ является τ -классом Шунка, если $\mathcal{F}$ – гомоморф n -арных групп, т.е. всякий гомоморфный образ любой группы из $\mathcal{F}$ снова принадлежит $\mathcal{F}$, и классу $\mathcal{F}$ принадлежит всякая такая n -арная группа G , что $G/M_G \in \mathcal{F}$ верно для всех $M \in \tau(G) \setminus \{G\}$. По определению всякому τ -классу Шунка $\mathcal{F}$ принадлежит такая n -арная группа G , что $\tau(G) = \{G\}$.

Нетрудно видеть, что если $\{\mathcal{F}_i | i \in I\}$ – произвольное множество τ -классов Шунка, то $\bigcap_{i \in I} \mathcal{F}_i$ также является τ -классом Шунка. Пусть L_n^τ – множество всех τ -классов Шунка n -арных групп. На этом множестве введем частичный порядок $\leq$, полагая $\mathcal{M} \leq \mathcal{X}$ тогда и только тогда, когда $\mathcal{M} \subseteq \mathcal{X}$. Относительно этого порядка множество L_n^τ является полной решеткой и τ -класс Шунка, состоящий из всех n -арных групп, является в нем наибольшим элементом (см. т. 3 на с. 149 из [6]).

Пусть $\mathcal{M}$ – τ -подкласс Шунка τ -класса Шунка $\mathcal{F}$. Тогда, если $\mathcal{M} \subset \mathcal{F}$ и в $\mathcal{F}$ нет такого τ -подкласса Шунка $\mathcal{H}$, что $\mathcal{M} \subset \mathcal{H} \subset \mathcal{F}$, то $\mathcal{M}$ называется максимальным τ -подклассом Шунка в $\mathcal{F}$.

Целью данной работы является описание пересечений максимальных τ -подклассов Шунка.

Лемма 1. Пусть $\Sigma = \{\mathcal{F}_i | i \in I\}$ – некоторая цепь τ -классов Шунка. Тогда $\mathcal{F} = \bigcup_{i \in I} \mathcal{F}_i$ – τ -класс Шунка.

Доказательство. Пусть $A \in \mathcal{F}$. Значит, существует $i \in I$ такое, что $A \in \mathcal{F}_i$. Поскольку $\mathcal{F}_i$ – τ -класс Шунка, то $A/\pi \in \mathcal{F}_i$ для каждой конгруэнции π на A . Следовательно, $A/\pi \in \bigcup_{i \in I} \mathcal{F}_i$. Значит, $\mathcal{F}$ – гомоморф.

Пусть $\{M_1, M_2, \dots, M_t\}$ – набор всех подгрупп n -арной группы A таких, что $M_i \in \tau(A) \setminus \{A\}$ для всех $i = 1, 2, \dots, t$ и пусть $A/(M_i)_A \in \mathcal{F}$. Покажем, что $A \in \mathcal{F}$. Пусть $\mathcal{F}_{i_1}, \mathcal{F}_{i_2}, \dots, \mathcal{F}_{i_t}$ – такие τ -классы Шунка во множестве Σ , что $A/(M_1)_A \in \mathcal{F}_{i_1}$, $A/(M_2)_A \in \mathcal{F}_{i_2}, \dots, A/(M_t)_A \in \mathcal{F}_{i_t}$. Так как Σ – цепь, то существует такой τ -класс Шунка $\mathcal{F}_{i_r}$ ($r \in \{1, 2, \dots, t\}$), который включает в себя τ -классы Шунка $\mathcal{F}_{i_1}, \mathcal{F}_{i_2}, \dots, \mathcal{F}_{i_t}$. Значит, $A/(M_1)_A \in \mathcal{F}_{i_r}, A/(M_2)_A \in \mathcal{F}_{i_r}, \dots, A/(M_t)_A \in \mathcal{F}_{i_r}$. Но поскольку $\mathcal{F}_{i_r}$ – τ -класс Шунка, то из последнего вытекает, что $A \in \mathcal{F}_{i_r} \subseteq \mathcal{F}$. Значит, $\mathcal{F}$ – τ -класс Шунка. Лемма доказана.

Если $\mathcal{X}$ – произвольный класс n -арных групп, то пересечение всех τ -классов Шунка, содержащих $\mathcal{X}$, снова является τ -классом Шунка. Мы называем его τ -классом Шунка, порожденным $\mathcal{X}$, и обозначаем $\text{Schunck}_\tau \mathcal{X}$. Если τ -класс Шунка $\mathcal{F}$ таков, что $\mathcal{F} = \text{Schunck}_\tau G$ для некоторой его n -арной группы G , то класс $\mathcal{F}$ называется однопорожденным τ -классом Шунка.

Лемма 2. Пусть G – n -арная группа, принадлежащая τ -классу Шунка $\mathcal{F}$, $\mathcal{H}$ – его τ -подкласс Шунка, не содержащий G . Тогда в $\mathcal{F}$ существует τ -подкласс Шунка $\mathcal{M}$, содержащий $\mathcal{H}$ и максимальный среди всех τ -подклассов Шунка из $\mathcal{F}$, не содержащих G .

Доказательство. Пусть Ω – множество всех тех τ -подклассов Шунка из $\mathcal{F}$, которые содержат $\mathcal{H}$, но не содержат группу G . Пусть $\Sigma = \{\mathcal{F}_i | i \in I\}$ – некоторая цепь в Ω и $\mathcal{M} = \bigcup_{i \in I} \mathcal{F}_i$.

Покажем, что $\mathcal{M} \in \Omega$. По лемме 1 $\mathcal{M}$ – τ -класс Шунка и $\mathcal{H} \subseteq \mathcal{M}$. Заметим, что если G принадлежит $\mathcal{M}$, тогда существует $i \in I$ такое, что G принадлежит $\mathcal{F}_i$. Это противоречит определению класса $\mathcal{F}_i$. Следовательно, G не принадлежит $\mathcal{M}$. Отсюда следует, что $\mathcal{M} \neq \mathcal{F}$. Следовательно, $\mathcal{M} \subset \mathcal{F}$.

Итак, $\mathcal{M} \in \Omega$. Следовательно, ввиду леммы Цорна мы можем заключить, что $\mathcal{H}$ входит в некоторый максимальный τ -подкласс Шунка τ -класса Шунка $\mathcal{F}$. Лемма доказана.

Символом $\Phi_*(\mathfrak{F})$ мы обозначим нижнюю грань для множества всех коатомов решетки всех τ -подклассов Шунка произвольного τ -класса Шунка конечных n -арных групп $\mathfrak{F}$. ($\Phi_*(\mathfrak{F}) = \mathfrak{F}$, если в такой решетке нет ни одного коатома).

n -Арная группа G называется τ -необразующей для класса Шунка $\mathfrak{F}$, если $G \in \mathfrak{F}$ и всегда из

$$\mathfrak{F} = \text{Schunck}_\tau(\mathfrak{X} \cup \{G\})$$

следует, что $\mathfrak{F} = \text{Schunck}_\tau \mathfrak{X}$.

В работе [7] доказана следующая теорема.

Теорема 1. Решетка L_n^τ дистрибутивна.

Пусть $\mathfrak{M}$ и $\mathfrak{H}$ такие τ -классы Шунка, что $\mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{M}$. Тогда символом $\mathfrak{M}/\mathfrak{H}$ обозначается решетка всех τ -классов Шунка, заключенных между $\mathfrak{M}$ и $\mathfrak{H}$.

Теорема 2. Пусть $\mathfrak{F} \neq (1)$ — непустой τ -класс Шунка. Тогда справедливы следующие утверждения:

1) $\Phi_*(\mathfrak{F})$ состоит из всех τ -необразующих для τ -класса Шунка $\mathfrak{F}$ n -арных групп;

2) если $\mathfrak{M}$ — τ -подкласс Шунка $\mathfrak{F}$, то $\Phi_*(\mathfrak{M}) \subseteq \Phi_*(\mathfrak{F})$.

Доказательство. Докажем утверждение 1). Пусть G — произвольная τ -необразующая группа для τ -класса Шунка $\mathfrak{F}$. Тогда если $\mathfrak{F}_1$ — некоторый максимальный τ -подкласс Шунка τ -класса Шунка $\mathfrak{F}$ и $G \notin \mathfrak{F}_1$, то

$$\text{Schunck}_\tau(\mathfrak{F}_1 \cup \{G\}) = \text{Schunck}_\tau(\mathfrak{F}_1) = \mathfrak{F}_1 \subset \mathfrak{F}.$$

Противоречие. Следовательно, $G \in \mathfrak{F}_1$ для любого максимального τ -класса Шунка $\mathfrak{F}_1$ из τ -класса Шунка $\mathfrak{F}$. Значит, $G \in \Phi_*(\mathfrak{F})$.

Обратно, пусть $G \in \Phi_*(\mathfrak{F})$. Докажем, что G является τ -необразующей группой для τ -класса Шунка $\mathfrak{F}$. Предположим, что

$$\mathfrak{F} = \text{Schunck}_\tau(\mathfrak{F}_1 \cup \{G\}),$$

где $\mathfrak{F}_1 \subset \mathfrak{F}$, а $\text{Schunck}_\tau \mathfrak{F}_1 = \mathfrak{H} \neq \mathfrak{F}$. По лемме 2 существует τ -подкласс Шунка $\mathfrak{M}$ из $\mathfrak{F}$, содержащий $\mathfrak{H}$ и максимальный среди τ -подклассов Шунка из $\mathfrak{F}$, не содержащих группу G . Докажем, что этот τ -подкласс Шунка $\mathfrak{M}$ просто максимален от противного. Допустим, что $\mathfrak{M}$ — не максимальный τ -подкласс Шунка из $\mathfrak{F}$, тогда существует $\mathfrak{M}_1 \supset \mathfrak{M}$ — τ -подкласс Шунка из $\mathfrak{F}$. В силу нашего выбора τ -подкласса Шунка $\mathfrak{M}$ любой τ -подкласс Шунка, строго содержащий $\mathfrak{M}$, должен содержать и G . Итак, $\mathfrak{M} \subset \mathfrak{M}_1 \subset \mathfrak{F}$, $G \in \mathfrak{M}_1$, $\mathfrak{F}_1 \subset \mathfrak{M}_1$.

Следовательно,

$$\text{Schunck}_\tau(\mathfrak{M}_1 \cup \{G\}) \supseteq \text{Schunck}_\tau(\mathfrak{F}_1 \cup \{G\}) = \mathfrak{F}.$$

А

$$\text{Schunck}_\tau(\mathfrak{M}_1 \cup \{G\}) = \text{Schunck}_\tau(\mathfrak{M}_1) = \mathfrak{M}_1.$$

Значит, $\mathfrak{M}_1 = \mathfrak{F}$. Противоречие. Следовательно, $\mathfrak{M}$ — максимальный τ -подкласс Шунка, не содержащий группу G , что противоречит условию $G \in \Phi_*(\mathfrak{F})$. Итак, $\text{Schunck}_\tau(\mathfrak{F}_1) = \mathfrak{F}$. Значит, любая группа $G \in \Phi_*(\mathfrak{F})$ является τ -необразующей для τ -класса Шунка $\mathfrak{F}$.

Докажем утверждение 2). Предположим, что $\Phi_*(\mathfrak{M}) \not\subseteq \Phi_*(\mathfrak{F})$. Тогда в τ -классе Шунка $\mathfrak{F}$ найдется такой максимальный τ -подкласс Шунка $\mathfrak{F}_1$, что $\Phi_*(\mathfrak{M}) \not\subseteq \mathfrak{F}_1$. Следовательно, $\mathfrak{M} \not\subseteq \mathfrak{F}_1$. Поскольку решетка всех τ -классов Шунка дистрибутивна [7], то имеет место решеточный изоморфизм

$$\mathfrak{F}_1 \vee \mathfrak{M}/\mathfrak{F}_1 \cong \mathfrak{M}/\mathfrak{M} \cap \mathfrak{F}_1.$$

Так как $\mathfrak{F}_1$ — максимальный τ -подкласс Шунка в τ -классе Шунка $\mathfrak{F}$ и $\mathfrak{M} \not\subseteq \mathfrak{F}_1$, то

$$\mathfrak{F}_1 \vee \mathfrak{M} = \text{Schunck}_\tau(\mathfrak{F}_1 \cup \mathfrak{M}) = \mathfrak{F}.$$

Поэтому решетка $\mathfrak{S}_1 \vee \mathfrak{M}/\mathfrak{S}_1$ содержит лишь два элемента. Значит, $\mathfrak{M} \cap \mathfrak{S}_1$ – максимальный τ -подкласс Шунка в $\mathfrak{M}$. Следовательно, $\Phi_\tau(\mathfrak{M}) \subseteq \mathfrak{M} \cap \mathfrak{S}_1$ и поэтому $\Phi_\tau(\mathfrak{M}) \subseteq \mathfrak{S}_1$. Противоречие. Итак, $\Phi_\tau(\mathfrak{M}) \subseteq \Phi_\tau(\mathfrak{S})$. Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русаков С.А. Алгебраические n -арные системы. Мн., 1992. – 264 с.
2. Селькин М.В. Максимальные подгруппы в теории классов конечных групп. Мн., 1997. – 144 с.
3. Скиба А.Н. Алгебра формаций. Мн., 1997. – 240 с.
4. Селькин М.В., Скиба А.Н. О решетках τ -классов Шунка // Доклады национальной академии наук Беларуси, 2001, том 45, №3. С. 51-53.
5. Аль-Дабабсах А.Ф. Решетки формаций и классов Шунка n -арных групп // Препринт, Гомельский госуниверситет, 1999, №87. – 17 с.
6. Биркгоф Г. Теория решеток. М., 1984. – 568 с.
7. Ефремова М.И. О дистрибутивности решетки τ -классов Шунка конечных n -арных групп // Вопросы алгебры. Гомель, 2001, Вып. 18. С. 182-186.

S U M M A R Y

The cross of maximal Schunck τ -subclasses of n -ary groups is described with the help of the classes theory and General Lattice Theory. Besides, the infimum for the set of all coatoms of the lattice of all Schunck τ -subclasses of an arbitrary Schunck τ -class is described. All obtained in the article results have a theoretical character and are able to use in studying classes of finite n -ary groups.

Поступила в редакцию 1.11.2001

УДК 518:517.948

Ю.В. Трубников

Об одном новом алгоритме нахождения спектральных радиусов

Предлагается алгоритм вычисления спектрального радиуса ρ матрицы с комплексными элементами, основанный на построении алгебраического уравнения, одним из корней которого является ρ^2 .

Рассмотрим произвольную $[n \times n]$ – матрицу A с комплексными элементами a_{ij} ($i, j = 1, 2, \dots, n$). Пусть

$$P(z) \equiv z^n + a_1 e^{i\varphi_1} z^{n-1} + \dots + a_{n-1} e^{i\varphi_{n-1}} + a_n e^{i\varphi_n} = 0 \quad (1)$$

– характеристическое уравнение матрицы A с комплексными коэффициентами, модули которых $a_1, a_2, \dots, a_n$.

Напомним [1], что совокупность всех собственных значений $\lambda \in \mathbb{C}$ ($\mathbb{C}$ – множество комплексных чисел) называется спектром матрицы A и обозначается $\sigma(A)$. Неотрицательное вещественное число

$$\rho \equiv \rho(A) \equiv \max \{ |\lambda| : \lambda \in \sigma(A) \}$$

называется спектральным радиусом матрицы A . Спектральный радиус совпадает с радиусом наименьшего круга с центром в начале координат на комплексной плоскости, который содержит все собственные значения матрицы A .

Пусть $s_k = \lambda_1^k + \lambda_2^k + \dots + \lambda_n^k$, $k=1,2,\dots$

– степенные суммы, выражающиеся при помощи формул Ньютона через элементарные симметрические многочлены $\sigma_1, \sigma_2, \dots, \sigma_n$ [2]. Обозначим корень уравнения (1) с максимальным модулем λ_n . При этом допускается любая кратность этого корня и наличие других корней с таким же модулем ρ .

Обозначим через $\bar{A}$ матрицу с элементами $\bar{a}_{ij}$, где $\bar{a}$ – число, комплексно сопряженное числу a .

Теорема. Число ρ^2 является корнем уравнения

$$\det(A \otimes \bar{A} - \lambda E_{n^2}) = 0, \quad (2)$$

где $A \otimes \bar{A}$ – прямое (тензорное) произведение матриц A и $\bar{A}$. Кроме того, степенные суммы s_k^* , построенные по системе корней уравнения (2), связаны со степенными суммами s_k для корней уравнения (1) равенством

$$s_k^* = |s_k|^2 \quad (k = 1, 2, \dots) \quad (3)$$

Доказательство. Как известно [3], собственные значения матрицы $A \otimes B$ совпадают с всевозможными произведениями

$$\lambda \mu \quad (\lambda \in \sigma(A), \mu \in \sigma(B)).$$

В нашем случае уравнение (2) в качестве своих корней имеет корни

$$\lambda_1 \bar{\lambda}_1, \lambda_1 \bar{\lambda}_2, \dots, \lambda_{n-1} \bar{\lambda}_n, \lambda_n \bar{\lambda}_n.$$

Среди этих произведений имеется $\rho^2 = \lambda_n \bar{\lambda}_n = |\lambda_n|^2$.

Обозначим через s_k^* степенные суммы корней многочлена $Q(z)$, расположенного в левой части уравнения (2), тогда

$$s_1^* = \lambda_1 \bar{\lambda}_1 + \lambda_1 \bar{\lambda}_2 + \dots + \lambda_n \bar{\lambda}_n = (\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_n) \left(\bar{\lambda}_1 + \bar{\lambda}_2 + \dots + \bar{\lambda}_n \right) = s_1 \bar{s}_1 = |s_1|^2.$$

Аналогично,

$$s_k^* = \lambda_1^k \bar{\lambda}_1^k + \lambda_1^k \bar{\lambda}_2^k + \dots + \lambda_n^k \bar{\lambda}_n^k = (\lambda_1^k + \lambda_2^k + \dots + \lambda_n^k) \left(\bar{\lambda}_1^k + \bar{\lambda}_2^k + \dots + \bar{\lambda}_n^k \right) = |s_k|^2,$$

где s_k – степенные суммы, построенные по корням многочлена (1). Так как степенные суммы s_k ($k = 1, 2, \dots$) выражаются явным образом через коэффициенты многочлена $P(z)$, то и s_k^* выражаются через коэффициенты $P(z)$.

Пусть σ_k^* – элементарные симметрические многочлены, построенные по корням $Q(z)$, тогда учитывая формулы

$$\begin{aligned} \sigma_1^* &= s_1^*, \quad \sigma_2^* = \frac{1}{2}(s_1^{*2} - s_2^*), \quad \sigma_3^* = \frac{1}{6}(s_1^{*3} - 3s_1^*s_2^* + 2s_3^*) \\ \sigma_4^* &= \frac{1}{24}(s_1^{*4} - 6s_1^{*2}s_2^* + 3s_2^{*2} + 8s_1^*s_3^* - 6s_4^*) \quad \text{и т. д.} \end{aligned} \quad (4)$$

получаем возможность представить коэффициенты многочлена $Q(z)$ через коэффициенты многочлена $P(z)$.

Теорема доказана.

Однако прямое вычисление $\det(A \otimes \bar{A} - \lambda E_{n^2})$ связано с громоздкими преобразованиями. В данной работе предлагается алгоритм нахождения коэффициентов алгебраического уравнения (2), основанный на равенстве (3). Алгоритм состоит из следующих шагов:

- 1) находим степенные суммы $s_k (k = 1, 2, \dots, n^2)$;
- 2) пользуясь равенством (3), находим степенные суммы $s_k^* (k = 1, 2, \dots, n^2)$;
- 3) зная степенные суммы s_k^* , по формулам (4) проводим вычисление коэффициентов уравнения (2);
- 4) далее находить значение ρ^2 можно приближенно итерационным методом Ньютона (заметим, что информация о степенных суммах дает возможность осуществить локализацию числа ρ^2).

Например, при $n = 2$ многочлен $Q(z)$ имеет вид

$$Q(z) = z^4 - a_1^2 z^3 + 2[a_1^2 a_2 \cos(2\varphi_1 - \varphi_2) - a_1^2] z^2 - a_1^2 a_2^2 z + a_4^2.$$

Приведем пример: многочлен

$$z^2 - (\sqrt{3} + 1)(1 + i)z + 4i$$

имеет корни $z_1 = \sqrt{3} + i$, $z_2 = 1 + i\sqrt{3}$, т.е. $|z_1| = |z_2| = 2$. Непосредственной проверкой убеждаемся, что $Q(4) = 0$.

В процессе применения данного алгоритма встречаются две трудности: получить удобные формулы для вычисления $|s_k|$; вторая трудность – по формулам Ньютона (4) найти коэффициенты многочлена $Q(z)$. Корень ρ^2 многочлена $Q(z)$ после хорошей локализации можно находить методом Ньютона. Приведем несколько формул для нахождения $|s_k|$; при $n = 3$ получаем

$$|s_1|^2 = a_1^2, \quad |s_2|^2 = a_1^4 + 4a_2^2 - 4a_1^2 a_2 \cos(2\varphi_1 - \varphi_2),$$

$$|s_3|^2 = a_1^6 + 9a_1^2 a_2^2 + 9a_3^2 - 6a_1^4 a_2 \cos(2\varphi_1 - \varphi_2) +$$

$$+ 6a_1^3 a_3 \cos(3\varphi_1 - \varphi_3) - 18a_1 a_2 a_3 \cos(\varphi_1 + \varphi_2 - \varphi_3),$$

и т.д. Таким образом, при $n = 3$ уравнение (2) является уравнением девятой степени $\lambda^9 + b_1 \lambda^8 + \dots + b_8 \lambda + b_9 = 0$, где

$$b_1 = -a_1^2, \quad b_2 = 2a_1^2 a_2 \cos(2\varphi_1 - \varphi_2) - 2a_2^2,$$

$$b_3 = 6a_1 a_2 a_3 \cos(\varphi_1 + \varphi_2 - \varphi_3) - a_1^2 a_2^2 - 3a_3^2 - 2a_1^3 a_3 \cos(3\varphi_1 - \varphi_3),$$

$$b_4 = a_2^4 - a_1^2 a_3^2 + 2a_1^3 a_2 a_3 \cos(\varphi_1 + \varphi_2 - \varphi_3) - 4a_1 a_2^2 a_3 \cos(\varphi_1 - 2\varphi_2 + \varphi_3),$$

и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хорн Р., Джонсон Ч. Матричный анализ. М., 1989. С. 50.
2. Курош А.Г. Курс высшей алгебры. М., 1971. С. 331.
3. Ланкастер П. Теория матриц. М., 1978. С. 238 с.

S U M M A R Y

The new method of the finding of matrix spectral radius is presented.

Поступила в редакцию 10.10.2001

И.Е. Андрушкевич, В.А. Жизневский

Применение обобщенного метода Фурье в задаче полого волновода треугольного сечения

Наглядным примером реализации преимуществ обобщенного метода Фурье (ОМФ) [1] перед классическим при решении прикладных задач электродинамики является задача полого волновода треугольного сечения (рис.), оболочка которого принимается за идеально проводящую, а внутренняя среда является однородной. Такая модель в большинстве случаев оказывается удовлетворительной для практических расчетов. При необходимости она уточняется путем учета потерь в металле.

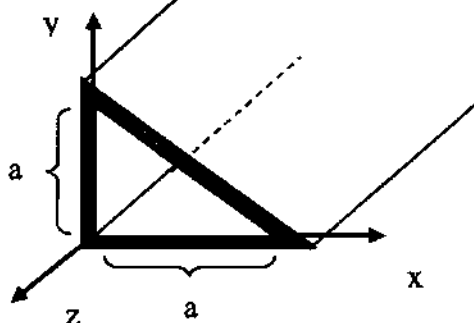

Рис.

Поиск векторов электромагнитного поля обычно замыкается на рассмотрение уравнения Гельмгольца, которому должны удовлетворять компоненты этих векторов:

$$\frac{\partial^2 F(x, y, z)}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 F(x, y, z)}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 F(x, y, z)}{\partial z^2} + k^2 F(x, y, z) = 0. \quad (1)$$

Пространственная задача о распространении волн в подобной продольно-однородной структуре сводима к решению двумерного уравнения Гельмгольца путем классического отделения переменной z , т.е. представления искомой функции в виде:

$$F(x, y, z) = f(x, y)Z(z). \quad (2)$$

Уравнение для $f(x, y)$ при этом принимает вид:

$$\frac{\partial^2 f(x, y)}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 f(x, y)}{\partial y^2} + \lambda f(x, y) = 0. \quad (3)$$

Здесь неизвестна не только функция $f(x, y)$, но и параметр λ , имеющий смысл поперечного волнового числа. Само по себе уравнение (3) не имеет определенных решений с физической точки зрения. Необходимо поставить краевую (граничную) задачу. Известно из [2], что для определения семейства

Е-волн той или иной направляющей структуры с однородной средой и при идеализации проводящих границ надо найти решения краевой задачи, содержащей, помимо уравнения (3), условие:

$$f(x, y) = 0 \quad \text{на } L, \quad (4)$$

где под L понимается идеально проводящий контур поперечного сечения полого волновода или совокупность контуров в более сложных случаях. В нашем примере, как видно из рисунка, в качестве L выступает прямоугольный равнобедренный треугольник. Применяя для решения этой краевой задачи классический метод Фурье, т.е. представляя искомую функцию в виде:

$$f(x, y) = X(x)Y(y) \quad (5)$$

можем получить следующее общее решение для рассматриваемого уравнения:

$$\begin{cases} X(x) = C_1 \sin(\lambda_x x) + C_2 \cos(\lambda_x x) \\ Y(y) = C_3 \sin(\lambda_y y) + C_4 \cos(\lambda_y y) \end{cases} \quad (6)$$

Неопределенные константы, содержащиеся в данном решении, должны быть определены из граничных условий, но получаемая при этом система уравнений не имеет нетривиальных решений. Следовательно, решение (6) не удовлетворяет поставленной краевой задаче. Можно пойти по пути расчленения замкнутого контура на отрезки, что безусловно вызовет увеличение количества краевых задач, требующих решения. Этого можно избежать, используя ОМФ.

Представляя искомую функцию в виде:

$$f(x, y) = X_1(x)Y_1(y) + X_2(x)Y_2(y) \quad (7)$$

уравнение (3) приводится билинейному виду:

$$\begin{aligned} & \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) Y_1(y) + \left(\frac{\partial^2 X_2(x)}{\partial x^2} + \lambda X_2(x) \right) Y_2(y) + \\ & + X_1(x) \frac{\partial^2 Y_1(y)}{\partial y^2} + X_2(x) \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0. \end{aligned} \quad (8)$$

На следующем этапе применения ОМФ необходимо построить матрицу функций билинейного уравнения, которая в нашем случае выглядит следующим образом:

$$[i, f_i, g_i] = \begin{bmatrix} 1 & \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) Y_1(y) \\ 2 & \left(\frac{\partial^2 X_2(x)}{\partial x^2} + \lambda X_2(x) \right) Y_2(y) \\ 3 & X_1(x) \frac{\partial^2 Y_1(y)}{\partial y^2} \\ 4 & X_2(x) \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} \end{bmatrix} \quad (9)$$

Следуя теории реализации ОМФ [1], используя эту матрицу, можно построить следующие системы разделенных уравнений:

$$\begin{cases} \frac{\partial^2 X_2(x)}{\partial x^2} + \lambda X_2(x) - a_{2,1} \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) = 0 \\ X_1(x) - a_{3,1} \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) = 0 \\ X_2(x) - a_{4,1} \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) = 0 \\ Y_1(y) + a_{2,1} Y_2(y) + a_{3,1} \frac{\partial^2 Y_1(y)}{\partial y^2} + a_{4,1} \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0 \end{cases} \quad (10)$$

$$\begin{cases} X_1(x) - a_{3,1} \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) - a_{3,2} \left(\frac{\partial^2 X_2(x)}{\partial x^2} + \lambda X_2(x) \right) = 0 \\ X_2(x) - a_{4,1} \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) - a_{4,2} \left(\frac{\partial^2 X_2(x)}{\partial x^2} + \lambda X_2(x) \right) = 0 \\ Y_1(y) + a_{3,1} \frac{\partial^2 Y_1(y)}{\partial y^2} + a_{4,1} \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0 \\ Y_2(y) + a_{3,2} \frac{\partial^2 Y_1(y)}{\partial y^2} + a_{4,2} \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0 \end{cases} \quad (11)$$

$$\begin{cases} X_2(x) - a_{4,1} \left(\frac{\partial^2 X_1(x)}{\partial x^2} + \lambda X_1(x) \right) - a_{4,2} \left(\frac{\partial^2 X_2(x)}{\partial x^2} + \lambda X_2(x) \right) - \\ - a_{4,3} X_1(x) = 0 \\ Y_1(y) + a_{4,1} \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0 \\ Y_2(y) + a_{4,2} \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0 \\ \frac{\partial^2 Y_1(y)}{\partial y^2} + a_{4,3} \frac{\partial^2 Y_2(y)}{\partial y^2} = 0 \end{cases} \quad (12)$$

Приведенные системы отличаются функциями, входящими в их базис, и их количеством. Анализ этих систем указывает, что только система (11) может иметь решения, удовлетворяющие требованию линейной независимости искомых функций по каждой переменной. Решение системы (11) при условии $a_{3,2} = 0$, $a_{4,1} = 0$ имеет следующий вид:

$$\begin{cases} X_1(x) = C_1 \sin\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}x\right) + C_2 \cos\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}x\right) \\ X_2(x) = C_3 \sin\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}x\right) + C_4 \cos\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}x\right) \\ Y_1(y) = C_5 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{3,1}}}\right) + C_6 \cos\left(\frac{y}{\sqrt{a_{3,1}}}\right) \\ Y_2(y) = C_7 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{4,2}}}\right) + C_8 \cos\left(\frac{y}{\sqrt{a_{4,2}}}\right) \end{cases} \quad (13)$$

Это решение содержит восемь неопределенных коэффициентов и постоянные разделения $a_{3,2}$, $a_{4,2}$, которые должны быть определены из граничных условий.

Условие по оси x , имеющее вид $f(x, 0) = 0$, приводит к уравнению:

$$\begin{aligned} C_1 C_6 \sin\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}x\right) + C_2 C_6 \cos\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}x\right) + \\ + C_3 C_8 \sin\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}x\right) + C_4 C_8 \cos\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}x\right) = 0 \end{aligned} \quad (14),$$

из которого следует: $C_6 = 0$, $C_8 = 0$.

Условие по оси y , имеющее вид $f(0, y) = 0$, приводит к уравнению:

$$C_2 C_5 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{3,1}}}\right) + C_3 C_7 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{4,2}}}\right) = 0 \quad (15),$$

из которого полагаем: $C_2 = 0$, $C_3 = 0$

Условие по гипотенузе рассматриваемого треугольника, имеющее вид $f(y-a, y) = 0$, приводит к уравнению:

$$C_1 \sin\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}(y-a)\right) C_5 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{3,1}}}\right) + C_4 \sin\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}(y-a)\right) C_7 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{4,2}}}\right) = 0$$

которое может быть преобразовано к виду:

$$\begin{aligned} C_1 C_5 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{3,1}}}\right) \sin\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}y\right) \cos\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}a\right) - \\ - C_1 C_5 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{3,1}}}\right) \cos\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}y\right) \sin\left(\sqrt{\frac{a_{3,1}\lambda-1}{a_{3,1}}}a\right) + \\ + C_4 C_7 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{4,2}}}\right) \sin\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}y\right) \cos\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}a\right) - \\ - C_4 C_7 \sin\left(\frac{y}{\sqrt{a_{4,2}}}\right) \cos\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}y\right) \sin\left(\sqrt{\frac{a_{4,2}\lambda-1}{a_{4,2}}}a\right) = 0. \end{aligned} \quad (16)$$

Решая данное тригонометрическое уравнение можно обратить его в тождество при следующих ограничениях на неопределенные постоянные:

$$a_{4,2} = \frac{a^2}{\lambda a^2 - \pi^2 m^2}, \quad a_{3,1} = \frac{a^2}{\lambda a^2 - \pi^2 n^2}, \quad \lambda = \frac{\pi^2 (m^2 + n^2)}{a^2}, \quad |m - n| = 2k \quad (17),$$

где k, n, m – целые ненулевые числа.

При этих ограничениях искомая функция принимает следующий вид:

$$f(x, y) = C \left(\sin \left(\frac{\pi x n}{a} \right) \sin \left(\frac{\pi y m}{a} \right) - \sin \left(\frac{\pi x m}{a} \right) \sin \left(\frac{\pi y n}{a} \right) \right) \quad (18),$$

где C – неопределенная амплитудная константа, появившаяся вследствие следующих обозначений: $C_1 C_5 = C$, $C_4 C_7 = -C$.

Возвращаясь к первоначально поставленной задаче об определении семейства Е-волн рассматриваемой направляющей структуры, согласно [2], в качестве $f(x, y)$ выступают собственные функции E_z^{mn} , имеющие смысл продольной компоненты напряженности электрического поля для волны, определяемой выбором чисел m и n . Этим собственным функциям соответствуют собственные значения λ_{mn} из выражения (17). Полное электромагнитное поле для этого волновода может быть определено из зависимостей поперечных компонент от E_z^{mn} и λ_{mn} , вытекающих из уравнений Максвелла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрушкевич И.Е. Об одном обобщении метода Фурье разделения переменных. ЭВ & ЭС, 1998, № 2. С. 25-30.
2. Никольский В.В., Никольская Т.И. Электродинамика и распространение радиоволн. М., 1989. С. 206-208.

S U M M A R Y

In article is considered using generalized method of division variable in applied problems an electromagnetism. The advantage is shown on example of determination of family E-waves directing structure triangular section over classical method of division variable at decision of marginal problem for двухмерного equation Гельмгольца.

Поступила в редакцию 5.03.2002

Г.И. Пиловец

Игнатий Домейко – геолог, этнограф, педагог и гражданин мира (к 200-летию со дня рождения)

Игнатий Домейко родился 31 июля 1802 года в родовом имении Медведка Новоградского уезда (сегодня это Кореличский район Гродненской области). Потеряв в семь лет отца, детство Игнатий провел в имении Жибуртовщина Лидского уезда. Игнатий, два его брата и две сестры попали под опеку дядей Игнатия и Юзефа. Именно рассказы Юзефа пробудили у маленького Игнатия интерес к минералогии. В 1822 году Игнатий поступил в школу монахов-пиаров в Щучине. Ему было четырнадцать лет, когда он окончил Щучинскую пиарскую школу и стал студентом физико-математического факультета Виленского университета, где принялся усердно изучать избранные им науки: биологию, химию, математику, одновременно посещая лекции профессоров по литературе и истории. Помимо белорусского, польского и русского языков, он уже хорошо знал английский и французский, изучал еще немецкий и латынь. Интересовали его и история архитектуры, геодезия. В 1822 году Домейко получил степень магистра математики, но юноша не спешил распрощаться с университетом. Задерживали молодого человека в университете, в Вильно, и обязанности в Обществе филоматов.

Эта патриотическая организация, существовавшая в 1817-1823 гг. в среде студентов Виленского университета, воспитала плеяду таких людей, как Адам Мицкевич, Томаш Зан, Ян Чечот и многих других, среди которых был и Игнатий Домейко. Задачами этого общества было просвещение своих земляков – самосовершенствование, создание учебников для народного образования, отраслевых энциклопедий, научные исследования на самые разные темы, организация народных школ, всестороннее изучение земель существовавшего еще совсем недавно Великого Княжества Литовского... Главная же цель, хотя и не оговаривалась в уставе, была ясной – подготовка края к борьбе с оккупационным режимом. В ноябре 1823 года Домейко арестовывают и заключают в тюрьму, и только весной следующего года он оказался на воле. Благодаря помощи влиятельных родственников ему удалось избежать высылки в «отдаленные губернии России». Власти удовлетворились только отправкой «заговорщика» в деревню, в его же Заполье (ныне Лидский район), под надзор полиции. Не имея возможности служить в учреждениях, он занялся хозяйством в своем фольварке, где уменьшил барщину крестьянам и организовал сельскую школу. Неизвестно, сколько бы длилась эта ссылка, если бы не восстание 1830-1831 годов. Домейко участвовал в восстании и после его поражения был вынужден покинуть страну [1].

Оказавшись в Париже, где активно включился в общественную жизнь эмиграции, принимая участие в работе различных культурных и политических объединений. Деятельный и беспокойный по натуре, он занялся еще и подготовкой к печати трудов своих друзей. Особенно ощутимую поддержку и помощь от него получал Адам Мицкевич. Нахождение в Париже, этом важном центре европей-

ской культуры, наш «литовский» естествовед и минеролог использует в полной мере. Он слушает лекции знаменитых ученых, посещая такие серьезные центры науки, как Колеж де Франс и Сорбонна. Чтобы усовершенствовать свои знания в избранной им минералогии, Домейко поступает в Горную школу, снова садится на студенческую скамью. За три года он прошел весь курс обучения, окончив школу в 1837 году с большим багажом знаний и дипломом специалиста. Некоторое время он успешно работает в Эльзасе, затем с помощью Адама Мицкевича получает предложение, которое стало поворотным в его жизни. Это было приглашение на должность профессора химии и металлургии в Чили. «Я ожил, – писал Домейко потом в своих записках. – Ожили и мои детские мечты о далеких путешествиях». В декабре 1837 г. он подписал обязательство создать за шесть лет химическую лабораторию и обучить химии чилийских студентов, еще не предполагая, что проведет в этой стране 46 лет.

В марте 1839 года корабль, на котором плыл Домейко бросил якорь в порту Баия, спустя несколько недель – в Рио-де-Жанейро, а после – в Монтевидео, откуда путешественник на почтовом судне прибыл в Буэнос-Айрес – главный город Аргентины. Оттуда Домейко и его спутники отправились верхом на лошадях через степи Аргентины в Чили. По дороге он собирал минералы и описывал почвы. Чилийцы встретили ученого гостеприимно. Задача ученого-минераловеда, горного инженера Игнатия Домейко в Чили была в том, чтобы подготовить специалистов по изучению и использованию природных богатств этой страны, создать здесь соответствующую научную базу. Государство, которое недавно освободилось от испанской колониальной зависимости, остро нуждалось в таких людях. Свою задачу Домейко выполнил должным образом. Он создал школу по подготовке специалистов, организовал лабораторию. Два десятка учеников помогали ему строить лабораторию и слушали лекции нового профессора. Начинать на голом месте было нелегко, вначале мешало незнание испанского языка. Однако настойчивость ученого убрала все преграды на его пути – поразительно, но за три месяца он овладел испанским языком и мог свободно вести курс лекций в своей школе.

Параллельно Домейко устраивает экспедиции по всестороннему изучению Чили. Горы Чили были богаты полезными ископаемыми. В стране после колониального застоя быстро развивался капитализм, открывались новые рудники и копи, для работы в которых требовались специалисты. Домейко пригласили в центр рудного района Чили Кокимбо. В Кокимбо он организовал Горную школу, открыл и сдал в эксплуатацию серебряные, медные и золотые копи, исследовал и предложил эксплуатировать минералы: амальгамат серебра и соединение мышьяка с медью, которое позже назвали «домейкитом». Он обратил внимание на ценность чилийской селитры. Благодаря ему страна стала получать большой доход от продажи гуано. Ученый посетил к северу от Кокимбо города Уаско и Копьяпо, шахту Сан-Хуан, медные рудники Каррисаль. Он побывал в пустыне Атакама, описав ее как величественную песчаную равнину, которая прямо вклинивается в горы. Домейко дал описание Сантьяго, его архитектуры, быта людей, законов и нравов. В 1844 г. путешественник отправился в Арауканию, где проживали индейцы – арауканы, непокорившиеся завоевателям на протяжении трех веков. Результатом поездки стала его книга «Араукания и ее жители», которая была переведена на ряд языков [1].

Срок пребывания Домейко в Чили истекал, но страна продолжала нуждаться в специалистах – геологах и минерологах. По предложению министра просвещения Чили Домейко покидает Кокимбо, чтобы стать профессором химии и минералогии в недавно открытом в Сантьяго университете. Через некоторое время он уже возглавлял кафедру химии, стал членом университетского совета. Ученый снова погрузился в педагогическую и научную рабо-

ту. Домейко внес новый проект устройства школ в Чили, реорганизовав всю систему обучения в этой южноамериканской стране, в том числе и в самом университете. За образец им была взята система образования в Беларуси, система, которую проводил в жизнь Виленский университет. Реформы позволили привлечь к науке лучшие интеллектуальные силы Чили, расширить образование в крае. Игнатий Домейко писал учебники для школ по естественным наукам: физике, минералогии. Игнат Домейко был избран ректором университета в Сантьяго, после чего четырежды избирался на эту должность и занимал ее бессменно до 1883 года.

Тем временем в планы профессора вмешалась любовь – его очаровала пленительная госпожа Энриветта де Сатамаер. 48-летний ученый в 1850 году женится на молодой чилийке. К этому времени у Домейко был роскошный дом с садом на окраине Сантьяго. Воспитанник Медведки, виленский филомат и хозяин Заполья теперь с корнями начал вращаться в южноамериканскую землю. Но и в эти годы, когда он уже сроднился с этой землей, когда принял чилийское гражданство, когда один за другим пошли в семье дети, Домейко не оставляет надежды вернуться на родину. Вот слова из письма к Адаму Мицкевичу: «Если бы была возможность вернуться и послужить еще, хоть на старости лет, своему краю, то не усидел бы, не усидел бы здесь, хоть я давно уже стал гражданином этой страны, владельцем имения и отцом...» [1].

Он создал в Чили музей минералогических и палеонтологических материалов, основал физический кабинет, химическую и горную лабораторию, организовал библиотеку природоведения. Огромны заслуги Игнатия Домейко и как ученого-исследователя чилийских природных богатств. Он открыл здесь богатые месторождения золота, серебра, меди, каменного угля, селитры, организовал их добычу. Ученый собрал и описал множество новых, неизвестных науке минералов, растений, окаменелостей, метеоритов. Отыскав в горах источники питьевой воды, он возглавил реализацию проекта по водоснабжению столицы. Игнатий Домейко ввел метрическую систему весов и мер в стране. В одном из официальных чилийских печатных изданий отмечалось: «...никто не сделал так много для прогресса и развития наук в Чили, как господин Домейко».

Только в 1884 году, освободившись, наконец, от напряженной работы, смог 82-летний ученый осуществить свою неотступную мечту – увидеть родную землю. Он посетил родину, побывал в Медведке, Мире, Крошине. Ощутил радость встречи со своими родными, счастье ступить вновь на землю, которая ждала его полвека. Он будто бы очутился снова в юности – знакомые с детства места, пейзажи. Он – живая легенда, повсюду – желанный гость. На родине Домейко пробыл четыре года, пожил в семье дочери, в памятной с детства Жибуртовщине. За время его нахождения в Беларуси сыновья Домейко получили европейское образование. Он сам побывал в Италии, Турции, Палестине, Египте. Вместе с сыновьями возвратился престарелый профессор на свою вторую родину. А спустя два месяца 23 января 1889 г. он скончался в Сантьяго. День его смерти был объявлен в Чили днем национального траура. А в своей речи на траурном митинге президент страны Бальмакеда объявил о присвоении Домейко звания национального героя Чили. Память об Игнатии Домейко свято почитается в далекой южноамериканской стране. Его именем назван поселок близ порта Антофагаста на севере Чили, красивый светлый город Домейко в зеленой долине земли Араукании на юге страны, порт на самом берегу Тихого океана – Пуэрто де Домейко, величавый тысячекилометровый горный хребет, который обозначен на картах как Кордильеро Домейки, а также улицы и площади, университет в Сантьяго, библиотеки в Сантьяго (Чили) и Буэнос-Айресе (Аргентина) [1, 2]. А в столице Чили возвышается величавый памятник с изображением знаменитого белоруса и

высеченной на граните лаконичной надписью на испанском языке – Гранде Эдукадор, что означает – Великий Просветитель [1].

Имя Игнатия Домейко увековечил, и научный мир. Его именем назвали открытый ученым в чилийских горах минерал «домейкит», аммонит «амонитес домейканус», ископаемый моллюск «наутилус домейкус», а также найденный и описанный Домейко вид фиалки – «виола домейкана» [1]. Великий ученый-природовед не менее интересен как литератор и художник. Именно зарисовки Домейко украшают многие книги Адама Мицкевича. Мастерство же литератора особенно ярко проявилось у Домейко в его дорожных записках, которые известны под общим названием «Мои путешествия».

Каждый год Секретариат ЮНЕСКО составляет список знаковых исторических событий и выдающихся деятелей-юбиляров. Чтобы попасть в историю, нужно немало потрудиться не только на благо своей родины, но и во имя всего человечества, сделать неоценимый вклад в мировую науку, образование и в целом в мировое развитие.

В 2002-2003 гг. ЮНЕСКО примет участие в мероприятиях по случаю празднования 47 памятных дат. Среди них – 3000-летие зороастрийской культуры, 550-летие со дня рождения Леонардо да Винчи, 300-летие основания Санкт-Петербурга, 200-летние юбилеи поэта Федора Тютчева, писателя Виктора Гюго, композитора Гектора Берлиоза, писателя Александра Дюма-отца, 100-летие со дня рождения философа Карла Поппера. Совместными усилиями Беларуси, Чили, Польши, Литвы и Франции в этот список торжеств и юбилеев был включен и Игнатий Домейко – ученый международного масштаба в минералогии и геологии, известный реформатор образования и науки в Чили, которого сами чилийцы называют «апостолом науки» [3]. 2002 год объявлен ЮНЕСКО годом Игнатия Домейко, нашего великого соотечественника. В Беларуси 200-летний юбилей Домейко собираются отмечать на государственном уровне. Нет сомнения, что свое заслуженное место в сознании наших людей займет ученый с мировым именем. В Минске пройдет Международная конференция, будут организованы пятые Кореличские чтения, посвященные жизни и деятельности Игнатия Домейко, выпустят конверт с оригинальной маркой, проведут реставрацию костела святого Николая в г.п. Мир, издадут отдельный том литературных произведений Домейко, в Национальном академическом театре им. Я. Купалы пройдет торжественный вечер, жители деревни Медведка Кореличского района (бывшем имении родителей Домейко) собираются высадить у себя аллею в честь знаменитого земляка, а в деревне Крупово центральную улицу Лидскую уже переименовали в улицу им. И. Домейко, в деревне Заполье уже установлен обелиск с памятной доской [3].

Среди множества мероприятий по празднованию этой даты в Беларуси, предполагается установление памятника Игнатию Домейко, и он, наконец, будет смотреть не только на волны далекого океана, но и на родную землю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малишевский Я. Великий изгнанник // Туризм и отдых, 2002. С. 5-6.
2. Грицкевич В.П. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Беларуси. Мн., 1968. С. 97-119.
3. Станкевич К. В Чили его называют апостолом науки и считают поляком, а в Беларуси поляки открывают ему музеи // Туризм и отдых, 2002. С. 5-6.

S U M M A R Y

In the article it is told about the life and activities of our great compatriot Ignati Domeiko.

Поступила в редакцию 24.04.2002

И.В. Пилецкий

Сельскохозяйственное производство как фактор формирования культурных ландшафтов Белорусского Поозерья

Хозяйственное использование природы является важнейшим природно-трансформирующим и во многих случаях природообразующим агентом, оказывающим сильное и разнообразное влияние на все природные компоненты. Следовательно, проблема изучения влияния человеческой деятельности на весь комплекс территориальных явлений Белорусского Поозерья является актуальной и требует серьезнейшего исследования.

Формы антропогенной деятельности по отношению к природной среде классифицируют в зависимости от характера и размеров этого воздействия. При этом на первое место ставятся те формы хозяйственной деятельности, которые незначительно трансформируют ландшафт и проявляются не локально, а на большой площади.

Между природными ресурсами и формированием антропогенных ландшафтов существует определенная связь. Однако эта связь не строго функциональна, т.к. некоторые виды культурных ландшафтов (дороги, города и т.д.) могут возникать и без особых природных предпосылок. В настоящее время достоверно установлено, что тип культурного ландшафта в значительной мере обусловлен характером природных ресурсов. Следовательно, наличие определенных видов природных ресурсов и благоприятных условий для определенного типа использования природной среды рано или поздно приводит к возникновению специфических культурных ландшафтов. В силу социально-экономических условий они могут различаться степенью и временем развития или какими-либо другими особыми чертами, но общая направленность изменений, вносимых человеком в первоначальную структуру природного ландшафта, оказывается predetermined самой природой. Так, не случайно черноземно-степные равнины умеренного пояса на разных материках и в разных странах стали районами богарного земледелия [1]. Естественно, что все типы культурных ландшафтов Белорусского Поозерья появились не сами по себе. Их создание — дело рук человека, а не самой природы, но в их географическом распространении, внешнем аспекте, а главное, в той системе изменений природных процессов, которые внесены человеком, большую и во многих случаях определяющую роль играют первоначальные свойства самой природной среды региона.

Белорусское Поозерье, как и вся территория Республики Беларусь, расположено на стыке двух природно-климатических зон. Специализацию сельскохозяйственного производства здесь, кроме природно-климатических факторов, определяют экономические факторы, в том числе и разделение труда в рамках государства. В бывшем СССР территория Белорусского Поозерья как и вся Республика Беларусь была определена как зона мясомолочного производства. Ориентирование сельскохозяйственного производства на природно-климатические условия, позволяющие производить относительно гарантированный объем дешевых травянистых кормов, и с учетом поставки концентрированных кормов из других регионов бывшего СССР, было экономически оп-

равдано. При этом структура посевов была такой, что позволяла выдержать в большинстве случаев требования севооборотов (плодосмена), исходя из почвенно-климатических условий региона и достигнутого уровня агротехники.

Большинство административных районов Белорусского Поозерья, за исключением Витебского, Докшицкого, Полоцкого и Россонского районов, входило в зону молочно-мясного скотоводства, свиноводства и интенсивного льноводства [2, 3]. При этом Докшицкий, Полоцкий и Россонский районы в животноводстве имели общую специализацию, а в растениеводстве — льноводство. Витебский район входил в зону молочного скотоводства, свиноводства и птицеводства. Ведущей отраслью сельскохозяйственного производства являлось скотоводство, в преобладающей части хозяйств сочетающееся со свиноводством. В некоторых хозяйствах в качестве дополнительной отрасли развивалось птицеводство.

В структуре товарной животноводческой продукции доля молока и мяса крупного рогатого скота составляла более чем по 34%. В пригородных зонах ведущими отраслями являлись молочное скотоводство, птицеводство и овощеводство [3, 4].

Такая специализация сельскохозяйственного производства в Белорусском Поозерье функционировала продолжительное время, была оправдана и рациональна при централизованном планировании и управлении сельскохозяйственным производством в рамках бывшего СССР. Естественно складывавшаяся специализация сельскохозяйственного производства на протяжении всего времени способствовала активному формированию культурных ландшафтов, так как более 40% территории составляли сельскохозяйственные земли. Территории, занятые под лесом и сельскохозяйственными землями, определяют вид культурных ландшафтов.

После распада, в условиях экономического кризиса, радикальных изменений в специализации региона, кроме общего спада производства сельскохозяйственной продукции, не произошло [3, 5].

В табл. приведены объемы производимой в Республике Беларусь продукции растениеводства, использование которой на корма в отдельные годы достигало от 61% до 76%.

Как известно в Поозерье, как и в целом по республике, основной объем растениеводческой продукции (61%-76% всей продукции растениеводства, а в отдельные годы до 80%) используется на корм скоту и птице. При этом, несмотря на резкое увеличение цен на энергоресурсы и ГСМ, в последнее десятилетие и в настоящее время затраты на корма почти не изменились. Они являются определяющими в структуре затрат на материальное производство сельскохозяйственных предприятий и составляют более 50%. В условиях жесткого государственного регулирования цен на животноводческую продукцию это неизбежно ведет к снижению рентабельности и убыточности отрасли животноводства и соответственно всего сельскохозяйственного производства в целом.

На настоящее время животноводство является ведущей отраслью сельского хозяйства Поозерья. Значение его определяется не только высокой долей в валовой продукции, но большим влиянием на экономическое состояние сельскохозяйственных предприятий. В животноводстве сосредоточено более половины трудовых ресурсов села и основных производственных фондов, и затраты составляют более 50% от всех затрат на материальное производство. Главенствующая роль в животноводстве принадлежит скотоводству, на долю которого приходится все производство молока и 60% мяса.

На формирование культурных ландшафтов существенное влияние оказывает уровень развития отрасли животноводства. В отличие от других регио-

нов мира в Белорусском Поозерье, да и в целом по Республике Беларусь, численность поголовья скота за рассматриваемый период, не повлияла, да и не могла заметно повлиять на сформировавшиеся культурные ландшафты. Это объясняется тем, что такие явления, как перевыпас, засухи и др. в данном регионе не сказываются на формировании культурных ландшафтов. Засушливые периоды, наблюдающиеся в определенные годы, приводят к резкому снижению продуктивности пастбищ и даже засыханию травостоя. Однако, это не ведет к необратимым процессам, и произошедшие нарушения быстро восстанавливаются.

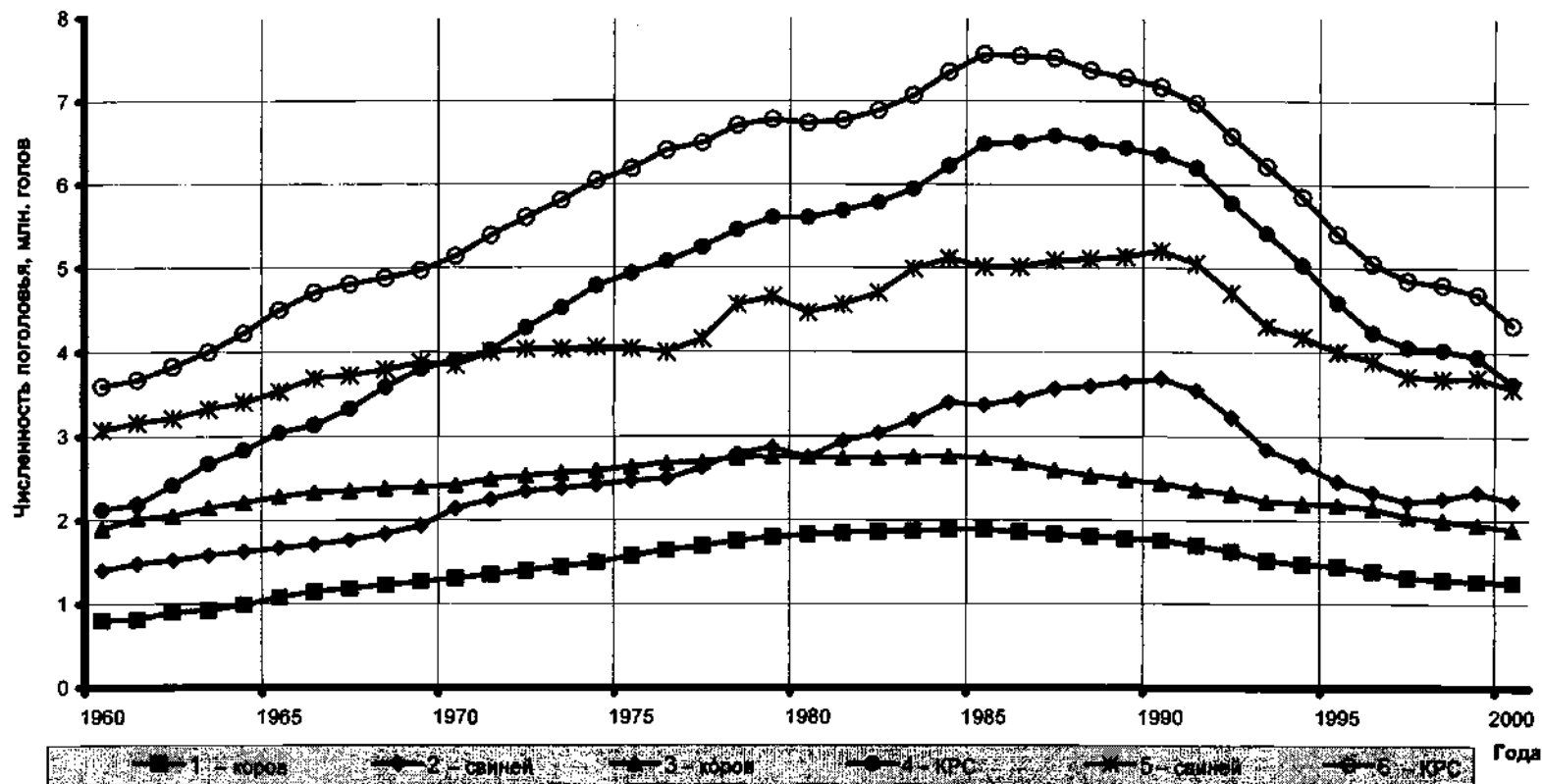
Таблица

Производство продукции растениеводства в сельскохозяйственных предприятиях Республики Беларусь (тыс. т.к.е.)

Годы	Всего на с/х землях	В том числе на			Расход всех кормов
		пашне	сенокосах	пастбищах	
1985	27632	21341	2298	3669	19746
1986	28847	22779	2117	3648	19365
1987	32802	26697	2298	3808	22972
1988	28678	22661	2181	3836	19159
1989	31745	25660	2149	3936	21907
1990	29217	23354	2035	3828	22018
1991	27090	21214	2133	3743	20553
1992	23164	18712	1626	2826	17616
1993	25600	20959	1656	2985	16686
1994	20086	15963	1457	2666	15079
1995	19273	15502	1363	2408	13267
1996	19956	16110	1401	2445	12436
1997	21097	17091	1484	2522	12845

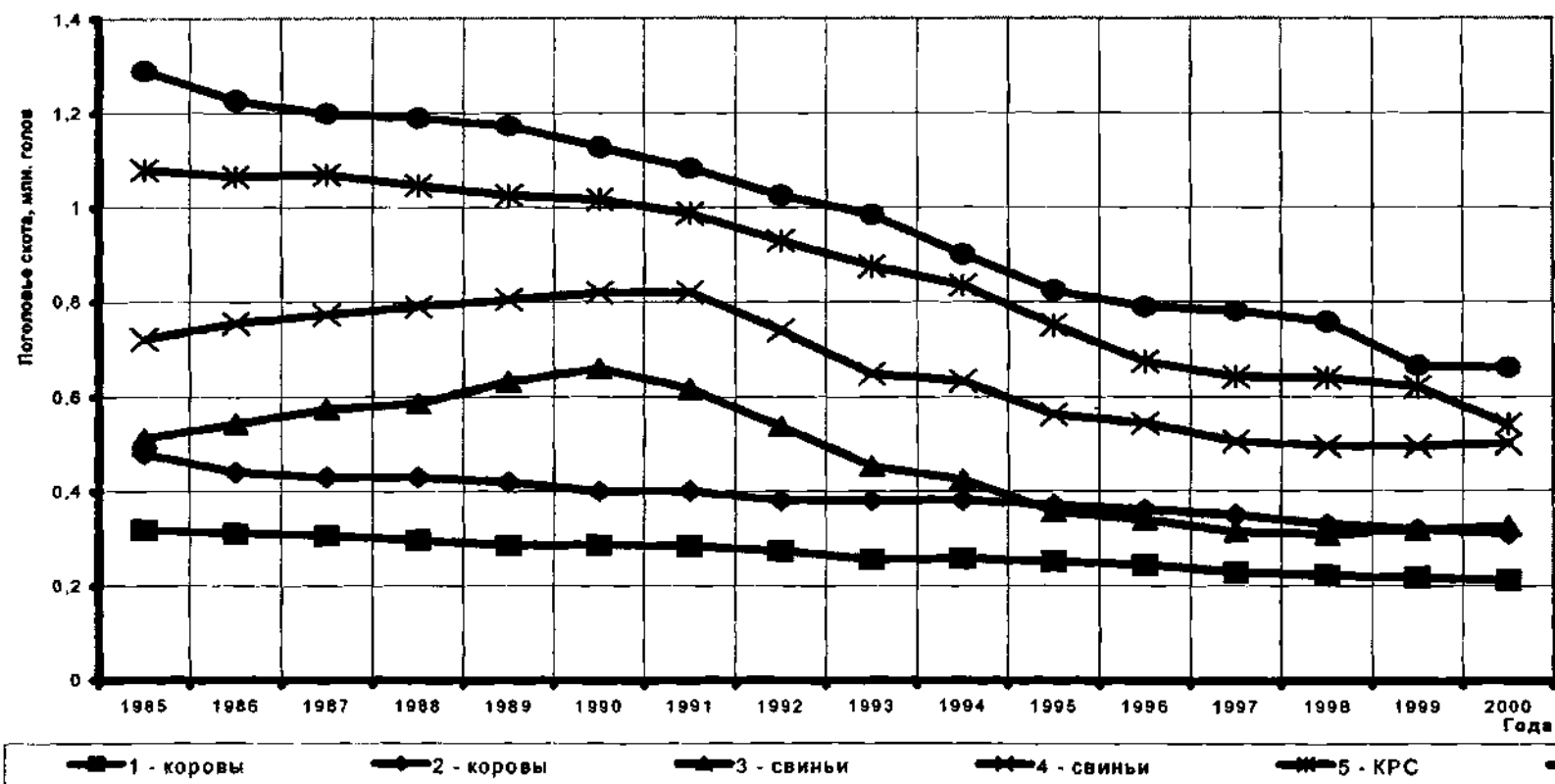
В условиях региона и, в целом Республики Беларусь, численность поголовья скота определяется достигнутой продуктивностью кормовых культур, т.е. кормовой базой, которая увеличивалась вплоть до 1990 года (табл.). К этому времени численность крупного рогатого скота (КРС) в сельскохозяйственных предприятиях выросла более чем на 34% по сравнению с началом 60-х годов и составила примерно 94% общей его численности. Это объясняется тем, что в этот период были введены в эксплуатацию крупные специализированные животноводческие комплексы.

Кризисные явления в экономике, начавшиеся в 90-х годах, привели к снижению производства и продуктивности растениеводства а, соответственно, к резкому снижению численности поголовья скота (рис.1). При этом снижение численности КРС происходило пропорционально как в сельскохозяйственных предприятиях, так и в домашних подворьях, в том числе и в фермерских. Это падение было бы еще существеннее, если бы не своевременная мобилизация всех местных ресурсов на обеспечение прекратившихся поставок концентрированных кормов из-за пределов республики.

Условные обозначения: 1, 2 и 4 — в сельскохозяйственных предприятиях; 3, 5 и 6 — в хозяйствах всех категорий

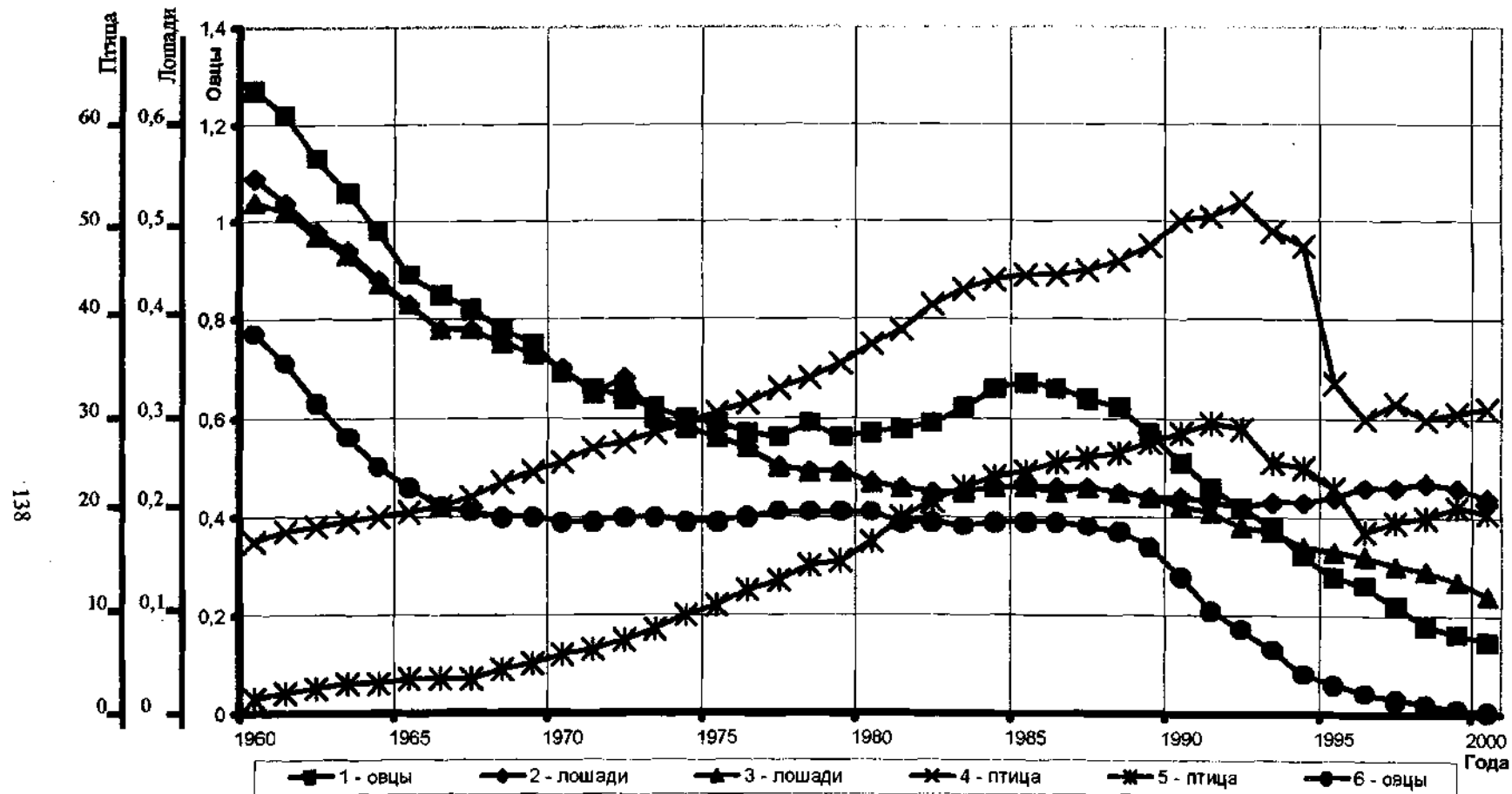
Рис. 1. Динамика численности поголовья животных в Республике Беларусь

Условные обозначения: 1, 3, 5 – сельскохозяйственные предприятия; 2, 4, 6 – все категории хозяйств

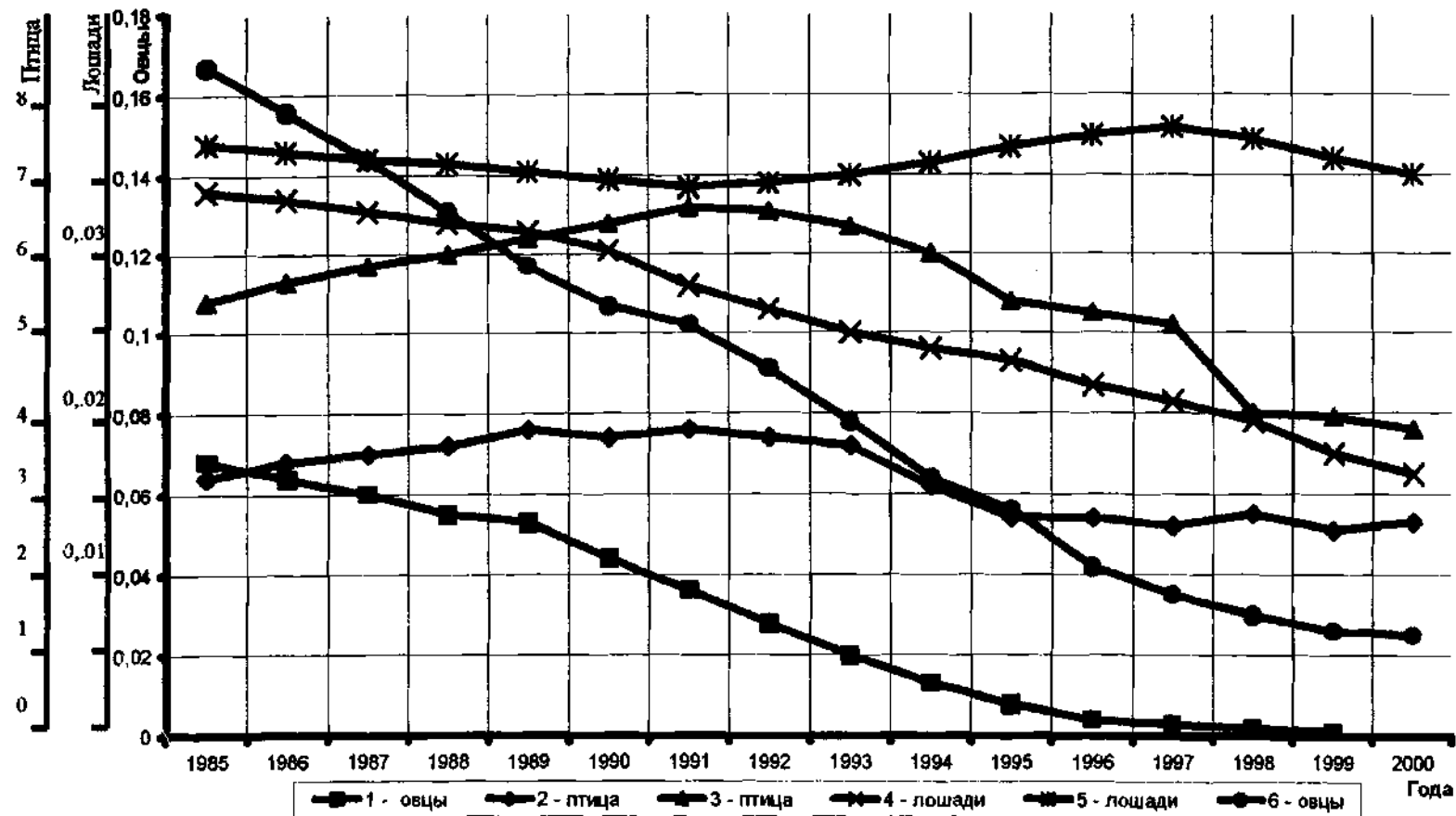
Рис. 2. Динамика численности поголовья животных в хозяйствах Витебской области

МЛН. ГОЛОВ

Условные обозначения: 3, 5, 6 – в сельскохозяйственных предприятиях; 1, 2, 4 – в хозяйствах всех категорий

Рис. 3. Динамика численности поголовья животных и птиц в Республике Беларусь

Условные обозначения: 1, 2, 4 – в сельскохозяйственных предприятиях; 3, 5, 6 – в хозяйствах всех категорий

Рис. 4. Численность поголовья животных и птиц в хозяйствах Витебской области

В Беларуси численность КРС в личных хозяйствах относительно общей численности в рассматриваемом периоде поступательно снижалась. Если в начале 60-х годов она составляла 39%, то в конце 80-х – 12%, а в 2000 году – 15%, в т.ч. численность коров – 52,6 %; 34,3% и 32,6%, соответственно. Некоторое увеличение численности КРС в 2000 г. произошло из-за высоких темпов снижения его численности в общественном секторе [3, 6, 7].

Аналогичная ситуация характерна и для Белорусского Поозерья (рис. 2). Незначительное снижение численности поголовья коров можно объяснить жестким государственным регулированием. Однако стремление поддержать численность поголовья в условиях снижающейся обеспеченности скота кормами и снижающегося его качества из-за постоянного ладения ресурсного обеспечения хозяйств, привело к резкому снижению продуктивности и увеличению расхода кормов на единицу производимой продукции. Если в 1990 г. в сельскохозяйственных предприятиях Витебской области расход кормов на один ц. прироста КРС составлял 13,49 ц.к.е., то в 1995 году – 18,57 ц.к.е. [8].

Административные меры по поддержанию численности поголовья животных, снижение объемов производства продукции растениеводства и резкие их колебания по отдельным годам (табл.), отсутствие страховых запасов кормов и крайне ограниченные возможности закупки кормов за пределами республики, крайне неэффективное использование кормов – все это, естественно, не могло не сказаться на животноводческой отрасли. При этом более всего оказались уязвимыми животноводческие комплексы, т.к. они обеспечивались комбикормами из централизованных государственных ресурсов. В Ушачском районе, например, в 1990 году на комплексе по откорму было 24 тыс. голов свиней, а в 2001 г. осталось только маточное поголовье; в колхозе «Гигант» Толочинского района из 39 тыс. уток теперь насчитывается менее 2 тысяч.

Следует отметить, что комплексы играли существенную роль в производстве мяса и молока. Так, в 1990 году на свиноводческих комплексах было сосредоточено 62% поголовья свиней Витебской области и получено 74% привеса свиней на откорме. Только за один 1990 г. валовой надой молока возрос по сравнению с 1989 г. на 14 тыс. тонн. Удой на одну корову увеличился на 58 кг и достиг 3030 кг с колебаниями от 2741 кг в Сенненском до 3321 кг в Глубокском районах.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что и в период до 1992 года недостаточно использовался потенциал животных. Генетический потенциал молочной продуктивности составлял в этот период 3200-3500 кг, а привес скота на откорме мог быть получен 900-1000 г в сутки. Фактическая продуктивность явилась следствием недостаточной обеспеченности поголовья скота кормами и их несбалансированностью. Даже тщательный уход за скотом при недостатке кормов или их низком качестве – бесполезное использование труда. Ни в одном районе обеспеченность кормами не достигала 100%. На одну кормовую единицу заготовленных кормов приходилось менее 100 гр. протеина. Несбалансированность рациона по видам кормов приводила к перерасходу их на единицу продукции.

Отметим еще одну немаловажную деталь: развитие отрасли животноводства непосредственно сказывается на растениеводстве, его интенсификации. Использование органических удобрений для повышения плодородия почв региона является незаменимым фактором. Следовательно, снижение численности поголовья скота неизбежно ведет и к снижению продуктивности сельскохозяйственных земель.

С 1992 года начала снижаться численность поголовья и других видов животных (рис. 3). Хотя лошади, овцы, козы и птица не являются определяющи-

ми в производстве животноводческой продукции, и их роль как ландшафтообразующих факторов невелика, однако изменение их численности следует тем же тенденциям, что и для КРС и свиней и определяется снижением объемов производства продукции растениеводства, которое усугубляется снижением использования органических удобрений.

С 1961 г. до 1966 г. наблюдалось уменьшение численности поголовья овец и коз в сельскохозяйственных предприятиях. Затем этот процесс стабилизировался, а в конце 80-х годов началось дальнейшее резкое снижение их численности. Если разведением их раньше занимались многие хозяйства республики, то к настоящему времени ни одно из сельскохозяйственных предприятий этим не занимается. Следует отметить, что лишь в 80-е годы наблюдалось некоторое увеличение поголовья овец и коз в личных хозяйствах, однако, в последнее десятилетие и в этих хозяйствах их численность уменьшается. Такая тенденция характерна и для Витебской области (рис. 4).

Несколько по-другому складывалась ситуация с поголовьем лошадей. В 60-70-е годы оно было сосредоточено, в основном, в сельскохозяйственных предприятиях, и наблюдался процесс их поступательного снижения (рис.3). Этому способствовало насыщение хозяйств автотракторной техникой. К началу 80-х годов численность лошадей в сельскохозяйственных предприятиях стабилизировалась, но сохранилась не долго. Дальнейшее снижение численности началось в конце 80-х годов, но в этот период обозначился рост численности лошадей в личных подсобных хозяйствах, в том числе и фермерских.

В бывшем Советском Союзе особое внимание уделялось развитию птицеводства в Республике Беларусь, в частности, и в Белорусском Поозерье. Благодаря чему, в 70-80-е годы прошлого века происходил поступательный рост численности птицы в сельскохозяйственных предприятиях при почти неизменной численности птицы в личных хозяйствах. Начиная с 1992 г. по 1996 г., произошло резкое снижение численности птицы как в сельскохозяйственных предприятиях, так и в личных хозяйствах. В последние годы этот процесс несколько стабилизировался, что вызвано потребностями внутреннего рынка. Птицеводство развивалось преимущественно на крупных специализированных фермах в отдельных административных районах.

В заключение приведем отдельные показатели развития Белорусского Поозерья в конце 80-х годов. На душу населения производилось 129 кг мяса в убойном весе и 727 кг молока, что было выше среднего показателя по республике. На 100 га сельскохозяйственных угодий приходилось 59 голов КРС, в том числе 17 коров, 54 свиньи (по республике, соответственно, 73, 20 и 65 голов). Свинина в валовом производстве мяса занимала до 37% и около 13% – мясо птицы и баранина. Удельный вес закупаемого в личных подсобных хозяйствах молока составлял 20% от общего объема производства в регионе. Только у населения в 1990 г. было закуплено более 119 тыс. голов КРС [3].

Таким образом, до распада СССР Белорусское Поозерье было специализировано на развитии мясомолочного скотоводства на промышленной основе. Этому способствовали благоприятные природно-климатические и почвенные условия региона, позволяющие производить необходимый и достаточно стабильный объем травянистых кормов. Значительная часть концентрированных кормов поставлялась из других регионов бывшего Союза. Сложившаяся специализация была экономически выгодной, такой она остается и по настоящее время, хотя прекратились поставки концентрированных кормов из-за границы. Но с учетом природно-климатических условий региона, ее следует признать наиболее рациональной, так как существующая ценовая конъюнктура является временной. При этом развитие отрасли животноводства необходимо ориентировать на возможные объемы производимых в районе кормов.

Кризисные явления в экономике в 90-е годы привели к резкому снижению производства продукции растениеводства. Как результат этого — значительно снизилась численность поголовья животных по всей республике. Однако падение численности поголовья животных при сложившейся у нас специализации в условиях жесткого государственного регулирования происходило не пропорционально снижению продуктивности используемых земель. Стремление административными мерами сдержать уменьшение поголовья скота привело к резкому падению продуктивности отрасли животноводства и к ее убыточности, соответственно, и к снижению производительности труда в отрасли. Продукция животноводства в таких условиях стала неконкурентоспособной.

Численность поголовья скота определяется достигнутой продуктивностью кормовых угодий. Снижение продуктивности земель в условиях экономического кризиса неизбежно ведет к уменьшению численности поголовья скота при неизменной площади используемых в сельскохозяйственном производстве земель.

Рост численности поголовья скота в регионе не в состоянии кардинально изменить направленность развития культурных ландшафтов, так как перевыпас и другие явления, присущие определенным природно-климатическим зонам, здесь не ведут к деградации пастбищ. Наблюдающиеся в отдельные годы засушливые периоды хотя и приводят к снижению продуктивности пастбищ и даже к засыханию на части площади травостоев, однако эти процессы являются обратимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шашко А.И., Юнатов А.А.* Агроклиматические условия размещения и специализации сельскохозяйственного производства. Л., 1959.
2. *Народное хозяйство Витебской области.* 1996 год. Статистический сборник. Витебск, 1997.
3. *Сельское хозяйство Республики Беларусь.* Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. Мн., 2001. — 315 с.
4. *Агропромышленный комплекс Республики Беларусь.* Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. Мн., 1999. — 267 с.
5. *Сельское хозяйство Республики Беларусь.* Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. Мн., 1998. — 287 с.
6. *Животноводство.* Статистический сборник / Витебское областное управление статистики. Витебск, 1999. — 108 с.
7. *Численность скота по Республике Беларусь, областям и районам на 1 января 2001 г.* Витебское областное управление статистики / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. Мн., 2001. — 57 с.
8. *Систематизация «Динамические ряды по статистике животноводства 1960-1970 гг.»* / Витебское областное управление статистики. Витебск, 1971. — 90 с.

S U M M A R Y

The formation of the cultural landscapes of the Belarusian Lake Area is connected with the natural and climatic conditions of the territory. The structure of the use of the lands depends on the production of plant growing. The analysis of the production of plant growing at the agricultural enterprises of Belarus and the Belarusian Lake Area is presented, the changes of the structure of the lands and sowing areas of the basic agricultural crops are shown. Intensive agricultural use of the lands of the cultural landscapes makes it possible to provide the population of the region with products of plant and stock breeding and to export a significant part of them.

Поступила в редакцию 8.02.2002

В.В. Ивановский, В.Я. Кузьменко, В.П. Козлов

Сизая чайка (*Larus canus* L.) на верховых болотах Беларуси

В аналитической статье «Взгляд на состояние изученности орнитофауны Республики Беларусь» [1] констатируется, что сизой чайке в белорусской орнитологической литературе не посвящено ни одной специальной публикации. Имеющиеся сведения по этому виду рассеяны в ряде публикаций общего плана или в кратких сообщениях, и в них зачастую не указываются или приводятся заниженные данные по численности чайки, причем диапазон оценки численности различается в 2-3 раза. Отсутствуют описания гнезд и других сторон биологии, не указываются гнездовые станции и т.д.

Считается, что сизая чайка в Белоруссии начала гнездиться с семидесятых годов [2], а верховые болота не являются гнездовой станцией этого вида [3], хотя на сопредельных территориях России и Прибалтики этот вид был обнаружен на верховых болотах раньше [4-6].

Материалом для настоящего сообщения послужили данные, полученные в 1982-2001 годах в ходе обследования крупных верховых болот Белорусского Поозерья в апреле-августе. Некоторые из найденных колоний обследовались дополнительно с применением легкой надувной лодки. По мере возможности в пределах колоний кольцевались нелетные птенцы.

Сизая чайка обнаружена на большинстве верховых болот площадью от 500 до 19900 га: Оболь-II, Ельня, Юховичский мох, Глоданский мох, Стречно, Харитоново, Каменпольский мох, Сервечь, Долбенишки, Сидень, а также на торфокарьерах и торфоразработках Сенница, Дымовщина, Вальки, Осинторф, эвтрофированном водоеме «Журжево» близ Витебска, возникшем на месте ручной выработки торфа.

На верховых болотах сизая чайка гнездится как отдельными парами, так и небольшими колониальными поселениями от 5 до 50 пар. Численность этих колоний ограничивается наличием компактного грядово-озерного или сильно-обводненного грядово-мочажинного комплексов с наличием небольших моховых островков или кочек среди обводненных мочажин. Так, на 11 учетных маршрутах общей протяженностью 49 км, пройденных в мае-июне, на верховых болотах области было встречено от 1,7 до 6,7 птиц на 10 км маршрута (в среднем $3,5 \pm 1,4$ особи). Оптимальные условия для гнездования сизая чайка находит на так называемых «тоболках» верхового болота Ельня. «Тоболки» представляют собой цепую систему вытянутых узких озерков, соединенных между собой протоками. Эта система тянется с севера на юг вдоль западного берега болота, а затем заворачивает на восток вдоль южного берега. На озерках есть много небольших островков, часто поросших невысокими соснами и березками. Подобные станции есть еще только на болоте Каменпольский мох.

На остальных болотах типичное место расположения гнездовой колонии сизой чайки – открытый, сильно обводненный грядово-мочажинный комплекс растительности с участками травяных и грязевых топей, нередко с участками открытой воды. В таких местах каждая пара чаек занимает отдельную мохо-

вую кочку. В грядово-озерном комплексе, где более крупные островки, чайки могут селиться и несколькими парами на остров.

Типичное гнездо сизой чайки на верховом болоте представляет собой гнездовую ямку, вытопанную на моховой кочке и выстланную растительной ветошью в виде сухих стеблей и корневищ осок, пушицы, вереска, лубяных волокон с добавлением небольшого количества тонких сухих древесных веточек. На заброшенных торфокарьерах сизые чайки гнездятся на небольших торфяных островках или на остатках торфяных «бровок», образовавшихся в результате ручной или механической добычи торфа. Существенным отличием гнезд на торфокарьерах от гнезд на болотах является выстилка лотка. В гнездах на торфокарьерах она представлена сухими листьями и нетолстыми стеблями тростника и рогоза.

На торфоразработках чайки предпочитают гнездиться только колониями на подтопленных фрезерных полях, где они устраивают гнезда на небольших выбросах торфа вдоль мелиоративных каналов. Выстилка лотка такая же, как и в гнездах на верховых болотах.

Весьма интересными являются впервые обнаруженные нами для Беларуси случаи гнездования сизых чаек на деревьях, хотя для других точек ареала такие случаи описаны [6]. 1 мая 2001 года на крупном верховом болоте в Шумилинском районе сизая чайка заняла искусственное гнездо, построенное для дербника. Гнездо представляло собой моховую кочку, укрепленную на сосне на высоте 3,5 м. Оно занималось дербниками 2 раза. Сизая чайка сидела на сухой сосне у гнезда, лоток которого был аккуратно выстлан сухими травинками. Кладки еще не было.

15 июня 2001 года на верховом болоте в Витебском районе осмотрены 2 гнезда, построенные на соснах самими сизыми чайками. Они были построены на высоте 2,5 и 3 м, одно у вершины, второе на вершине невысоких сосенок, стоящих на краю чистика. Гнезда представляли собой рыхлые небрежные постройки, сложенные из тонких сухих веточек сосны в перемежку со мхом, лоток выстлан сухими стебельками осок. Молодые птицы были уже на крыле и уверенно летали над местом колонии.

По всей видимости, такие случаи нередки, особенно при наличии достаточного количества старых гнезд серой вороны. Просто орнитологи не обращают внимания и не обследуют гнезда, не занятые ушастой совой и мелкими соколами.

Диаметр промеренных гнезд составляет 23-35 см, в среднем $27,5 \pm 3,5$ см ($n = 18$); диаметр лотка 15-20 см, в среднем $17,5 \pm 1,5$ см ($n = 21$); глубина лотка 4-6 см, в среднем $5,5 \pm 0,5$ см ($n = 18$). Толщина гнезда колеблется от 0 до 10 см, в зависимости от того расположено ли гнездо на моховой кочке или на ровной поверхности мохового покрова, травяной или грязевой топи.

В пределах Витебской области сизые чайки появляются весной в первых числах апреля. В колонии птицы, строящие гнезда, отмечаются в 20-х числах апреля. Кладка яиц происходит в период с 3 по 18 мая, в среднем, по многолетним наблюдениям, кладка начинается 10-11 мая. В полных кладках отмечено по 2-3 яйца, в среднем $2,7 \pm 0,5$ яйца на кладку ($n = 26$). Размеры яиц ($n = 52$) – $53,4-65,0 \times 37,8-43,2$ мм, в среднем $59,08 \pm 2,86 \times 41,22 \pm 1,28$ мм. Максимальные размеры яиц – $65,0 \times 37,8$ и $63,3 \times 43,2$ мм; минимальные размеры – $53,4 \times 40,6$ и $65,0 \times 37,8$ мм.

Вылупление птенцов происходит в период с 1 по 16 июня, в среднем первые птенцы появляются 8 июня. В первые 3-4 дня птенцы находятся в гнезде и обогреваются родителями. Летные молодые птицы наблюдаются в пределах колоний в период с 5 по 20 июля, в среднем 13 июля. После подъема на крыло, молодые птицы еще в течение 2-3 недель подкармливаются взрослыми.

ми. В это время, заведя родителей, молодые летают за ними и своеобразно «скулят». В погадках, собранных в пределах колоний, и под сторожевыми сухими сосенками, на которых часто сидят взрослые птицы, отмечены остатки ягод (вороника и клюква), рыбы, насекомых и мелких мышевидных млекопитающих. Непосредственно в местах гнездования врагами сизых чаек являются хищные млекопитающие (горностаи, лесной хорек, норки, енотовидная собака, лиса) и пернатые хищники, такие, как беркут, орлан-белохвост, ястреб-тетеревятник и филин.

В последнее десятилетие наблюдается расселение сизой чайки с верховых болот не только на торфокарьеры и торфоразработки, но и в другие станции (озера, рыбопродуктивные пруды, песчаные и доломитовые карьеры, очистные сооружения, острова крупных рек и другие места [7]. Эти же тенденции отмечаются и в Северной Белоруссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гричик В.В. Взгляд на состояние изученности орнитофауны Республики Беларусь // Subbuteo, 1999, том 2, № 1. С. 3-10.
2. Никифоров М.Е., Яминский Б.В., Шляров Л.П. Птицы Белоруссии: Справочник-определитель гнезд и яиц. Минск, 1989. – 479 с.
3. Дучиц В.Н. Орнитофауна болот Белоруссии и ее изменения в связи с мелиорацией. Автореферат дисс... канд. биол. наук. Мн., 1972. – 23 с.
4. Kumari E. The increase in the numbers of the Common Gull *Larus canus* and its colonization of Estonian peat – bogs in recent decades // Ornis Fennica, 1976, 53. С. 33-39.
5. Птицы Латвии: Территориальное размещение и численность. Рига, 1983. – 224 с.
6. Николаев В.И. Птицы болотных ландшафтов национального парка «Завидово» и Верхневолжья. Тверь, 1998. – 215 с.
7. Приедниекс Я., Страздс М., Страздс А., Петриньш А. Атлас гнездящихся птиц Латвии: 1980-1984. Рига, 1989. – 353 с.

S U M M A R Y

The data on distribution, number, biology of duplication and phenology of Common gull (*Larus canus* L.) in Byelorussian Lake Area are resulted.

Поступила в редакцию 22.03.2002

УДК 582.284

Я.А. Шапорова, П.Ю. Колмаков

Первые находки *Russula azurea* Bres. в Беларуси

В ходе экспедиционных исследований нами впервые выявлены местонахождения *Russula azurea* Bres. в Республике Беларусь. Этот вид отмечен в Литве, Латвии, где встречается редко в еловых лесах в августе-октябре [1], он также известен в Польше [2]. По Псковской и Смоленской областях Российской Федерации и Украине данные о наличии вида отсутствуют.

Ниже приводим подробное описание вида [3-6] и условий его произрастания в Беларуси.

Шляпка в диаметре 3–8 (–10) см., в молодости шаровидная, потом плоско-распростертая с мучнисто-бархатным белым налетом. Кожица аметистово-фиолетовая, мутно-лиловая с темной (до черной) серединой, иногда коричневато-фиолетовая, серо-голубовато-оливковая, по краю серая, во влажном состоянии слизистая, при высыхании становится тусклой. Край тупой, рубчатый. Пластинки чисто белые, тесно прилегающие друг к другу, одинаковой длины, порой разветвленные у основания, прикрепленные, с возрастом иногда становятся свободными. Ножка чисто белая, ровная или к основанию слегка расширяется, 3–5 x 1–2 см., прочная. Мякоть белая, сочная, у зрелых базидиом – сухая, без особого вкуса и запаха. С фенолалонином окрашивается в медно-красный цвет (спустя некоторое время чернеет). Кутикула шляпки состоит из тесно прилегающих волосков 3–4 мкм. шириной, концевые клетки которых часто заполнены фиолетовым пигментом. Споровый порошок белый. Споры эллипсоидальные 8–9 x 7–8 мкм. Цистиды 50–75 x 8–10 мкм., веретеновидные кверху сильно сужены.

Встречается с июня по октябрь в сухих хвойных или смешанных лесах с песчаной почвой, иногда небольшими группами (до 10 плодовых тел).

В настоящее время известно несколько местонахождений этого вида в Беларуси: Гродненская область, Сморгонский район, Сморгонский лесхоз, Трилесинское лесничество, квартал 40, сосняк мшистый с подростом ели; Бешенковичский район, Бешенковичский лесхоз, Островенское лесничество, д. Комли, сосняк мшистый с подростом ели, на песчаной почве небольшими группами (по 5–10 плодовых тел); Минская область, Столбцовский район, окрестности железнодорожной станции «Мезиновка», сосняк мшистый с подростом ели и березы бородавчатой, группами.

Приведенные данные свидетельствуют о произрастании *Russula azurea* Bres. в центральных и северных районах республики. Локалитеты приурочены к соснякам мшистым с подростом ели и березы бородавчатой. Плодоношение наступает в июне–октябре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Urbanas V., Kalamees K., Lukin V. Conspectus florum agaricalium fungorum (Agaricales s. 1.) Lithuaniae, Latviae et Estoniae. Vilnius, 1986. – 138 p.
2. Skirgilelo A. Flora Polsska. Grzyby. Tom XX. Gołabek (*Russula*). PWN, 1991. – 266 s.
3. Michael E., Henning B., Kreisel H. Handbuch für Pilzfreunde Band V: Blätterpilze – Milchlinge und Täublinge. Zweite Auflage. Jena: VEB Gustav Fischer Verlag, 1983. – 408 s.
4. Moser M. Röhrlinge und Blätterpilze (Polyporales, Boletales, Agaricales, Russulales). – Jena: VEB Gustav Fischer Verlag, 1983. – 534 s.
5. Nordic macromycetes. Vol. 2 (Polyporales, Boletales, Agaricales, Russulales). – Nordsvamp – Copenhagen, 1992.
6. Svrček V., Erhart J., Erhartova M. Holubinky. Praha, 1984. – 168 p.

S U M M A R Y

The article contains the information about the first findings of *Russula azurea* Bres. in Belarus. The location of the species is stated here.

Поступила в редакцию 21.03.2002

Изменение клеточного состава крови крыс, адаптированных к воздействию гипоксии и подвергшихся токсическому воздействию

В условиях дефицита кислорода во внешней среде возникает гипоксия, которая вызывает недостаточное поступление кислорода в ткани и клетки организма до уровня недостаточного для поддержания функции и метаболизма [1] или нарушение его использования при биологическом окислении [2]. Данный процесс всегда приводит к недостатку свободной энергии [3], а также к перестройке функционирования различных систем организма, в основе, которой лежат механизмы, обеспечивающие недостаточное поступление кислорода в организм, не смотря на дефицит его в окружающей среде, поступление кислорода к жизненно важным органам, не смотря на гипоксемию, способность тканей утилизировать кислород при его низком напряжении и образовывать АТФ, увеличение анаэробного синтеза АТФ [4].

Согласно концепции Ф.З. Меерсона адаптация к гипоксии протекает в несколько стадий. Первая стадия – срочная адаптация к гипоксии – характеризуется мобилизацией систем, ответственных за транспорт кислорода, развитие неспецифического стресс-синдрома и перестройкой деятельности высших отделов центральной нервной системы. Во второй стадии – переходной адаптации – происходит активация биосинтеза нуклеиновых кислот и белков в широком круге органов и систем. Третья стадия – устойчивой адаптации – характеризуется завершением формирования нового функционального состояния, или «системного структурного следа» [5].

Таким образом, результатом действия гипоксии на органы, ткани, клетки является формирование структурного следа, приводящего к увеличению функциональной мощности систем, ответственных за адаптацию [2]. Установлено, что сформировавшееся в процессе адаптации к гипоксии новое функциональное состояние обеспечивает повышение резистентности ко многим факторам. Однако в вопросе о влиянии гипоксии на устойчивость организма животных и человека к токсическим воздействиям многое остается неясно.

В связи с этим целью нашей работы было исследование влияния предварительной адаптации к гипоксии на клеточный состав крови при токсическом воздействии.

Эксперимент проводился на белых беспородных крысах-самках массой 150-200 г. Токсическое воздействие на организм CCl_4 оценивалось по развитию гепатита, который был вызван однократным внутрижелудочным введением через зонд четыреххлористого углерода в дозе 0,8 мл в виде 50% масляного раствора. Адаптация к гипоксии осуществлялась в барокамере на высоте 3500 м, экспозиция составляла 1 час. В крови крыс при помощи автоматического анализатора «Медоник» определяли 12 показателей.

Все животные были разделены на три группы: 1-я группа – контрольные животные; 2-я группа – подопытные животные, подвергшиеся токсическому

воздействию; 3-я группа – подопытные, адаптированные в течение 22-х дней в барокамере к действию гипоксии и на 23-й день подвергшиеся токсическому воздействию.

Анализ результатов исследования крови выявил снижение содержания эритроцитов с 7,68 в контроле до 6,1 в третьей группе. Во второй группе этот показатель составил 6,9 ($P_{1,2}>0,05$). Отмечено увеличение среднеклеточного объема эритроцита во второй группе по сравнению с контролем (46,9), соответственно 52,77. В третьей группе также наблюдается тенденция к увеличению этого показателя, соответственно 50,9 ($P_{1,3}>0,05$). Абсолютная ширина распределения эритроцитов значительно увеличивается в третьей (42,25) и второй (39,98) группах по сравнению с контролем (34,6). Вследствие снижения содержания эритроцитов в крови животных третьей группы (6,1) отмечено уменьшение концентрации гемоглобина в этой группе (109,8) по сравнению с контролем (123,8). Во второй группе (123,8) этот показатель недостоверно равен контролю. Однако в результате увеличения среднеклеточного объема эритроцита увеличивается среднеклеточный гемоглобин в третьей (18,4) и второй (18,03) группах по сравнению с контролем (16,1). Анализ крови животных выявил тенденцию к увеличению гематокрита во второй группе (36,4), и уменьшение этого показателя в третьей группе (30,6) по сравнению с контролем (36,04) (табл.).

Таблица

Результаты анализа крови крыс

Показатель	Группа			P
	1 (n = 10)	2 (n = 12)	3 (n = 5)	
Эритроциты, $10^{12}/л$	7,68±0,3	6,9±0,5	6,1±0,4	$P_{1,2}>0,05$ $P_{1,3}<0,001$ $P_{2,3}>0,05$
Среднеклеточный объем эритроцита, фл.	46,9±0,99	52,77±1,3	50,9±2,5	$P_{1,2}<0,001$ $P_{1,3}>0,05$ $P_{2,3}>0,05$
Абсолютная ширина распределения эритроцитов, фл	34,6±1,05	39,98±1,3	42,2±4,4	$P_{1,2}<0,001$ $P_{1,3}<0,05$ $P_{2,3}>0,05$
Концентрация гемоглобина, г/л	123,8±4,9	123,8±9,1	109,8±3,1	$P_{1,2}>0,05$ $P_{1,3}<0,01$ $P_{2,3}>0,05$
Среднеклеточный гемоглобин, пикограммы	16,1±0,32	18,03±0,4	18,4±0,96	$P_{1,2}<0,001$ $P_{1,3}<0,05$ $P_{2,3}>0,05$
Гематокрит, %	36,0±1,6	36,4±2,9	30,6±0,97	$P_{1,2}>0,05$ $P_{1,3}<0,001$ $P_{2,3}<0,05$
Тромбоциты, $10^9/л$	366±100,7	349±35,5	220±69	$P_{1,2}>0,05$ $P_{1,3}>0,05$ $P_{2,3}<0,05$
Среднеклеточный объем тромбоцита, фл	6,9±0,09	8,3±0,2	6,9±0,25	$P_{1,2}<0,001$ $P_{1,3}>0,05$ $P_{2,3}<0,001$
Лейкоциты, $10^9/л$	14,9±2,2	11,02±2,3	9,58±2,2	$P_{1,2}>0,05$ $P_{1,3}<0,05$ $P_{2,3}>0,05$

Результаты исследования крови указывают на недостоверное снижение содержания тромбоцитов в третьей (220) и второй (349) группах по сравнению с контролем (366). Однако следует отметить достоверное снижение этого показателя в третьей группе по сравнению со второй группой. Отмечено увеличение среднеклеточного объема тромбоцита во второй группе (8,3) по сравнению с контролем 6,9. Данный показатель в третьей группе недостоверно одинаков с первой группой и составил соответственно 6,9 ($P_{1,3} > 0,05$). Выявлено достоверное увеличение среднеклеточного объема тромбоцита во второй группе по сравнению с третьей группой.

Выявлено значительное уменьшение содержания лейкоцитов в крови животных третьей группы (9,58) по сравнению с контролем (14,9). Во второй группе этот показатель имеет тенденцию к снижению по сравнению с контролем и третьей группой, и составил 11,02 (табл.). Среди разновидностей лейкоцитов во всех группах преобладают гранулоциты, затем лимфоциты. Моноциты составляют незначительную часть. Следует отметить значительное увеличение лимфоцитов в третьей группе 69,15%. В первой и во второй группах данный показатель составил соответственно 41,4% и 45,2%. В содержании гранулоцитов выявлено их значительное уменьшение в третьей группе – 29,95% по сравнению с контролем 50,3%. Во второй группе этот показатель составил 47,1%. В результате исследования крови было отмечено уменьшение содержания моноцитов с 8,3% в контроле до 4,9% в третьей группе. Во второй группе данный показатель равен 7,7%. Следует отметить, что в третьей группе содержание лимфоцитов увеличивается, а содержание гранулоцитов снижается.

Таким образом, предварительная кратковременная адаптация в течение 22 дней к гипоксии на высоте 3500 м в барокамере приводит к изменению клеточного состава крови и повышению устойчивости организма к токсическому воздействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова Л.Д. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины, 1997, №9. С. 244-254.
2. Гипоксия. Адаптация, патогенез, клиника / Под ред. Ю.Л. Шевченко. СПб., 2000. – 384 с.
3. Sutton J.R., Coates G., Remmers J. Hypoxia. – Philadelphia: B.C. Decker, 1990. – 184 p.
4. Малкин В.Б., Белкин В.Ш., Каюмов Л.Ю., Ландухова Н.Ф. Методы повышения устойчивости к горной гипоксии. Душанбе, 1989. – 248 с.
5. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981. – 256 с.

S U M M A R Y

The influence of a preliminary adaptation to hypoxia on the organism of the rats put to a toxical pressure is examined. The toxical pressure was estimated at the development of hepatitis. The analysis of the results research has shown that the preliminary adaptation during 22 days to hypoxia influence at a height of 3500 m in a barocamera results in the change of the cell compound of blood and the increase of the organism's steadiness to a toxical influence.

Поступила в редакцию 28.03.2002

О конечных разрешимых группах с копростым автоморфизмом

Цель этой работы состоит в том, чтобы ослабить условие теоремы 5 из работы [1] и доказать, что ее заключение остается справедливым, если у-инвариантную силовскую p -подгруппу заменить произвольной у-инвариантной p -подгруппой.

Отметим, что здесь используются стандартные обозначения и терминология, которые можно найти в источниках [1-4].

Следует также отметить, что фигурирующая в [1] группа типа $(2, p, k, c)$ имеет порядок $2^{2k+1}p^{2c}$, если ее экстраспециальная силовская 2-подгруппа T не изоморфна Q_8 . Именно в этом случае T имеет нормальную элементарную абелеву подгруппу E порядка 4, существование которой используется в последнем абзаце доказательства теоремы 5 из [1].

Для удобства дадим следующее определение.

Определение. Пусть H — конечная группа, обладающая свойствами:

- 1) $|H| = 2^{2k+1}p^c$, $p \neq 2$, $Z(H) = \Phi(H) = 1$;
- 2) S_p -подгруппа P из H нормальна и самоцентризуема в H ;
- 3) S_2 -подгруппа T из H является экстраспециальной с $C_H(T) = Z(T)$; если подгруппа T не изоморфна Q_8 , то c — четно.

Тогда назовем H группой типа $(p, 2, k, c)$. ♦

Если конечная группа X допускает автоморфизм u простого порядка r , $(|X|, r) = 1$, $C = C_X(u)$, а A и B — у-инвариантные подгруппы из X , причем $A \triangleleft B$, то $B/A = B^*$ назовем у-инвариантной секцией группы X .

Будем говорить, что группа X имеет у-инвариантную секцию H^* типа $(p, 2, k, c)$, если выполняются следующие условия:

- (I) $H^* \cong$ группа типа $(p, 2, k, c)$;
- (II) в группе $H^* \langle u \rangle$ ее S_p -подгруппа P^* является минимальной нормальной подгруппой;
- (III) $Z(T^*)$ есть наибольшая собственная у-инвариантная подгруппа в S_2 -подгруппе T^* из H^* ;
- (IV) $|C_{H^*}(u)| = |Z(T^*)| = 2$, $r = 2^{k+1}$.

Используемые ниже свойства у-инвариантных групп хорошо известны и собраны в теореме 1 из [2].

Теорема. Пусть X — конечная разрешимая группа, допускающая автоморфизм u простого порядка r , $(|X|, r) = 1$, $C = C_X(u)$. Пусть $1 \neq P$ есть у-инвариантная p -подгруппа из X и $C \subseteq N_X([P, u])$. Пусть также выполняется одно из следующих условий:

- (I) $p > 2$;
- (II) $p = 2$, но 2 не делит $|C|$;
- (III) $p = 2$, 2 делит $|C|$, но X не имеет у-инвариантных секций типа $(p, 2, k, c)$.

Тогда $[P, u] \triangleleft X$.

Доказательство. Пусть X — контрпример минимального порядка. Предположим, что X не имеет у-инвариантных секций типа $(p, 2, k, c)$.

Предположим, что существуют различные простые делители q и s числа $|X|$, отличные от p . Тогда в X существуют y -инвариантные холловские q' - и s' -подгруппы A и B (см. теорему 1 из [2]). Ясно, что $AB = X$, а $|X_p|$ делит $A \cap B$. Из теоремы 1(3) из [2] известно, что P можно выбрать так, что $P \subseteq A \cap B$. Применение индукции к A и B дает нам, что $[P, y] \triangleleft A$ и $[P, y] \triangleleft B$. Тогда из известной теоремы Виландта следует, что $[P, y] \triangleleft X$.

Поэтому впредь можно считать, что только $q \neq p$ делит $|X|$, $X = P_0 Q$, где P_0 и Q есть y -инвариантные силовские p - и q -подгруппы, причем можно считать, что $P \subseteq P_0$.

Предположим, что $O_p(X) = T \neq 1$. Тогда группа $X^* = X/T$ удовлетворяет условиям теоремы (см. теорему 1 из [2]). Применение индукции к X^* дает нам, что $[P^*, y] \triangleleft X^*$. Так как $[P^*, y]$ есть p -группа, то определение группы $O_p(X) = T$ дает нам, что $[P^*, y] = 1$, то есть $[P, y] \subseteq T$ и все доказано.

Поэтому впредь можно считать, что $O_p(X) = 1$. Из разрешимости группы X тогда следует, что $O_q(X) = H \neq 1$. Группа $X^{**} = X/H$ удовлетворяет условиям теоремы (см. теорему 1 из [2]). Применение индукции к X^{**} дает нам, что $[P, y]H/H \triangleleft X/H$. Тогда $[P, y]H \triangleleft X$. Предположим, что $[P, y]H \subset X$. Так как $[P, y]H$ является y -инвариантной подгруппой в X , то по индукционному заключению $[P, y] \triangleleft [P, y]H \triangleleft X$ и все доказано. Поэтому $[P, y]H = X$. Но тогда $[P, y]$ — есть силовская p -подгруппа в X . Теперь утверждение следует из теоремы 5 в [1].

Теорема полностью доказана.

В заключение выражаю признательность своему научному руководителю профессору Пальчику Э.М. за постоянное внимание к моей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пальчик Э.М., Гарист Ю.Э. О конечных группах, допускающих автоморфизм простого порядка. // Вопросы алгебры. Гомель, 1996. Вып. 9. С. 75-82.
2. Шмидт А.М. О конечных группах с копростым автоморфизмом, стабилизатор которого имеет нормальную абелеву 2-подгруппу // Весник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2001, №1. С. 69-71.
3. Гарист Ю.Э., Пальчик Э.М. О конечных группах, допускающих копростой автоморфизм // Вопросы алгебры. Гомель, 1997. Вып. 11. С. 20-26.
4. Huppert B. Endliche Gruppen, I. Berlin: Springer-Verlag. 1967. — 793 S.

S U M M A R Y

In the papers is proved the following theorem:

Let X be a finite solvable group admitting automorphism y of order r , $(|X|, r) = 1$, $C = C_X(y)$. Let $1 \neq P$ is y -invariant p -subgroup of X and $C \subseteq N_X([P, y])$. Let one of the following holds:

- (I) $p > 2$;
- (II) $p = 2$, but 2 not divided $|C|$;
- (III) $p = 2$, but 2 divided $|C|$, but X has not y -invariant section type $(p, 2, k, c)$.

Then $[P, y] \triangleleft X$.

Поступила в редакцию 9.01.2002

СКАЗКА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: Пособие для учителей / Авт.-сост.: **В.М. Минаева, С.В. Чубаро.** – Мозырь: Издательский дом «Белый ветер», 2001. – 76 с. Тир. 1000 экз.

Авторы стремятся проанализировать сказки с позиции педагога-эколога, с учетом взаимосвязи человека и природы. Такой подход предполагает взгляд на сказку как на средство воспитания, привлечения внимания ребенка к изучаемому материалу, активизации его познавательных интересов и творческих способностей. Ибо возможно широкое использование сказок в экологическом воспитании, и неисчерпаем образовательный потенциал сказочного жанра.

Подобрав сказки экологической направленности, придуманные взрослыми и сочиненные детьми, авторы показывают, что они не только оказывают сильное эмоциональное воздействие на детей, но и помогают познавать богатство окружающего мира, рассказывают о

пользе каждого живого существа в нем, призывают к охране всех животных

Книга предназначена в помощь учителям начальных классов для использования на уроках, во внеклассной работе, а также в оздоровительных лагерях.

Е.А. Климентенко

АЛГЕБРА УЧИТ РАССУЖДАТЬ: Пособие для учителей общеобразовательных школ (классов) с углубленным изучением математики / **К.О. Ананченко, Н.Г. Миндюк.** – Мозырь: Издательский дом «Белый Ветер», 2001. – 112 с. Тир. 1000 экз.

Важная задача школы состоит в том, чтобы не только дать учащимся сумму конкретных знаний, но и научить делать самостоятельные выводы на базе этих знаний, привить навыки научно-теоретического мышления. Один из путей решения данной задачи состоит в формировании умения рассуждать.

В книге изложены методические основы формирования у учащихся умения проводить рассуждения на алгебраическом материале. Авторы особое внимание уделяют вопросам обучения индуктивным и дедуктивным умозаключениям, поскольку структурным компонентом всякого математического рассуждения является умозаключение. В книге имеет-

ся ряд задач, позволяющих раскрыть учащимся красоту и изящество математического рассуждения.

Адресуется учителям математики, аспирантам и студентам педагогических учебных заведений.

Н.Е. Большаков

6-14 мая 2002 года группа студентов университета приняла участие в международном фестивале студенческой культуры «Евроналии-2002» в Зеленой Гуре. На этот праздник нас пригласили Зеленогурский университет и Зеленогурское городское управление.

Кроме белорусских студентов из ВГУ и ВГТУ в Зеленую Гору прибыли студенты из России, Украины, Франции и Германии. «Евроналии-2002» были в центре внимания журналистов, о событиях фестиваля много писали.

Обширной была программа праздника. Она включала концерты самодеятельности, выступление студенческих театров, работу художников на улицах, выставки и спортивные состязания. Кроме того, проходили джем-сессии, дискотеки, дебаты по самым разным проблемам, волнующим молодежь.

Наши студенты подготовили прекрасный концерт, исполняли песни на белорусском, русском, польском и английском языках. Лидерами были представители нашего университета в соревнованиях по большому теннису и конному спорту, в художественных выставках, во всех других запланированных и незапланированных делах.

Во время пребывания в Зеленой Гуре группа ощущала постоянное внимание и заботу со стороны городского управления и общества «Польша-Беларусь». Как подчеркивали представители мэрии такие встречи и общения ровесников послужат установлению более тесных контактов между молодежью и жителями Зеленой Гуры и Витебска, позволят лучше узнать нашу общую историю, культуру и достижения в различных областях жизни.

С 11 по 25 июня 2002 г. в университете была развернута фотовыставка «Перемены. Прошлое и настоящее Израиля». Выставка включала в себя широкоформатные фотографии, представляющие современные ландшафты страны и панорамы городов наряду с фотографиями начала XX века, что наилучшим образом отражает грандиозные изменения в облике страны за последнее столетие.

В церемонии открытия выставки принял участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в Республике Беларусь Мартин Пелед-Флэкс. Посла и сопровождавших его лиц тепло приветствовали ректор университета, профессор А.В. Русецкий, председатель Витебского горисполкома В.В. Пелогейко, декан исторического факультета, профессор В.А. Космач. Выставка позволила молодежной аудитории проследить динамику становления Государства Израиль и познакомиться с современным обликом страны.

У сярэдзіне мая група выкладчыкаў ВДУ, у складзе якой былі прафесары В.В. Шамшур, А.Ц. Жукава, дацэнт М.Л. Цыбульскі, выкладчыкі М.А. Казакова і А.К. Шэйгас выязджала ў Латвію, каб прыняць удзел у рабоце III міжнароднай канферэнцыі «Person. Color. Nature. Music», якая адбылася ў Даўгапілскім дзяржаўным універсітэце. На гэтай канферэнцыі былі прадстаўлены даклады навукоўцаў з 14 краін, сярод якіх Аўстралія, Бразілія, Германія, ЗША, Італія, Малдавія, Польшча, Расія, Фінляндыя, Швецыя, Эстонія і іншыя. У гэтым годзе адным з васьмі членаў рэдакцыйнага камітэта канферэнцыі, у складзе якога былі прадстаўнікі універсітэтаў з розных краін, быў і прадстаўнік Беларусі – прафесар ВДУ В.В. Шамшур. Доклады віцебскай дэлегацыі былі прадстаўлены

ўвазе ўдзельнікаў секцыі «Праблемы развіцця творчай асобы ў мастацкай адукацыі», сукраўнікамі якой былі дацэнт кафедры мастацтваў ВДУ Цыбульскі М.Л. і кіраўнік Дэпартаменту выяўленчых мастацтваў з Швецыі Марга Буштэд. Паколькі рабочай мовай канферэнцыі была англійская мова, зразумела, што адметная роля ў падрыхтоўцы англамоўных тэкстаў выступленняў і іх агучванні на канферэнцыі належала выкладчыцы замежнай мовы ВДУ Казаковай М.А., якая, акрамя таго, выступала на секцыі і з уласнай навуковай праблемай.

Пад час знаходжання ў Латвіі ў межах культурнай праграмы віцебская дэлегацыя прыняла ўдзел у шматлікіх культурных мерапрыемствах, наведала Сігулду, Юрмалу, Рыгу.

Рэзюмэ дакладаў, прадстаўленых на канферэнцыю, ужо апублікаваны ў англамоўным зборніку. У хуткім часе будуць выдадзены Матэрыялы III міжнароднай канферэнцыі «Person. Color. Nature. Music», у якіх таксама можна будзе знайсці тэксты прафесараў і выкладчыкаў ВДУ Г.У. Ананчанка, І.В. Дзянісавай, Н.Р. Клабук, Н.В. Мацаберыдзе, А.І. Мурашкіна.

Ф.И. Шкирандо

В Витебский государственный университет им. П.М. Машерова вот уже 4-й год подряд весна приходит вместе с фестивалем художественного творчества студентов «Хит-парад».

IV фестиваль художественного творчества студентов «Хит-парад 2002» проходил с 28 марта по 11 апреля 2002 года. В рамках фестиваля прошли: концерт вокально-хоровой музыки, открытый фестиваль КВН с участием лучших команд городов Минска, Витебска, Полоцка, Могилева, Жлобина; день театра с премьерным показом спектакля «Анкета» студенческого театра университета.

Благодаря участию и поддержке ректора университета в рамках фестиваля впервые были проведены: день белорусской национальной культуры и искусства, с участием фольклорных коллективов Витебска и Витебской области; популярной фолк-группы «Палац» (г. Минск); конкурс исполнителей вокальной и инструментальной музыки. Впервые праздничный концерт открытия фестиваля, вместе с постоянным ведущим Дмитрием Стриком, вела выпускница нашего университета, бывшая солистка студии «Шанс», популярная телеведущая и эстрадная певица Лариса Грибалева.

Ежедневно в фойе 1-го этажа проводился «фестивальный Арбат» – выставка изделий мастеров народных ремесел, творческих объединений университета и города Витебска. В кинозале университета, проходил фестиваль-кинопоказ художественных фильмов из коллекции городского киноклуба «Диалог», который вызвал большой интерес зрителей.

Главным содержанием фестиваля, по традиции, стали конкурсные концертные программы факультетов, которые и в этом году оправдали надежды зрителей.

По решению жюри лауреатом IV фестиваля «Хит-парад 2002» (1 место) стал педагогический факультет. Декану факультета А.И. Мурашкину был вручен переходящий приз «Фестивальная птица». Второе место и звание дипломантов фестиваля были присуждены двум факультетам: художественно-графическому и факультету социальной педагогики и психологии. Третье место и звание дипломанта было присуждено математическому факультету. Гала-концерт, в котором были представлены самые яркие концертные номера, завершился праздничным фейерверком.

Лауреатов и дипломантов фестиваля, а также победителей в номинациях «Лучший сценарий», «Лучшая режиссура», «За оригинальность», «Лучший номер фестиваля», «Индивидуальное исполнительское мастерство» на гала-концерте поздравлял и награждал призами оргкомитета ректор университета А.В. Руоский.

Л.И. Шевцова

Рэфераты

УДК 1(091)

Позойский С.В., Рудковский Э.И. Апории Зенона: философские и естественно-научные аспекты // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 3-8.

Дан анализ философских, математических и физических аспектов знаменитых апорий древнегреческого философа.

Рис. – 3.

УДК141(048)

Табачков А.С. Некоторые особенности концепта «Картина мира» // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 8-11.

Анализируется широко распространенный концепт «Картина мира» с точки зрения его роли и влияния на процессы социокультурной трансформации. Наряду с этим рассматриваются некоторые аспекты генезиса этого концепта.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 947.6+930.1(476)

Дулаў А.М. Становішча жанчыны ў БССР 1920-30-х гг.: беларуская гістарыяграфія // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 12-16.

Аналізуецца савецкая і постсавецкая беларуская гістарыяграфія становішча жанчыны ў БССР 1920-30-х гг. Аўтар робіць вывад, што панаванне марксісцкай метадалогіі і ідэалагічны дыктат накладлі значныя абмежаванні на даследаванні савецкіх гісторыкаў. У апошнія гады ў артыкулах беларускіх навукоўцаў была здзейснена спроба разгледзіць праблему з новых метадалагічных пазіцый, аднак абагульняючае ўсеабаковае даследаванне на сённяшні дзень адсутнічае. Стварэнне яго ўяўляецца неабходным і актуальным.

Бібліягр. – 28 назв.

УДК 947.6 «1941-1944»

Беляев А.В. Организация, структура и функции местной вспомогательной администрации в Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.) // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 17-23.

Статья посвящена анализу организации местной вспомогательной администрации в Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.). Подробно рассматриваются структура и функции окружных, районных, городских и волостных управ, обязанности сельских старост. Определяется место этих административных органов в системе немецко-фашистского оккупационного режима.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 338

Шахнович С.В., Шахнович Е.С. Человек, собственность и экономические системы // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 24-28.

Достоинство проведенного исследования состоит в том, что авторы не только расширили понятие собственности, уточнили его содержание, но установили зависимость формирующихся экономических систем от места и роли человека в системе производственных отношений прежде всего как субъекта и объекта собственности на рабочую силу, поскольку человек выступает не только главным условием, началом любого способа производства, но и его конечной целью.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 640(476.5)

Трацевская Л.Ф. Бытовое обслуживание населения – важный фактор жизнеобеспечения и развития городов экономического региона // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 28-30.

Анализируются вопросы, связанные с обеспечением городского населения Витебской области необходимыми бытовыми услугами, предпринята попытка обозначить мероприятия по совершенствованию функционирования рынка бытовых услуг в городской местности данного региона.

Табл. – 1. Библиогр. – 3 назв.

УДК 340.1; 321.01

Егоров А.В. Правовая интеграция (теоретические основы определения) // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 32-39.

Разработаны подходы к определению правовой интеграции. Дан анализ форм восприятия интеграционно-правовой модели общественным правосознанием. Определен метод гармонизации правовых систем путем сближения национальных правовых институтов.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 343.24 (476)

Середа Г.Н. Ресоциализация осужденного при отсрочке исполнения наказания // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 39-45.

Рассматриваются вопросы содержания режима испытания при отсрочке исполнения наказания. Особо уделяется внимание дифференциации обязанностей режимного и исправительного характера, возлагаемых на осужденного в период отсрочки.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 37.033

Чубаро С.В. Эмоционально-ценностное отношение к природе как компонент экологической культуры личности // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 46-49.

На основе анализа литературных источников рассматривается проблема отношения личности к природе, становления эмоционально-ценностного отношения как духовно-нравственной категории, которая обусловлена эмоциональными переживаниями, субъективным восприятием мира природы и определяет экологически оправданное поведение личности.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 377.35:50

Галузо И.В. Дидактические основы профильных курсов естественнонаучных предметов в профессионально-технических учебных заведениях // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 50-55.

На основе общепринятой ярусной структуры формирования содержания образования в статье обосновываются, определяются и характеризуются три уровня дидактических основ формирования содержания естественнонаучных предметов и два уровня для его реализации в условиях профессионально-технического обучения, совмещенного с общеобразовательной подготовкой учащихся профтехучилищ.

Рис. – 1. Библиогр. – 12 назв.

УДК 371.3:881

Шевцова Л.И. Классы гуманитарного профиля: содержание и задачи литературного образования // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 55-62.

Определяется сущность и цели гуманитарного образования, специфика и задачи литературного образования в классах гуманитарного профиля.

Табл. – 2. Библиогр. – 9 назв.

УДК 317.025

Амасович Н.В. Развитие учебно-творческой деятельности младших школьников // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 63-66.

Анализируется учебная деятельность как основной фактор развития творческого потенциала личности младшего школьника, уточняется сущность понятий «учебно-творческая деятельность» и «опыт творческой деятельности». Креативная ситуация рассматривается как один из органичных компонентов учебно-воспитательного процесса, его образовательная единица.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 346.46

Харитоновна Е.А., Лобырь А.Н. Анализ речевого онтогенеза в аспекте проблемы формирования высказывания (младенческий и ранний возраст) // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 68-74.

В общем виде раскрывается современное понимание проблемы развития речи детей. Подробно рассматривается процесс формирования высказывания в онтогенезе на первом, втором и третьем годах жизни ребенка.

Библиогр. – 16 назв.

УДК 800.1

Ануфриева С.С. Подтекст: явление, понятие, термин // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 75-79.

Статья посвящена актуальной проблеме лингвистики текста – исследованию явления подтекста. Автор рассматривает подтекст как лингвистическое явление и предлагает определять это понятие, исходя из его онтологических характеристик. Выявление сущности категории подтекста, являющейся частью общей категории имплицитности, связано с рассмотрением смежных понятий имплицитности и смысла. В работе предпринята попытка их разграничить.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 808.2-3

Руткевич С.А. Стилистическое использование омонимов, полисемантов, речевых клише в рекламной речи // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 79-84.

В текстах современной русскоязычной рекламы активно реализуется тот мощный потенциал выразительности, который «таят» в себе омонимы, паронимы, многозначные слова, устойчивые выражения. Это позволяет рекламистам дестандартизировать речь, делать ее более экспрессивной и тем самым привлекать к ней внимание адресата, эффективно воздействовать на него – побуждать заинтересоваться рекламируемым. Впечатляет, настораживает, порождает общественные дискуссии чрезвычайная раскрепощенность, ультрадемократичность (порой даже вульгарность) рекламы: жестко – прагматич-

но исходя из своих конечных интересов, она массированно и безапелляционно вторгается в поисках материала для каламбуров и аллюзий в самые высокие (равно как и в самые интимные) сферы жизни человека, человеческого духа; она же интенсивно насыщает свою массово-ориентированную и постоянно мультиплицируемую речь элементами сниженных языковых стилей.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 82.091

Казakov И.Н. Сказ как способ передачи письменной речи (на материале «Записей Ковякина» Л. Леонова) // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 84-88.

Пересматривается распространенное мнение о том, что одной из главных дефиниций сказовой повествовательной формы является ее «изустный» характер. Автор рассматривает возможность сказовой повествовательной формы служить способом передачи не только устной, но и письменной речи. На основе анализа субъектной организации, стилистики, принципов создания образа, характера взаимоотношений автора и рассказчика повести Л. Леонова «Записи Ковякина» в статье доказывается близость этого произведения, представленного как письменный жанр, к классическим сказовым формам лесковского типа.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 808.26-323

Семянькова Г.К. Неафіцыйнае імянаванне жыхароў Віцебшчыны і светапогляд беларусаў // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 89-94.

Даследуюцца сучасныя мянушкі жыхароў Віцебшчыны: прычыны ўзнікнення, характар пакладзенай у іх аснову прыкметы, асаблівасці бытавання і інш. Прыводзіцца класіфікацыя аналізуемага класа антрапонімаў, у аснову якой пакладзены асаблівасці матывацыі. Выяўляецца адметнасць мянушак на даследуемай тэрыторыі.

Бібліягр. – 2 назв.

УДК 820-3

Шумко В.В. Генезис, развитие жанра фэнтэзи и его современное состояние // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 95-104.

Исследуется происхождение жанра «фэнтэзи». Далее идет анализ современного состояния жанра фэнтэзи в русской литературе (выделяются такие направления, как «классическое фэнтэзи», «фолькфэнтэзи», «технопанк», «киберпанк»).

Библиогр. – 4 назв.

УДК 882(091)

Карпенко А.В. Эволюция строфических форм поэзии О.Э. Мандельштама // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 104-110.

Исследуется эволюция строфических форм в поэзии Мандельштама по шести периодам творчества. Автор, используя статистический материал, приходит к оригинальному выводу, что поэт главным образом использует традиционные, закрепленные в русском классическом стиле, формы.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 882.6.09-3+888.2.09-03

Бружас А.К., Петкевич Г.С. В ожидании «встречного течения»: литовско-белорусские литературные связи 1980/90-х годов // *Вестник ВДУ*. 2002. № 2(24). С. 111-113.

Авторы прослеживают особенности развития литовско-белорусских литературных связей в 1980-1990-х годах. Предпринята попытка анализа причин некоторого «ослабления» этих связей. Отмечается актуальность данной тематики.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 512.548

Гальмак А.М. О смежных классах конгруэнции полиадической группы // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 114-118.

Работа посвящена изучению конгруэнций n -арных групп, продолжает исследования автора в данном направлении, начатые в его книге «Конгруэнции полиадических групп». Многочисленные следствия из результата работы весьма полезны при изучении как самих n -арных групп, так и других алгебраических систем.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 512.542

Ефремова М.И. О пересечении максимальных t -подклассов Шунка n -арных групп // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 118-121.

В работе с помощью методов теории классов и методов общей теории решеток изучены свойства максимальных t -подклассов Шунка n -арных групп и их пересечений. Кроме того, описана нижняя грань для множества всех коатов решетки t -подклассов Шунка произвольного t -класса Шунка конечных n -арных групп. Все полученные результаты могут быть использованы при изучении классов конечных n -арных групп.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 518:517.948

Трубников Ю.В. Об одном новом алгоритме нахождения спектральных радиусов // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 121-123.

Предложен новый алгоритм нахождения спектрального радиуса произвольной матрицы с комплексными элементами.

Алгоритм основан на построении алгебраического уравнения, корнем которого является квадрат спектрального радиуса. Используется техника тензорных произведений матриц.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 537.8:517.951

Андрушкевич И.Е., Жизневский В.А. Применение обобщенного метода Фурье в задаче полого волновода треугольного сечения // *Вестник ВДУ*, 2002, № 2(24). С. 124-128.

Рассмотрено возможное применение обобщенного метода Фурье разделения переменных в прикладных задачах электродинамики. На примере определения семейства E -волн волновода треугольного сечения показано преимущество перед классическим методом разделения переменных при решении краевой задачи для двумерного уравнения Гельмгольца.

Рис. – 1. Библиогр. – 2 назв.

УДК 55(09)

Пиловец Г.И. Игнатий Домейко – геолог, этнограф, педагог и гражданин мира (к 200-летию со дня рождения) // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 129-132.

Рассказывается о жизни и деятельности нашего великого соотечественника Игнатия Домейко.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 911.53(476):633

Пилецкий И.В. Сельскохозяйственное производство как фактор формирования культурных ландшафтов Белорусского Поозерья // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 133-142.

Анализируется специализация сельскохозяйственного производства Белорусского Поозерья до и после распада СССР. Отмечается, что она базируется на благоприятных природно-климатических и почвенных условиях территории, которые позволяют производить необходимый и достаточно стабильный объем травянистых кормов. Кризисные явления в экономике в 90-е годы привели к резкому снижению производства продукции растениеводства. Излагается динамика численности поголовья животных в Беларуси и в Белорусском Поозерье, устанавливаются причины, приведшие к негативным процессам в животноводстве. Показано, что рост численности поголовья животных в регионе не может оказать значимого отрицательного влияния на сформировавшиеся культурные ландшафты.

Рис. – 4. Табл. – 1. Библиогр. – 8 назв.

УДК 598.2 (075)

Ивановский В.В., Кузьменко В.Я., Козлов В.П. Сизая чайка (*Larus canus* L.) на верховых болотах Беларуси // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 143-145.

Сизая чайка гнездится как отдельными парами, так и небольшими колонизальными поселениями от 5 до 50 пар на большинстве верховых болот региона площадью от 500 до 19900 га, имеющих грядово-озерные или грядово-мочажинные комплексы с небольшими моховыми островками или кочками среди обводненных мочагин, на которых чайки устраивают свои гнезда. Могут гнездиться также на деревьях, занимая гнезда серой вороны, искусственные гнезда – в виде кочек для дербника или даже строить их самостоятельно из мха, тонких сухих веточек сосны и стебельков осок.

В последнее десятилетие наблюдается тенденция расселения сизой чайки с верховых болот на торфокарьеры и торфоразработки, озера, рыбопродуктивные пруды, песчаные и доломитовые карьеры, очистные сооружения, острова крупных рек и другие станции.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 582.284

Шапорова Я.А., Колмаков П.Ю. Первые находки *Russula azurea* Bres. в Беларуси // Веснік ВДУ. 2002. № 2(24). С. 145-146.

Представлены первые находки *Russula azurea* Bres. в Беларуси. Указаны локалитеты произрастания вида и сроки плодоношения в центральных и северных районах республики.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 591.111.1

Малах О.Н. Изменение клеточного состава крови крыс, адаптированных к воздействию гипоксии и подвергшихся токсическому воздействию // Веснік ВДУ. 2002. № 2(24). С. 147-149.

Изучено влияние предварительной адаптации к гипоксии на организм крыс, подвергшихся токсическому воздействию. Токсическое воздействие оценивалось по развитию гепатита. Анализ результатов исследований показал, что предварительная адаптация в течение 22-х дней к воздействию гипоксии на высоте 3500 м в барокамере приводит к изменению клеточного состава крови и повышению устойчивости организма к токсическому воздействию.

Табл. – 1. Библиогр. – 5 назв.

УДК 512.542

Шмидт А.М. О конечных разрешимых группах с копростым автоморфизмом // Веснік ВДУ, 2002, № 2(24). С. 150-151.

Данная работа посвящена теории конечных групп и рассматривает нормальное строение групп, допускающих копростой автоморфизм простого порядка. В статье доказывается теорема, в которой рассмотрены некоторые условия достижимости простой подгруппы в разрешимой группе.

Библиогр. – 4 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Амасовіч Наталля Валерьеўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі і методыкі пачатковага навучання ВДУ імя П.М. Машэрава
Андрушкевіч Іосіф Яўгеньевіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, першы прарэктар ВДУ імя П.М. Машэрава
Ануфрыева Святлана Сцяпанавіч	– Выкладчык кафедры англійскай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава
Беляеў Аляксей Віктаравіч	– аспірант кафедры новай і навейшай гісторыі Беларусі БДУ
Бружас Алексас Казіміравіч	– доктар гуманітарных навук, дацэнт Вільнюскага педагагічнага ўніверсітэта
Галуза Іларыён Віктаравіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дэкан фізічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Гальмак Аляксандр Міхайлавіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры матэматыкі Магілёўскага тэхналагічнага інстытута
Дулаў Анатоль Мікалаевіч	– выкладчык кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
Жызнеўскі Валерый Анатольевіч	– старшы выкладчык кафедры аўтаматызацыі навуковых даследаванняў ВДУ імя П.М. Машэрава
Іваноўскі Уладзімір Валянцінавіч	– кандыдат біялагічных навук, папярэднязнавец Віцебскай раённай арганізацыі БТПР
Казакоў Ігар Мікалаевіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры агульнага і рускага мовазнаўства і тэорыі і гісторыі літаратуры Славянскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута
Казлоў Уладзімір Пятровіч	– навуковы супрацоўнік Праблемнай навукова-даследчай лабараторыі ВДУ імя П.М. Машэрава
Калмакоў Павел Юр'евіч	– выкладчык кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Карпенка Анжэліка Валянцінаўна	– выкладчык кафедры літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Кузьменка Віталь Якаўлевіч	– кандыдат біялагічных навук, дацэнт, дэкан біялагічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава

Лобыр Анатоль Мікалаевіч	– выкладчык кафедры ўсходнеславянскай філалогіі і лінгвадыдактыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
Малах Вольга Мікалаеўна	– выкладчык кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеа-логіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Пазойскі Сямён Веніямінавіч	– дацэнт кафедры агульнай і прыкладной фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Пілавец Галіна Іванаўна	– старшы выкладчык кафедры геаграфіі і аховы прыроды ВДУ імя П.М. Машэрава
Пілецкі Іван Васільевіч	– кандыдат тэхнічных навук, дацэнт кафедры педагогікі і методыкі пачатковага навучання ВДУ імя П.М. Машэрава
Пяткевіч Гендрык Станіслававіч	– доктар гуманітарных навук, лектар Вільнюскага педагагічнага ўніверсітэта
Рудкоўскі Эдвард Іосіфавіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Руткевіч Сяргей Аляксандравіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры ўсходнеславянскай філалогіі і лінгвадыдактыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
Семянькова Галіна Канстанцінаўна	– кандыдат філалагічных навук, выкладчык кафедры беларускай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава
Серада Галіна Мікалаеўна	– саіскальнік кафедры крымінальнага права БДУ
Табачкоў Аляксандр Сяргеевіч	– выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Ма-шэрава
Трацэўская Людміла Фёдораўна	– кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі ВДУ імя П.М. Машэрава
Трубнікаў Юрый Валянцінавіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры тэарэтычнай і матэматычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Харытонава Алена Аляксандраўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі і карэкцыйнай работы ВДУ імя П.М. Ма-шэрава
Чубара Святлана Вільямаўна	– старшы выкладчык кафедры геаграфіі і аховы прыроды ВДУ імя П.М. Машэрава
Шапорова Ядвіга Аляксандраўна	– навуковы супрацоўнік лабараторыі мікалогіі ІЗБ імя Купрэвіча

**Шаўцова
Людміла Іванаўна**

– старшы выкладчык кафедры літаратуры ВДУ імя
П.М. Машэрава

**Шахновіч
Сяргей Васільевіч**

– кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык
кафедры эканамічнай тэорыі ВДУ імя П.М. Машэ-
рава

**Шахновіч
Алена Сяргееўна**

– выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі ВДУ імя
П.М. Машэрава

**Шмідт
Аляксандр Міхайлавіч**

– асістэнт кафедры фізікі і асноў вышэйшай
матэматыкі ВДАВМ

**Шумко
Віталь Вітальевіч**

– выкладчык кафедры літаратуры ВДУ імя
П.М. Машэрава

**Ягораў Аляксей
Уладзіміравіч**

– кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дэкан
юрыдычнага факультэта ПДУ

**Яфрэмава
Марына Іванаўна**

– аспірантка кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя
Ф. Скарыны

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыяла, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць рысункаў не павінна перавышаць трох. Фотаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне прафесара доктара навук, рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюме на англійскай мове (2-3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзнак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадкавым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца:
для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10-15);
для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). С. 3-7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.